

Давно это было. Пионерский лагерь. Отбой. Только что посмотрели в клубе фильм "Это было в разведке"... А рано утром, 22 июня в 4 часа, нас поднимут на "Зарницу"!

Вот бы реально попасть в то время...

Попаданцы, обычно, круче "вареных яиц, которые кипели 5 минут". Хотя... о чем это я! Сейчас некоторые тренированные шестиклассники, с лапкой 47 размера, дадут фору девятиклассникам... А если реальные, современные мальчишки попали бы в 1941 год? Как бы они себя повели? С кем бы там встретились? Выжили бы?

Историю не изменить: что было, то было. Эх... давно это было и, говорят, что многое не правда...

Глава 1

В парке у фонтана.

Май. Небывалая жарница. Недалеко от фонтана, в тенечке, сидели с книжками два любителя попаданческой фантастики и ожесточенно спорили...

— Лажа все это! — чуть не брызгал слюной парнишка лет 14-ти. — Не бывает никаких параллельных миров! Все как должно быть, так и будет!

— Да ладно! — уверенно ему ответил такой же по возрасту «боец». — Представь только: ты попал прошлое, грохнул Гитлера и никакой войны! Ну... Или как-то сделал, чтоб он стал художником... И все! Это же так просто!

— Я же сказал, что это — лажа! Не бывает так. Все случится так, как должно случиться. Если не Гитлер, то другой появится... Мне старший брат рассказывал, что у любого события есть предпосылки, причины и еще какая-то хрень... Короче — философия, в институте будем изучать...

— О! — прервал «философа» «боец». — Да ты, этот, как его — психолог, разные «буржуйские» слова знаешь!

— А ты посмотрелся всякой хрени, типа «Неуловимых мстителей», и мечтаешь о том, чего не бывает... Вот во сне... А вот во сне может быть что угодно!

Это странная и очень хитрая штука — сон... Присниться может всё что угодно: друзья и враги, море и пустыня, черти с колдуньей, война и космос, Фредди Крюгер и родители, разъярённый носорог, который пытается тебя раздавить... Где грань между реальным и нереальным? Как её заметить? Когда просыпаешься в холодном поту или от собственного крика? А если проснуться не удаётся... А если это — не сон?

Спишь ты или нет, всё равно, приходится что-то делать, действовать, а действовать так, как этого требуют обстоятельства и, как поступил бы на самом деле.

— Точно — «псих...олог»... Лечиться не пробовал, а, Макс? — «Боец» был явно в легком экстазе от тирады друга.

— Конечно, я псих, сам знаешь, — "психолог" Макс помассировал правой рукой затылок...

Актальный зал, школа № 9.

В пятницу, 7 мая, в школу № 9 города Покровска пригласили для выступления ветерана Великой Отечественной войны. Учащиеся 7–9 классов собрались в актовом зале. Ребята надеялись увидеть старичка, убелённого сединами, с огромным количеством орденов и медалей, но на сцену поднялся бодрый дедулька, лет 60-ти, с непонятными полосками на левой стороне пиджака, и без наград. Ученики недоумённо зашумели.

— Дорогие ребята! — начала Ольга Юрьевна, директор школы. — Хочу представить вам замечательного человека, редкой судьбы. Александру Семеновичу Кошелеву во время войны было столько же лет, сколько вам сейчас. Он награждён одним орденом и тремя медалями, но не носит их, говорит, что — стесняется. Давайте поприветствуем его и попросим рассказать о самом запомнившемся эпизоде войны.

Когда смолкли аплодисменты, смущенный Александр Семенович попросил:

— Ребята, честно говоря, я не знаю о чём вам рассказать. Давайте так: вы задаёте вопрос, можно написать записку, если стесняетесь, а я буду отвечать. Ну, спрашивайте!

Возникла неловкая молчаливая пауза... Подняла руку одна девочка:

— Александр Семенович, а какой у Вас орден и за что его Вам дали?

— Орден «Красной звезды» я получил...

Обычный семиклассник Серёга Парнов сидел на предпоследнем ряду, закрыв глаза, у него внезапно разболелся шрам, чуть выше левого виска...

Он никак не мог поверить, что такое бывает...

Кабинет психиатра.

— Ну, что ж, это радует! — сказал врач, закончив осмотр. — Одевайтесь, молодой человек.

— Доктор, что Вы мне скажете? — спросила находящаяся рядом с мальчиком женщина.

— Не волнуйтесь так, мамочка. Мальчик — как мальчик! — он попытался взъерошить коротко стриженные волосы на голове парнишки, но тот недовольно мотнул головой, и рука врача повисла в воздухе. — Ну и что, что кричит во сне, командует и пытается стрелять? Нормальный мальчишка, с нормальной психикой. Просто начитался книг о пионерах-героях, фильмов насмотрелся, плюс школьные перегрузки, ещё и растёт мальчик, вот и пошаливают нервишки. Самое интересное, это шрамы... очень интересные шрамы, как будто от пулевых ранений или шрапнели... И Вы, мамочка, не в курсе, откуда они у него... и в медицинской карте — ни слова... Самолечение? Вряд ли... — Будто сам с собой разговаривал врач. — По каким стройкам — помойкам лазаем? Что за шрамы на груди и спине? А, Никита?

Никитка, сосредоточенно одевался, не говоря ни слова, то ли не услышав вопрос, то ли не желая отвечать...

Врач не мог понять, как у такого обычного, среднестатистического по развитию, 13-летнего мальчишки может быть такой пронизывающий взгляд — взгляд человека, видевшего смерть... Такие он видел у солдат, которых лечил после ранений в Афганистане

— Доктор, помогите! — взмолилась женщина, слёзы вновь потекли у неё по щекам. — Я вам ещё не всё рассказала!

— Да? И что же он ещё вытворяет? Становится Кинг-Конгом или Терминатором? — улыбнулся врач.

— Да! То есть — нет! Я ведь и сама не какая-нибудь дурочка! Одно дело кричать во сне, а другое дело....

— Ну, мам!! — попросил Никита, сделав обиженное лицо.

— Всё! Я решила, я расскажу! — Никитина мама быстрым движением вытерла слезы. — Так вот, доктор, проснулась вчера ночью от того, что на кухне кто-то разговаривал. Прихожу на кухню, а там стоит ко мне спиной Никита, что-то бурчит и отрезает хлеб. Это в два — то часа ночи!!

— Ну, пожевать захотелось, ма...

— Никита, не перебивай! Извините, доктор, — женщина продолжила свой рассказ. — Я его и спрашиваю: «Никита, что ты здесь делаешь? Ты чего-нибудь хочешь поесть?». А он в меня ножом кинул! Понимаете, развернулся и кинул ножом! Нож — в дверь, в косяк! В 10 сантиметрах от головы! Я стою — ни жива, ни мертва. Боюсь шелохнуться. А Никита схватился за плечо, сжался весь как-то... Потом выпрямился, спокойно прошёл мимо меня и лег спать. На меня ноль внимания — будто меня и нет. Я еле-еле нож вынула... А сын всё твердит, что это мне приснилось!

— На кухне я действительно был, а вот тебя там не видел. Приснилось тебе, мам...

— Что! Приснилось!? А как еле — еле нож из косяка вытаскивала, мне тоже

приснилось?

— Да уж, — врач поправил очки и ручку в кармане халата. — Это очень занимательный случай. Посттравматический синдром... Это радует, очень интересно, очень радует! И, все же, где тебя так угораздило, а, Никита?

— А меня, доктор, это совсем не радует! Мальчика надо лечить, а не радоваться! — ответила за сына, вскипев мама Никитки.

Через несколько минут, Никита, с кислой физиономией, а также его мама с нецензурным выражением лица а-ля «Бармалей» (ненавижу всех докторишек) вышли из кабинета психиатра и стремительно двинулись к выходу. Загорелась лампочка вызова. Со стульев поднялись и направились в кабинет женщина и мальчик.

— Проходи, Серёжа, не бойся, — сказала женщина.

Никитка почувствовал на себе удивлённый взгляд замешкавшегося в дверях кабинета мальчишки и обернулся.

«Так это все — правда? Это было?»- в голове у Никиты всё перемешалось: где — правда, где — сон...

Но мамы упорно разводили их в разные стороны. Вот бы остаться, поговорить с Серёжкой, может быть хоть что-то станет понятно, но... Спорить с мамой в её теперешнем состоянии бесполезно — это Никита знал давно, а Серого он теперь найдет по любому ...

Макс.

— Максим! Тебя долго ждать? Может, ты не хочешь ехать к бабушке?

— Пап, ну сейчас, подожди чуть-чуть... — крикнул Максим. Из-под кровати торчали только его ноги.

— Считаю до полтора!!

— Па, ты же сам слышал, мама сказала взять Ваську, а он залез под кровать и не вылезает, царапается!!

— Лови быстрее этого котёнка. А то...

— Всё, поймал!

Максимка ехал в деревню к бабушке. Там не то что в городе: хочешь — ночуй на сеновале, купайся, гуляй допоздна, короче, что хочешь, то и делаешь (бабуля любимому внуку всё прощала, а Максим особенно много и не злоупотреблял её терпением).

Максиму хотелось спать (ведь выехали рано утром), но котенок Васька не давал им покоя, особенно папе: прыгнет ему то на руку, то на ногу, а ведь папа за рулём. Максим изловчился, поймал котёнка и засунул его себе за пазуху, решив, что пусть лучше Васька поцарапает ему живот, чем окончательно «достанет» папу. Тем более, что Максимка уже вывел папу из равновесия в самом начале поездки тем, что когда они проезжали мимо городского рынка, заявил, что когда, он — Макс, был маленьким, то думал — это цирк. Теперь-то он так уже не думает... Котёнок пригрелся, тихонько заурчал. Думая о приятном — скором дне рождения, незаметно для себя заснул и Максим.

Больно ударившись плечом о дверь машины, от резкого толчка, Макс проснулся. «Опелек» съехал с шоссе на просёлочную дорогу. До бабушкиной деревни осталось минут 15 езды. Справа стояли ещё не убранные хлеба. Из-за леска, куда вела дорога, слышался шум тяжело работающих моторов. Сейчас через лесок, потом прямо по дороге, поворот на право, ещё пара километров и — приехали!

Из леса выскочили несколько мотоциклов и стали выползать угловатые танки с крестами на башнях.

— Сынок, смотри-ка, кино снимают! — удивлённо произнёс Максимкин папа. — А помнишь, я тебе один случай рассказывал, о котором в газетах писали?

— Ага, помню...

Это особое дело было в Белоруссии в 70-ые годы...

" В отделении милиции одного районного центра зазвонил телефон. Трубку подняли:

— Дежурный по отделению старшина Ткаченко.

— Дяденька, у нас в деревне немцы! — испуганно прошептал какой-то мальчишка.

— Ага! А я — китаец под бамбуком! — ответил на дурацкую шутку дежурный и положил трубку, предварительно послав его куда подальше и посоветовав больше так не шутить.

Через несколько минут мальчишка дозвонился второй раз: «У нас правда — немцы, собрали всех у сельсовета, стреляют из автоматов вверх!»

Его послали значительно дальше, пообещав оторвать уши и выпороть, так чтоб сидеть не мог, за такие шутки.

Но парнишка дозвонился третий раз: «Дяденьки, приезжайте скорее, коммунистов и комсомольцев к оврагу повели расстреливать!»

Милиционеры на этот раз ничего не ответили, а отправились в эту деревеньку с единственным желанием: придушить этого мальчишку, а в крайнем — собственноручно выпороть так, чтоб зад был по цвету, как у обезьяны...

А началась эта история просто: трое молодых парней пошли на рыбалку, ну, понятное дело, выпили, а на обратном пути один из них провалился в схрон, в котором после войны прятались от людского гнева полицаи. Чего там только не было: немецкая форма, оружие, боеприпасы, документы, даже консервы. Понятное дело, захотелось всё это примерить — выглядело круто! Ну, молодые парни и решили пошутить — заглянуть в таком виде в ближайшую деревеньку...

В дома сельчан входили немецкие солдаты и на "ломаном" русском языке приказывали всем собраться у сельского совета, угрожая в случае неповиновения смертью. Никто ничего не понимал: ведь уж 30 лет, как мы победили, а тут — немцы! Всех собрали у сельсовета. Что делали немцы во время войны придя в деревню? Выявляли и расстреливали советских активистов: коммунистов, комсомольцев, председателя...

Ну, парни и стали куражиться, мол, коммунисты и комсомольцы — выйти из толпы. Все молчат... И тут из толпы выходит дедуля — местный пастух, низко кланяется и заявляет, что вас-то, родимых, он ждал 30 лет. И показывает: вот это — председатель, это — бригадир, это — секретарь местного комитета комсомола, а вот это — коммунист...

А в это время один мальчишка пробрался в сельсовет и, обмирая от страха (ведь за это не пожалеют — пристрелят), стал звонить в районный центр, в милицию.

В деревне милиционеров, желавших выпороть телефонного террориста так, чтоб сидеть не смог, а лежал только на животе, встретила толпа с причитаниями. Люди просили спасти от смерти своих родственников. Но спасти никого не пришлось, потому что, подойдя к оврагу и немного постреляв в воздух, "немцы" заявили, что это была шутка.

Шутка — шуткой, но молодые парни за неё получили по 10 лет лишения свободы (ношение огнестрельного оружия, угроза смертью и так далее), а дед — пастух оказался бывшим полицаем, военным преступником, на совести которого было не мало загубленных человеческих жизней. Его приговорили к расстрелу... Срока давности по такой статье нет."

Внезапно, с переднего мотоцикла, ударил пулемёт. Пули прошили лобовое и заднее

стёкла, в салон и на пригнувшегося от испуга Максима посыпались осколки...

Его папа всегда отличался хорошей реакцией: он резко развернул машину и погнал её по неубранным хлебам. «Опель» запрыгали по ухабам, почему-то открылась дверца, Максим потянулся закрыть её... Резкий поворот и Макс выпал из машины в канаву, которую она объезжала на полном ходу...

Грохот, ослепительная вспышка....

— Па, папа! Ну, где ты? Папа, помоги... — Максим попытался выбраться из канавы. Правая рука опухла, его тошнило.

— Папа, ну пап! — он наконец-то сумел выбраться из канавы и, шатаясь, поднялся на ноги. Метрах в 30-ти догорал, наполовину вдавленный гусеницей танка остов легковушки. Максим, пошатываясь, подошёл к останкам машины...

— Папа, ну где ты?! — крикнул Максим, размазывая по лицу левой рукой слёзы, грязь и кровь. Под его ногами лежал номерной знак отцовской машины.

Сходил за хлебушком...

— Не понял!?! — удивлённо произнёс Лёшка, открыв входную дверь своей квартиры и увидев вместо прихожей улицу. Улицу, за дверью его квартиры на 3-ем этаже, и кучу битого кирпича вперемешку с погнутой арматурой внизу. Лёха несколько секунд стоял в растерянности, а потом побежал вниз по лестнице на улицу: половины дома, как раз с того места, где была его квартира, как не бывало.

Несколько минут назад мама попросила его сходить за хлебом в магазин. Он-то сходил, и хлеб принёс, а мамы и дома нет. Лёшка молча бросился на груды развалин и стал с остервенением расшвыривать кирпичи, потеряв всякое ощущение места и времени. Только когда на его плечо легла чья-то рука, Лёшка понял, что совершенно выбился из сил. Он сел на кирпичи и заплакал.

— Ну, что ты, что ты... Что поделаешь... Не ты один... Ну, поплачь, поплачь. Сколько можно? Ведь уже два дня, как в дом бомба попала, смотри, уже даже не дымится, — успокаивал Алёшку мужчина лет сорока, обхватив за плечо. — Тебе что, пойти некуда? Пойдём со мной, вон мой дом, 12-ая квартира. Только вот что-то твоего имени не знаю, хотя знаю всех мальчишек в нашем районе, я ведь учителем в 3-ей школе работаю. Ты из какой школы?

Лёшка не ответил. Он до сих пор не мог понять где он и что произошло. Ведь это не его дом и не его город...

Когда они проходили мимо будки с афишами и объявлениями, Лёшка прочитал:

«Чапаев» Смотрите в клубе железнодорожников в субботу 21 и воскресенье 22 июня»

ЧАПАЕВ

Смотрите в клубе железнодорожников
в субботу 21 июня и
воскресенье 22 июня

ЗВУКОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ

СЦЕНАРИИ И ПОСТАНОВКА
Г. И С. ВАСИЛЬЕВЫ
Оператор А. СИГАЕВ
Художник И. МАХЛИС

ПРОИЗВОДСТВО ЛЕНФИЛЬМ

Поход на капище.

Доблестный 8 «К» класс всё-таки ушёл в поход! Несмотря на все попытки директора школы поход «зарезать», ей это не удалось. Самый мальчишечий (всего 4 девчонки и 25 ребят) класс школы под чутким классным (и в прямом, и в переносном смысле) руководством учителя трудов Михал Михалыча (Метал Металыча или просто Металыча) выполнил все её требования: нашли палатки, спальные мешки, короче, всё снаряжение по первому разряду (чтоб кто-то вдруг не заболел); в поход пошёл папа Витальки Афанасьева — капитан полиции и ещё два его сослуживца (чтоб вдруг на детей не напал маньяк). Металыч обещал, что затупит все ножи и топоры (чтоб дети вдруг не порезались), что возьмёт с собой акваланг, а дети будут заходить в воду не глубже, чем по колено (вдруг кто-то утонет), подписал кипу бумаг, разрешений и постановлений...

И вот они в походе. Никитка был в полном экстазе — сбылась мечта (идиота, добавит кто-то). Да — ноги «гудят», да — за плечами в рюкзаке, кроме личных вещей, ещё продукты (всего, наверно, килограммов под 20), до очередного привала минут 30, а до славянского капища (цели краеведческого похода) ещё километров 10! Много это или нет? Идиоты или нет? Пусть это обсуждают те, кто ни разу в поход не ходил.

У Никитки, как говорил по телевизору Кашпировский (про него мама рассказывала), прозвенел «звонок», и он решил остановиться и «позвонить». Как назло, девчонки шли в завершении цепочки, «грязно домогались» и тиранили глупыми вопросами типа: «А работать в милиции страшно?» замыкающего — Виталькиного отца, Сергея Ивановича...

— Ты, чего остановился, Никитос? Устал? Давай подсоблю.

— Не, Сергей Иванович, "позвонить" надо....

— А что, по ходу, без остановки — не судьба?

— Ой, Сергей Иванович, не слушайте его, он Вам такого наплетёт! Это так мальчишки говорят, когда им в туалет надо. Ну, совсем ещё дети! — прояснила ситуацию Светка Самойлова, староста классного значения.

— А, — улыбнулся Виталькин отец. — Ну, давай, звякни «по-мобильному» и догоняй! Метров через 400 развилка будет. Если что, то по правой тропке иди.

— Я быстро, догоню...

Но этому не суждено было сбыться. Никита рассчитывал догнать очень быстро, но сначала он дошёл до развилки, свернул на право, а потом тропка привела к деревне.

«Ну и куда теперь?» — подумал он.

У крайнего дома, на завалинке, сидел дедуля «ровесник последнего царя — батюшки» и грелся на солнышке.

— Дедуль, куда наши ребята пошли, а??

— А? Да ты не нашенский! Ты чей будешь-то, откель такой, а?

«Повезло, — подумал Никита. — Дедушка воспринимает слова, как дореволюционный телеграфный аппарат!»

— Из Покровска я, дедушка, из Покровска!

— Откель? Это где?

— Из Покровска, 43 километра и — МОСКВА!!! — почти кричал Никита...

— А! Москвич! Значит, соседом будешь!

— Москвич, дедушка, москвич. — «Фольксваген с Мерседесом!» — мысленно произнёс Никитка.

— Да, долго ты добирался. Да и путь не близкий.

— ДЕДУШКА, ГДЕ ЗДЕСЬ У ВАС НАХОДИТСЯ КАПИЩЕ?

— А он тебя, видать, встречать поехал. В Барановичи. В райцентр.

— КУДА? — не въехал Никита.

— В Барановичи.

«Ага, я за 10 минут на своих двоих до Белоруссии добрался. Шиза косит наши ряды, а ряды всё гуще и плотнее».

— КТО ПОЕХАЛ??

— Кто-кто, вот не понятливый! Дед твой, Иван Каплич! — старичок уже начал выходить из себя, разговаривая с этим непонятливым мальчишкой.

— КАПЛИЧ?

— Тебя-то Никитой кличут?

— Да, Никита.

— Ну, вот я и говорю — сосед! Ох, малый, уморил ты меня совсем. Иди вон в ту хату, что рядышком с моей стоит, там тебя Васильевна ждёт-ждется.

Никита пошёл, но не к дому, а дальше по тропинке. Тропинка привела к грунтовке, грунтовка к бетонке с указателем, направленным туда, откуда он пришёл: «с. Ямично - 2,5 км». Чуть выше располагались ещё две стрелки, указывающие в разные стороны: «г. Барановичи — 28 км» и «г. Ивацевичи -22 км». Под этим столбом Никита и сел...

— Эй, малец, тебе куда? — рядом с мальчишкой затормозила полуполторка, груженная досками, приоткрыв дверцу, из кабины приветливо улыбался шофёр.

Вид остановившейся рядом с ним довоенной машины окончательно запутал Никиту.

— Теперь не знаю... — честно признался он.

— Ну, как знаешь, а то подброшу...

— Это Белоруссия? — решил попытать счастья и всё же разобраться во всём Никита.

— Белоруссия.

— Сейчас 14 часов 27 минут?

— Да, где-то так, — согласился шофёр, посмотрев на солнце.

— 5 июня?

— С утра было пятое.

— Год 20...?

— 5030!

— Нет, серьёзно! — взмолился, чуть не плача Никита.

— Я с ним серьёзно, а он шутки шутить! 41! 1941! Что, сам не знаешь, что ли? — шофёр хлопнул дверцей и уехал, оставив Никиту на обочине дороги в состоянии нокаута. Слёзы из глаз потекли сами собой.

— Ой, дитяtko, заплутал! Не плачь! — К Никитке подошла какая-то бабушка и стала передником вытирать ему лицо. Не плачь, вон какой уже хлопец! Что ж ты Ермолаича не послушал, в хату не зашёл? Ушёл куда-то, а, Никита?

Только теперь Никита понял, что эта бабушка и есть Васильевна.

Всё наладилось само собой. Капличи особо Никиту не донимали расспросами, тем более, что внучок заплутал и перепугался (как считали дед Иван и баба Катя). Оказалось, что Никита очень похож на их сына в детстве и на настоящего внука, который должен был приехать в гости из Москвы: невысокий, жилистый, русоволосый, с любознательными глазами на скуластом лице и немного лопухий («За уши оттянули, когда с днём рождения поздравляли» — объяснял Никита).

И всё же дед был очень удивлён и огорчён поведением внука: соседские мальчишки звали Никитку купаться, а тот ответил, что не умеет плавать, и боится воды; звали в ночное — коней пасти, а внук ответил, что у него на коней какая-то «аблергия». Сенью, что через дом живёт, извалял в грязи, за то, что дразнил «Никитяй — Хиляй», да ещё досталось двоим парнишкам, пытавшимся помочь Сеньке выбраться из грязи. Все трое были известными на улице драчунами и не чахлыми ребятами, но после этого случая ближе, чем на расстояние вытянутой руки, к Никитке не подходили.

Парни постарше смеялись над Сенькой и его компанией:

— Что, Сенька, москвич такой маленький и худенький попался, что втроём в него кулаками попасть не смогли?

— Ага, попади в него! — отвечал Сенька. — Вёрткий, как бесёнок, а толкается, как кабан! А еще он дерется не по правилам, цепляется за одежду и подножки ставит!

Дед Иван чуть-чуть был горд внуком, хотя и не показывал вида. Зато Никита очень любил ходить в лес за грибами (любимый внук упросил показать окрестные леса, овраги и болота на следующий день после приезда). Пришлось деду показывать и речку Мышанку, и речку Шару, и Выгонощанское озеро (слава богу, Погоню — болото не упросил показать). Стоило ему показать место один раз, как оно становилось внуку знакомым.

Но всё же старый Каплич волновался, и было из-за чего: уходил Никита за грибами ни свет — ни заря, взяв с собой перекус, а приходил затемно. Лес- то внук любил, да вот грибов, что-то мало приносил. И что самое странное: все чаще брал в лес лопату, пилу, гвозди, молоток... Дед как-то спросил про это внука, но тот пробурчал себе под нос что-то совсем

непонятное: «Да уж... лохонулся... Как сказал почтальон Печкин — еще бы с сундуком за грибами пошел!»

21 июня в село приехал с попутной машиной на побывку к родителям старшина Андрей Ляпунов. На границе конечно же усиление, но начальник заставы отпустил его поощрению, на сутки, тем более — рядом.

Мальчишки, да и девушки стали потихоньку собираться у хаты Ляпуновых: всем хотелось посмотреть на героя — пограничника.

— Дядя Андрей! Можно я надену фуражку...

— А это у Вас знак «Ворошиловский стрелок»?

— А шпионов Вы ловили...

Всё было хорошо, пока не пришёл Никита... Никита попросил старшину отойти в сторонку... Они о чём-то говорили, пограничник сначала смеялся, потом перестал... Через полчаса старшина Ляпунов голосовал на дороге, пытаясь как можно быстрее вернуться на заставу.

Глава 2

Пашка.

Пашка впервые ехал к бабушке на скором поезде один. Не только без папы и мамы, но и без кого-либо провожатых. 14 лет, как — никак, исполнилось. Ехал не в купе — в плацкарте, в 1-ом вагоне. Папа, конечно, провожая, посмотрел на Пашкиных соседей оценивающим взглядом. Рядом ехали молодая женщина и два ее ребенка: мальчик лет 10 и девочка, которая без умолку говорила, что осенью пойдет в школу, как она будет учиться на одни пятерки...

«Маленькая, глупенькая...», — думал про нее Пашка. — «То ли вот дело он: парень в полном расцвете сил, с учебой все шик и супер, командир сводного отряда «Юнармия», 2 разряд по боксу (жаль, конечно, что только 2 место в Первенстве области), участвовал в многодневных туристических походах, проходил подготовку в лагере «Патриот», собирает — разбирает «Калашникова» по нормативу «отлично», даже несколько раз стрелял боевыми патронами на стрельбище... И вообще, будет он через некоторое время офицером!»

Вот это — да! Пашка достал телефон и стал фоткать: поезд ехал мимо стоянки множества паровозов. Говорят, что это специальный запас, на случай войны, если «кина не будет и электричество кончится!»

Когда Пашка задремал, глядя в окно, он не понял... Поезд резко затормозил и стал останавливаться. От неожиданности Пашка стукнулся лбом о деревянный столик у окна, зашипел от боли и подумал о «дровах, которые везли в поезде». От этих мыслей его вывели частые и короткие гудки паровоза... И только сейчас он понял, что в вагоне — паника, вагон не его плацкарт, соседи — тоже не его... Все начали толкаться, кричать...

— Воздух!!!

— Налет!!!

— Быстрее из вагона...

Пашка посмотрел в окно — народ в панике, побросав вещи, бежал к ближайшему леску. Гудки прекратились. С режущим уши визгом, на брющем полете, над вагоном пролетел самолет. Наконец Пашка выбрался из вагона, огляделся, не понимая, что происходит: часть

людей бежала к леску, другая легла в канаву — в грязь.

— Пацан, тебе что, жить надоело? Бегом сюда! — крикнул Пашке дядька в военной форме, с орденом «Красная звезда» на левой стороне груди... Военной форме — без погон, на петлицах 3 квадратика...

«Три кубаря — старший лейтенант — до 1943 года... Форма до 1943 года, странный деревянный вагон — «Спальный вагон прямого сообщения», авианалет... Неужто я попал в начало войны с немцами?» — обрадовался Пашка. — «Вот попал, так попал! Я же все знаю, могу заранее сказать, что бу...»

«Почему мне так больно! Больно! Почему я ничего не слышу и не вижу? Как больно!!! Я не могу кричать? МНЕ ЖЕ БОЛЬНО!!! Помогите! Кто-нибудь!!! Надо проснуться... Это сон Как больно...»

— Все, отходит... — старший лейтенант с горечью посмотрел на изувеченное осколками бомбы и кусками железа тело Пашки. Снял фуражку. — Ну, почему ж, ты меня, пацан, не послушал?

К голове состава несли еще нескольких погибших, раненым пытались оказать помощь...

Стоящий рядом со старшим лейтенантом машинист, в след за ним, снял кепку, скомкал ее в руке, отвернулся и стал смотреть на раскуроченный взрывом паровоз...

Севастополь.

— Па, Мам! Смотрите, как я могу! — Илья прыгнул в воду со скалы, которая возвышалась над волнами Черного моря метров на десять. Вынырнул, помахал маме рукой.

— Молодец, Илюшка! — подбадривающе крикнула его мама и добавила уже тихо, поцеловав мужа. — Весь в папу, такой же сорванец!

Илья действительно был во многом похож характером, отношением к жизни, внешностью на своего отца, инструктора по рукопашному бою, капитана одной из частей морской пехоты Северного флота. Командиру этой части несколько раз приходили анонимки об издевательствах капитана Фролова над сыном. Из школы приходила классный руководитель, приводила за руку Илью и требовала применить меры к «отцу, избивающему своего сына до синяков и заставляющего разбивать кулаки так, что мальчик не может держать в руках карандаш и ручку».

Но кто-кто, а полковник Войлоков хорошо знал, что к чему. Ведь он сам разрешал участвовать в учениях Илье Фролову вместе с отцом, и не жалел об этом, ведь глядя на двенадцатилетнего мальчишку (в прошлом году), преодолевающего трудности наравне со взрослыми, молодые морпехи даже себе боялись пожаловаться на усталость. А о каких издевательствах шла речь в анонимках? Просто ежедневно по утрам, не зависимо от погоды, отец и сын пробегали 5 километров по сопкам, потом в ДОФ (дом офицеров флота) — проплывали в бассейне соответственно 1000 и 500 метров (хорошо, что раздеваться и одеваться было делом нескольких секунд, так как бегали Фроловы зимой и летом только в спортивных шортах), возвращались домой, принимали душ, завтракали и отправлялись один — на службу, а другой — в школу.

Вообще-то у капитана Фролова была особенность, которая не очень нравилась Войлокову. О его спартанских методах воспитания среди бойцов ходили легенды. Одна только фраза: "Если болит нога пробеги в полном снаряжении 5 км и всё пройдет!" — чего стоит!

Не только морпехам, но и Илье доставалось от отца в спаррингах — ходил с фингалами. А уж "дело о разбивании кирпичей" вообще стало притчей! Теперь, если молодой боец боялся бить рукой кирпич, то капитан приставлял к нему инструктора — своего сына.

Для своих 13-ти лет Илюха был отлично развит физически — этакий мужичок, но о девчонках пока не задумывался, хотя в школе на него заглядывались не только одноклассницы, но и девушки чуть старше, да и умом Бог его, вроде бы, не обделил.

"А не спеши ты нас хоронить.

А у нас ещё здесь дела.

У нас дома..." — Разносилось по «Голубой бухте». Видимо, прибывший на катере к пляжу «радист» любил "Чай-ф".

Илья снова взобрался на скалу, посмотрел на охающих внизу тетушек, которые осуждали его за дурной пример, показанный их детям; устроил «потягушечки» — поиграл

хорошо развитыми мышцами (не жуткими буграми, как у «качков», после непомерного железа, а нормальными мышцами — работал со своим весом: турник, брусья, отжимания, кроссы, плавание, колка дров для бани, спарринги с бате́й), посмотрел на воду далеко под ногами и улыбнулся, вспомнив, как отец подтолкнул его два года назад с 5-ти метровой вышки, как впервые прыгнул с парашютом в этом году — набрал, наконец-то, 50 килограммов веса (хорошо, что отец заставил одеть «памперсы», а то долетел бы... мокрый). Нет, Илья не красовался перед всеми, просто у него было хорошее настроение, он балдел от полета, от теплого Черного моря, на которое попал с родителями впервые (капитан Фролов с семейством все-таки решился навестить старого друга, который звал его к себе в гости, в Севастополь, лет пять, если не больше).

Илюха приготовился к прыжку...

"...нам сегодня с тобой не прожить,

То кто же завтра..."

Дух захватило от полета и стремительно приближающейся воды... Вынырнул и...

"... Нежно с морем прощалось..." — неслось из... патефона, стоящего рядом с лежащей на песке группой отдыхающих.

То же море, те же скалы, только другие люди на пляжике... Илья в несколько гребков добрался до полосы прибоя, вышел из воды, посмотрел на то место, где должны были загорать его родители, и решил, что он, скорее всего, утонул. Но все происходящее не было похоже ни на ад, ни на рай, обычные люди купались, загорали, слушали музыку, играли в волейбол...

— Мальчик, тебе плохо? Ты весь такой бледный! Тебе помочь? — забеспокоилась какая-то женщина.

— Нет-нет, спасибо, это со мной иногда бывает, сейчас пройдет. — Илья пытался понять, что же с ним произошло на самом деле. Отец не зря учил его сначала смотреть и думать, а потом действовать.

«Судя по мальчишкам и мужчинам, плавки на этом пляжике не в моде. В моде обычные черные и синие ситцевые трусы — «смейки», а-ля прощай молодость. У женщин своеобразные купальники, абсолютно не похожие на «бикини». Прямо ретро — карнавал в пляжном исполнении. Ретро! Так это я ухитрился как-то попасть в прошлое! Вот это да! Значит, спрыгнув со скалы, я попал в прошлое! А может я ударился о воду, потерял сознание и утонул?»

Илья с опаской вдохнул полной грудью и ущипнул себя за руку: «Уй-ё! Вроде бы живой. Значит в прошлое? Прямо, как в книгах! А раз переход, значит, туда и обратно! Здорово! Погуляю здесь и вернусь, тем более, что в своих черных спортивных атласных трусах я не слишком здесь выделяюсь. Это ж «Мы из будущего -3», что ли...? Так, стоп... А может я просто заснул и мне это снится? Такое было один раз. Ему приснилось, что он опоздал в школу, его там ругали, стыдили, а потом... проснулся. Папа тогда сказал, что для того, чтоб распознать сон это или не сон, надо что-то прочитать! Во сне читать не получится — буквы в сонной голове путаются.»

— Извините, пожалуйста, — спросил Илья женщину. — Вы не подскажите, который сейчас час?

— Около четырех.

— Спасибо, ой, а это у вас сегодняшняя газета?

— Да, сегодняшняя, засуёту. — "Какой все-таки странный мальчик", — решила для

себя женщина. — Ты хочешь ее посмотреть?

— Да, если можно. — Илья взял протянутую газету.

Прочитавши всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 178 (8578) Суббота, 21 июня 1941 г. ЦЕНА 15 КОП.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о присвоении почетных званий РСФСР работникам народного образования и здравоохранения Марийской АССР (3 стр.).

В. Кушаров. — Славный победитель марийского народа (4 стр.).

НА ТЕМЫ ДНЕ. Студенты едут на работу. Большие работы и лучшего качества (2 стр.).

Следует о ходе выполнения плана севы урожая по СССР на 15 июня 1941 года (2 стр.).

М. Сохин. — Новостройкам — рабочую силу! (2 стр.).

М. Крым. — Разбавляем трудовую (2 стр.).

А. Аюшев. — Лучше готовиться к уборке урожая (2 стр.).

ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ: С. Гафаров. — Отделы кадров предприятий и партийные органы. Ф. Венеровалов. — Капиталистские методы руководства (3 стр.).

Вечера на экономические темы. П. Ходаров. — Убытки рентабельного предприятия (3 стр.).

Г. Фалковский. — Театр в калмыцком городе (4 стр.).

К. Караим. — Туманлы (4 стр.).

КНИЖИ: М. Гринберг. — Концерт на экране (6 стр.).

Итальянская нота США (5 стр.).

План колонизации английских судов германскими самолетами (5 стр.).

Американские банды в Шанхае прекратили столкновения с немцами (5 стр.).

Постройка метрополитена в Чикаго (5 стр.).

Англо-германская война на море и в воздухе (5 стр.).

Война в Африке и на Средиземном море (5 стр.).

Военные действия в Сирии (5 стр.).

Английское наступление на Давос (5 стр.).

ВЫРАСТИТЬ И БЕЗ ПОТЕРЬ СОБРАТЬ БОГАТЫЙ УРОЖАЙ!

Семка в «Приме» гарантирует семя в два раза дороже, чем в худшем и дешевом товаре. План высшего сева в 15 киле превышает на 97,4 процента. Задача на 4,4 киле гектара больше, чем на ту же цель в худшем семенном материале. Семена на богатейшем элитном уровне качества имеют, выносливы и устойчивы к болезням, с высоким урожаем. Их семя имеет, с высоким урожаем, выносливы и устойчивы к болезням, с высоким урожаем. Их семя имеет, с высоким урожаем, выносливы и устойчивы к болезням, с высоким урожаем.

Применение всех этих работ требует от крестьян и совхозных работников и колхозников строгой дисциплины и максимальной организованности и выносливости. Она обязывает обеспечить выносливость трудовую дисциплину в процессе производства зерна и других культур, в каждом колхозе, в каждой совхозе, в каждой механизированной бригаде. Если своевременно не выполнит свои обязанности колхозников, совхозников, работников, они лишатся возможности участвовать в работе, которая и без потерь приносит уборку урожая, повышает ее в три, четыре, пять раз. Между тем во многих колхозах по сей день еще не начали уборки урожая, потому что не принимают, колхозники, совхозники часто забывают про себя выносливость.

ПЛЕНУМ ЦК КП(б) ТУРКМЕНИСТАНА

АШГАБАТ, 20 июня. (ТАСС). 17—19 июня состоялся пленум ЦК КП(б) Туркменистана. В повестку дня вступил вопрос о выполнении плана севы урожая зерновых культур республикой этим летом.

Сов. дирекция в этом году заключила на 10 дней раньше производство. Начала выполнения плана севы урожая зерновых культур в начале мая. Республика имеет все возможности добиться хороших результатов.

Вузовская организация в провинции туркменской была выделена программа организации строительства объектов народного хозяйства для ликвидации нехватки в других сельскохозяйственных предприятиях. Работы по ликвидации нехватки зерна в провинции в провинции туркменской была выделена программа организации строительства объектов народного хозяйства для ликвидации нехватки в других сельскохозяйственных предприятиях.

ПРЕЗИДИУМУ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА МАРИЙСКОЙ АССР

Президиум Верховного Совета РСФСР просит представить рабочих, колхозников, интеллигенцию и всех трудящихся Марийской Автономной Советской Социалистической Республики в количестве не менее 10 человек для участия в делегации марийского народа на Всесоюзный съезд колхозников и рабочих трудящихся Марийской Автономной Советской Социалистической Республики.

В качестве рабочей делегации марийского народа, представляющей от имени колхозников и интеллигенции, за участие в делегации делегация колхозников, интеллигенции и рабочих трудящихся Марийской Автономной Советской Социалистической Республики.

Президиум Верховного Совета РСФСР просит представить рабочих, колхозников, интеллигенцию и всех трудящихся Марийской Автономной Советской Социалистической Республики в количестве не менее 10 человек для участия в делегации марийского народа на Всесоюзный съезд колхозников и рабочих трудящихся Марийской Автономной Советской Социалистической Республики.

В качестве рабочей делегации марийского народа, представляющей от имени колхозников и интеллигенции, за участие в делегации делегация колхозников, интеллигенции и рабочих трудящихся Марийской Автономной Советской Социалистической Республики.

НАРОДНОЕ ТОРЖЕСТВО В МАРИЙСКОЙ АССР

ВШЕНГАР-ОЛА, 20 июня. (ТАСС). В столице Марийской республики — радостно и оживленно. Закрыты открывают 70-я годовщина Марийской АССР. Ураза и праздник марийского народа. С утра в городе марийского народа. С утра в городе марийского народа. С утра в городе марийского народа.

МАРИЙСКОМУ ОБЛАСТНОМУ КОМИТЕТУ ВКП(б) ПРЕЗИДИУМУ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА МАРИЙСКОЙ АССР СОВЕТАРМУ МАРИЙСКОЙ АССР

Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР А. БАДАЕВ. Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР П. БАХМАНОВ.

Президиум Верховного Совета РСФСР просит представить рабочих, колхозников, интеллигенцию и всех трудящихся Марийской Автономной Советской Социалистической Республики в количестве не менее 10 человек для участия в делегации марийского народа на Всесоюзный съезд колхозников и рабочих трудящихся Марийской Автономной Советской Социалистической Республики.

ПРЕД УБОРКОЙ УРОЖАЯ

ЗАВЯЗУНКА, 20 июня. (Сов. «Правда»). Завершение уборки урожая зерновых культур является задачей первостепенной важности. Необходимо обеспечить выполнение плана севы урожая зерновых культур республикой этим летом.

МАРИЙСКОМУ ОБЛАСТНОМУ КОМИТЕТУ ВКП(б) ПРЕЗИДИУМУ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА МАРИЙСКОЙ АССР СОВЕТАРМУ МАРИЙСКОЙ АССР

Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР А. БАДАЕВ. Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР П. БАХМАНОВ.

МАРИЙСКОМУ ОБЛАСТНОМУ КОМИТЕТУ ВКП(б) ПРЕЗИДИУМУ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА МАРИЙСКОЙ АССР СОВЕТАРМУ МАРИЙСКОЙ АССР

Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР А. БАДАЕВ. Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР П. БАХМАНОВ.

148 КИЛОМЕТРОВ ДОРОЖИ ЗА 15 ДНЕЙ

ВШЕНГАР-ОЛА, 20 июня. (По телеграфу). По распоряжению Исполкома и Горисполкома области колхозники Виноградской области ринулись в один день своими силами на строительство двух дорог: Ишмаков — Фурманов протяженностью в 24 километра, Шум — Курган — 15 километров в Ишмаков — Курган — 60 километров.

Растет число предприятий, досрочно выполнивших полугодовой план

Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР А. БАДАЕВ. Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР П. БАХМАНОВ.

МАРИЙСКОМУ ОБЛАСТНОМУ КОМИТЕТУ ВКП(б) ПРЕЗИДИУМУ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА МАРИЙСКОЙ АССР СОВЕТАРМУ МАРИЙСКОЙ АССР

Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР А. БАДАЕВ. Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР П. БАХМАНОВ.

МАРИЙСКОМУ ОБЛАСТНОМУ КОМИТЕТУ ВКП(б) ПРЕЗИДИУМУ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА МАРИЙСКОЙ АССР СОВЕТАРМУ МАРИЙСКОЙ АССР

Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР А. БАДАЕВ. Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР П. БАХМАНОВ.

«Правда», суббота, 21 июня 1941 года...

— Да что же с тобой! Ты опять поблуднел! — не на шутку обеспокоилась женщина.

Нет-нет, все хорошо. «Хорошо, только завтра война... И это не сон — прочитал...», — про себя добавил Илья, возвращая газету.

— Большое спасибо, вон, женщина и мама зовет! Я пойду.

Женщина обернулась в ту сторону, куда показывал рукой мальчик, но так и не поняла, где же его мама.

Илюха сразу решил, что сперва предупредит о войне, а потом, прыгнув со скалы, совершит обратный переход — вернется в свое время.

Но выполнить задуманное оказалось не такой уж простой задачей... Ну не подойдешь же к первому встречному и не заявишь ему, что завтра начнется война! В лучшем случае тебя пошлют куда подальше, а в худшем — объявят «Кутузовым» и поместят в палату № 6 к «Наполеонам». Илья постарался вспомнить, а на память он не жаловался, все до капельки, что рассказывал о начале войны, об обороне Севастополя папин друг — капитан 3 ранга дядя Слава...

Вечерело, Илья устал — это ж целый день босиком по городу. Одно радует, что по городу, в подобной одежде, рассекало приличное количество мальчишек и его наряд не вызывал удивления. Вымотался до предела, так и не сумел найти способ сообщить о войне.

События у КПП (контрольно-пропускных пунктов) двух найденных им воинских частей напоминали друг друга, как две капли воды. Он просил позвать командира части или дежурного офицера для сообщения важного известия, но ему говорили, что все заняты, что у них нет времени принимать участие в мальчишечьих играх в войну, потом, поддавшись на просьбы, постовой звонил начальству, начальство выдавало матросу нагоняй, и на этом все завершалось. Илья просил выслушать его нескольких офицеров, но офицеры только и твердили, что никакой войны не будет, а если будет, то мы очень быстро покажем врагу: «Где раков кормят». И тогда Илюха решился на последнее средство...

Вахтенному матросу на корме линейного корабля «Парижская коммуна» послышался странный вскрик, он перевел прожектор, осветил предполагаемое место крика и увидел плывущего человека...

Илью втащили в шлюпку, когда он находился в полубессознательном состоянии.

— Пацан! Салага! Во дает! Если с берега, то больше трех кабельтовых при волнении в 2 балла отмахал! — удивился один из матросов.

— Мне нужно поговорить с капитаном корабля, — только и смог произнести Илья, когда его закутывали в бушлат.

— Не волнуйся, теперь точно поговоришь с капитаном, и не только! Какого черта тебя понесло к боевым кораблям, а? — обнадежил его какой-то офицер.

Как оказался в каюте Илья не помнил. Рядом с коечкой на «баночке» (так называют на флоте табурет) лежали трусы, тельняшка и больничная пижама. Илья одел все, кроме пижамы и открыл дверь, прищурился, чтобы легче привыкнуть к яркому свету...

— Что, оклемался, утопленник? — поинтересовался мужчина в белом халате. — Далече, боец, собрался? Если в гальюн, то направо.

— Сколько сейчас времени?

— Ночь уже, твои родители тебе уже небось, утопленником считают. Готовь зад под батин ремень...

— Сколько времени???

— Сколько-сколько, вот заладил! — мужчина посмотрел на часы. — 15 минут первого...

— Мне надо срочно поговорить с капитаном. Очень надо! Я должен сообщить важную вещь. Я для этого и плыл к вам. Пожалуйста, разбудите капитана! — Илюха почти плакал.

— Ты только давай сырость не разводи, герой, а то море и так — соленое. Щас узнаю, капитан, вроде бы, не спал... да и одежду принесу, не иди же тебе к Кравченко в трусах и тельнике.

Федор Иванович Кравченко, капитан первого ранга, командир линкора «Парижская коммуна» не спал, он готовился к разбору учений, которые проходили с 14 по 18 июня. Маневры закончилось, корабли возвратились в Севастополь, однако «оперативная готовность номер 2» на флоте была сохранена. Разбор маневров планировался на 23 июня., проведение разбора будет делать Военный совет флот. Федор Иванович не имел дурной привычки ходить на разборы без досконального личного разбора действий.

Правда, его слегка выбили из колеи, когда доложили, что из воды подняли парнишку. Что он забыл у кораблей ночью? Корабли были затемнены, но город переливался всеми возможными огнями. А теперь малец вообще требует переговорить с капитаном...

«И чего его к нам понесло? — просто застряло в голове у Кравченко. — И так голова пухнет от дел и вопросов. Так еще завтра куча разборок по поводу этого пловца!»

Капитан линкора выслушал Илью, не перебивая.

«Интересно, — подумал он. — В городе ориентируется плохо, не местный. Говорит, что сын офицера с Северного флота, приехали погостить к другу отца, фамилию друга отца не называет, говорит, что дядя Слава — «Кап Три». Но откуда простой мальчишка знает о том, что сегодня оперативный дежурный по Черноморскому флоту капитан 2 ранга Рыбалко, а дежурный — начальник штаба контр-адмирал Елисеев? Откуда он может знать о секретном приказе о подготовке к отражению возможной провокации 22–23 июня? А если правда — война, то медлить нельзя. А если провокация?... Будь что будет...»

Командир линкора «Парижская коммуна» Кравченко приказал связаться с дежурным по флоту.

— Николай Титович, приветствую Вас! — начал Кравченко. Товарищ контр — адмирал в штабе? Вот как значит... — Кравченко с интересом взглянул на мальчишку, который попал на линкор в 22.47

Как и предсказывал мальчишка, контр-адмирала Елисеева не было в штабе, он отлучился около 23.00 21 июня, в штабе был только капитан 2 ранга Рыбалко.

— Николай Титович! Вот такая у меня вышла заковыка...

Прошло несколько минут, и Илья уже разговаривал с оперативным дежурным по флоту. Этот разговор вызывал все большее удивление командира линкора...

— Ну, товарищ капитан 2 ранга, послушайте меня. Ну откуда я мог узнать о пришедшем около 23 часов приказе о готовности к возможным провокациям со стороны немцев и их союзников? Подумайте? Что? Откуда? — Это вопрос действительно застал Илью врасплох. Не говорить же, что ты из возможного будущего. — Понимаете, я просто знаю. Я Вас понимаю, Вы мне не верите, но это война! Поверьте, если Вы заранее отдадите приказ о готовности № 1, то у флота будет больше времени на подготовку к отражению налета самолетов. Адмирал Кузнецов пришлет приказ, но только в 1 час и несколько минут, а налет будет в 3. 5! Если нет? А Вас и так отдадут под трибунал, но потом оправдают. А я? Я не знаю, что со мной будет. Да, о других знаю, а что ждет меня — нет... Подождите, послушайте меня! Просто пошлите за офицерами оповестителей, если нет возможности объявить большой сбор. И еще... когда, все же, объявят большой сбор, то обратите внимание на огни Херсонесского маяка и Инкерманские створные огни, их нужно будет погасить... Пожалуйста. А куда я денусь с корабля? До свидания.

В 1 час 03 минуты 22 июня, через 17 минут после этого телефонного разговора, в штаб Черноморского флота пришла телеграмма...

В 1 час 15 минут командующий Черноморским флотом, вице-адмирал Ф. С. Октябрьский, объявил готовность № 1.

В 1 час 55 минут по главной базе Черноморского флота был объявлен большой сбор. Завыли сирены, постепенно стали гаснуть огни на улицах и в домах.

Около трех часов ночи оперативному дежурному сообщили, что посты наблюдения и связи (СНИС) и посты воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС), оснащенные звукоуловителями, слышат шум авиационных моторов... Рыбалко доложил об этом Елисееву...

В 3 часа 15 минут начался налет немецкой авиации на главную базу Черноморского флота Севастополь и города Одессу и Измаил.

За карасями.

— Юр, кто кого взял на рыбалку? Я — тебя или ты — меня? — Серёга уже начал

злиться. Они стояли у этой развилки минут пять. — Тебе говорят — налево надо, налево!!

— А я говорю — направо! — Юрка, парнишка не малых размеров по ширине, даже размахивал руками, пытаюсь доказать свою правоту...

— Направо через мост будет Сырково, а налево — Чулпаново! Ты ведь сам спрашивал, где я таких карасей наловил! А в Сырково одни верхоплавки ловятся!!

— Ты сам ничего не знаешь! Вот, Серый, у меня на Гугл-карте всё ясно нарисовано. Мы — вот здесь, а Чулпаново — направо!!

— Юрка, не беси меня. Я знаю куда идти — налево.

— Ну, ты и «левый»! Левее левого!

— А пошёл-ка, ты, «ферзь гамбитный», куда подальше ... направо! — Серёга плюнул под ноги, растёр и пошёл по левой тропинке — Налови побольше верхов плавов! А можешь и низов от трупов. — Окончание этого каламбурчика Серёжка пробубнил уже себе под нос...

— Скорее ты поскользнёшься на ровном месте, и будешь скользить долго-долго, а потом я, может быть, и наловлю верхоплавов! — крикнул в спину Серёжке Юрка, ушедший направо, не поняв приколки.

Вот так всегда бывает: собираешься на рыбалку, этот, тростниковый кабан — Юрка канючит — достаёт, чтоб его взял, место показал... Ждал его ещё 20 минут — встать в 5 утра не может, а потом командует! Карта какая-то! Будто Серёжка здесь первый раз ходит! Покажет он теперь ему рыбное место...

— Ай, чёрт... — Серёжка поскользнулся в овражке, больно стукнулся спиной и затылком, в глазах у него потемнело, и съехал на заду до самого низа. Серый потёр спину, почесал затылок, похлопал себя по заду, отряхивая пыль и грязь (слава богу, что рюкзачок, аля вещмешок, висел на одном плече, а батяня заставил одеть телогреечку — мог сильнее треснуть). — Ну, зараза — Юрка, наловишь ты сегодня верхоплавов.

Серёга, по дороге, достал из кармана телогреечки (хоть и очень тёплый конец апреля, но батя, сказал, пригодится — не месяц май!) сигарету, закурил. Он не был пай — мальчиком, чуток покуривал, мог выдать «пару ласковых», мог и пойти на драку с несколькими более сильным оппонентами, занимался и карате, и рукопашкой (как любил говорить его отец: «Добро должно быть с кулаками!»). Но и «раздолбаем» Серый тоже не бы: к мелким не приставал, в школе был середнячком (не отличник, но и не «дырка», всегда помогал родителям (если просили), любил смотреть фильмы и читать книги о войне...

Как ни странно, но Серёжка сегодня заплутал и вышел не как всегда, к реке, а у деревни. «Ну вот, теперь через всю деревню тащиться». - подумал он с досадой.

А солнце, похоже, садилась. Полусонное, полу лирическое настроение испарилось, когда на его пути оказались две железнодорожные колеи: «Откуда здесь рельсы, ведь поезда ходят через город? Военных частей тоже рядом нет. Сколько ходил по деревне к колодцу за водой, ни разу рельсы не видел. А может я ещё в овраге лежу, а это мерещится?» — Серёжка с силой пнул рельс. Рельс загудел, а Серый зашипел, пытаюсь приглушить боль: рельс был настоящий. И всё же, что — то было не так, как обычно. Серёжка ещё раз посмотрел на солнце, пытаюсь понять, то ли его крыша уехала и очень далеко, то ли он находился в овраге очень долго, потому что солнце действительно садилось.

— Это он?

Сергей резко обернулся, от неожиданно раздавшегося за его спиной громкого голоса чуть было не подпрыгнул. Сзади к нему подошли тёмноволосый, крепкий мужчина в натальной рубашке, галифе и сапогах и босой парнишка, ровесник Серёжки, вся одежда

которого состояла из старых замусоленных штанов. Парнишка, видимо, только что купался, волосы у него были мокрые... «Закаленный пацан, в апреле купаться

— Он, дядя Вася...

— Ну-ка, пойдём, разобраться надо, — мужчина положил Серёжке руку на плечо...

— А чё, здесь нельзя? — Серёжка отдернул плечо.

— Тебе сказали: «Пойдём», значит, пойдём! — мужчина крепко Серёжку за руку чуть повыше локтя.

Дядя Вася оказался начальником местного отделения милиции старшим лейтенантом Василием Петровичем Кутиным. Об этом Серёжка узнал, когда он с «дядей Васей» и мальчишкой вошли в одноэтажное здание с вывеской на двери: «Милиция»...

— Старшина! Онищенко! Онищенко!

— Здесь, товарищ старший лейтенант! — из одной из комнаток появился взъерошенный старшина.

«Милиция... Хоть бы вывеску сменили! Ну и форма у них. На складах завалилось обмундирование времен царя Гороха!» — усмехнулся про себя Серёжка.

— Старшина, спишь что ли?

— Никак нет!

— Ладно, Онищенко, зубы не заговаривай. Обыщи малого.

— Не имеете права меня обыскивать! Сначала сообщите моим родителям! — тут Серёжке захотелось, как всегда, покачать права. — Сейчас не 37 год и мы не в НКВД!

Старший лейтенант и старшина переглянулись. Мальчишка стал похож на одетую в штаны гипсовую статую (была такая шутка в пионерских лагерях). Первым в своё нормальное состояние пришёл старшина.

— Поговори тут еще! Лицом к стене! — он дал «леща — подзатыльник» и резко развернул Серёжку и, прижав одной рукой к стене, другой начал обыскивать.

— Ну, ты и птица. Да, сейчас не 37 год, а 41, но в одном ты ошибся — это НКВД! Это так же верно, как то, что я — Кутин!!

— Товарищ старший лейтенант! Да он — шпион! Посмотрите-ка! — из внутреннего кармана телогрейки старшина достал пачку «LM» и зажигалку. — Папироски-то не наши!

«Вот это я попал...куда попал? — думал Серега. На рукоприкладство старшего он мог бы и ответить — отец учил, что неважно, кто на тебя поднял руку — надо бить в ответку. А тут просто наступил ступор от непоняток: безропотно выполнял все приказы. — Где же я? Я, наверное, свернул себе шею в овраге... или просто потерял сознание и это я брежу...»

Через несколько минут Серёжка стоял лицом к стене, а милиционеры тщательно изучали каждый сантиметр его одежды и содержимое рюкзака на наличие шифровок, ампул с ядом, шпионских хитростей и других уловок. После осмотра ему разрешили одеться.

— Так... так, ага — продолжил чтение протокола личного досмотра Кутин. — У назвавшего себя уроженца города Покровска Московской области Сергея Панина, 13 лет... особые приметы: рост 161 см, плотного телосложения, лицо скуластое, нос прямой, глаза серые, губы тонкие... Так...

В ходе досмотра обнаружено иностранного производства:

- 1) Прямоугольное устройство, с различными изображениями
- 2) начатая пачка сигарет с латинскими буквами LM
- 3) зажигалка не установленного образца
- 4) нож складной, самодельный

5) рыболовные снасти

6) телогрейка — ватник

7) сорочка с латинской надписью «Демиикс»

7) брюки «Рифле»

— Не "Рифле", а "Райфл", — устало поправил старшего лейтенанта Серёжка

— Молчать! — гаркнул старшина Онищенко.

8) консервы мясные, тушенка, говядина, ГОСТ, Главпродукт — продолжил Кутин.

9) фальшивых рублей на сумму 560 рублей, датированных 1997 годом...

— ХВАТИТ! — не выдержал Серёжка. — Я не шпион, меня никто никуда не забрасывал, я не знаю, как сюда попал, я, правда... Вы мне не верите... Пойдите, вы сказали, что сейчас 1941 год, а день сейчас какой? Тот же? 21 июня? Хорошо... А можно сообщить о моём задержании более высокому начальству?

— Старшина, а может он из какой лечебницы сбежал? Больно уж странный! Хотя, иностранных вещей много... — усмехнулся старший лейтенант. — День тот же — 21 июня, а с начальством нашим завтра с утра встретишься. Давай, старшина, веди этого в баню, да смотри за ним хорошенько. Завтра с утра в райцентр повезём.

— Пойдите... — Серега стал упираться, хотя Онищенко пытался, за шкуру, куда-то его увести. — Позвоните начальству и скажите, что 22 июня в 4 часа утра начнётся война! Война с немцами!»

— Он ещё и паникёр... Онищенко, веди его в «баню», — тяжело вздохнул Кутин. — А ты, Сашок, давай беги домой, а то поздно уже. Спасибо, что вовремя меня позвал, старший лейтенант взъерошил мальчишке волосы.

Серёгу отвели в стоящую во внутреннем дворе старую баньку, приспособленную для содержания задержанных. Всю ночь Серёжка не мог уснуть. Да и как уснёшь, когда творится — чёрт знает что! Разве можно отправившись на рыбалку попасть в прошлое? Разве может быть завтра война? Серёга ничего не мог понять, совсем ничего...

Из полудрёмы его вывел нарастающий визг, тряхнуло так, что Сергей свалился с деревянных нар на пол. Взрыв, взрыв, взрывы, ещё взрывы. Серёжка забился в угол, закрыл руками уши, чтоб не слышать крики людей и заглушающие их взрывы. Взрывы, мольбы о помощи, треск огня — всё слилось в один гул. Бомбёжка прекратилась также внезапно, как и началась. Серёжа поднялся с пола и выглянул в зарешеченное окошко. Ему стало жарко от увиденного: здание милиции превратилось в груды развалин. Потянуло гарью, становилось душно, что-то трещало совсем рядом. У Серёжки волосы зашевелились на голове, когда до него дошло, что горит его тюрьма. Он попытался выбить дверь, хоть она и была старенькая, но сделана из дуба и на совесть. Ломая дверь, Серёжка кричал, ругался, просил выпустить... Но кто его услышит в такую минуту?

За карасями. Продолжение.

Поняв, что проснулся, Серёжка по привычке сладко потянулся, нащупывая спинку кровати, но нащупал стенку... Открыв глаза, он обнаружил в метре от себя потолок, а справа лежащую на животе обнажённую фигуру с жуткими белыми наростами на теле. С диким криком, прежде ударившись головой о низкий потолок (как оказалось, он лежал на печке, на так называемых палатах), Серёжка соскочил вниз, оказавшись перед взглядами обедавшего семейства из шести человек, и только тут понял, что от «обнажённой фигуры» его отличают исключительно белые наросты.

— А где моя эта, как её... одежда? — удивлённо спросил спрятавшийся за занавеску Серёжка. Скоро Сергей сидел за столом в потребном виде, ел и слушал хозяина дома, дядю Сенью...

— Почему без штанов, спрашиваешь? Мащ, скажи-ка ему.

— Ой, деточка, ты ж три дня пластом лежал, этот уж четвёртый. — Серёжка, услышав это, перестал жевать, а на лице отобразилось неверие.

— Тебя ведь Сашка еле дотащил до хаты. Сперва на себе, на спине нёс, потом, умаявшись — волоком по земле. Хорошо добрые люди помогли, а то бы надорвался. Грязные вы оба были, как чушки, обмыть тебя надо было... Да и потом, пролежал долго, не двигался... ну, сам понимаешь, не деревяшка, живой ведь... А Сашка вон, окаянный, — тетя Маша всплакнула, кивнув на палати. — Всё ещё лежит. Говорила, чтоб не лез, а он...

— Так это Сашка?! А чего это он такой весь... белый.

— Ой, деточка, ты-то дымом надышался (так и не знали: помрёшь или нет), а он потом школу побежал тушить, там и обгорел. Теперь в сметане лежит. Сметана она боль при ожогах снимает и заживляет. — пояснила Сашкина мама.

— А-а, — Серёга с уважением посмотрел на палати. — А вы доктора — врача вызывали??

— Да какого дохтура! Сколько народу поубивало-покалечило! Тут кругом такое творится. А Сашенька и без доктора поправится. На хлопцах всё быстро заживает... Это ты деточка, был плох, лежал пластом, а Саша ничего... и ходит, и ест сам.

На палатах зашумел Сашка. Сперва появились его ноги, сдвинулась в сторону занавеска, потом вниз спрыгнул, показывая, что совсем здоров, Сашка. Совершенно не стесняясь своего «наряда», он направился к двери.

— Далеко собрался-то герой? — поинтересовался его отец. — Сказал бы — принесли.

— Не, бать, мне до ветра...

— Ну-ну, давай! К тебе тут Федька опять заходил, спрашивал, как ты... Вроде во дворе сидел... Ты там, без портков-то, во дворе не трепись языком...

Серёжка был ещё слаб, поэтому после обеда, немного поев, по настоятельной просьбе тёти Маши, опять забрался на палати. Скоро к нему присоединился, легши на живот Сашка...

— Во, развалился! Давай-давай, двигайся! — Сашка устроился поудобнее, подложив под подбородок кулаки, повернул голову к Серёжке. — Ну, давай, рассказывай...

— Чего — рассказывай? — не понял Серёга...

— Чего- чего! Откуда узнал, что будет война. Всё-таки, откуда, а?

— Саш, даже не знаю, как и рассказать... Ну, во-первых, я не шпион...

— Это я и сам догадался, когда бомбить стали. Ты знаешь, дядю Васю ранили... Он меня попросил за тобой присмотреть...

— Какого дядю Васю?..

— Ну, старшего лейтенанта Кутина, с которым мы тебя арестовывали.

— А-а, — Серёга чуть злорадно ухмыльнулся, ловя себя на мысли, что его «шпионское прошлое» ещё не до конца забыто.

— А старшину Онищенко убило... Ну всё-таки...

— Саш, не знаю я откуда узнал, не знаю!!

— Не хочешь, не говори, — обиделся Сашка...

— Сашок, ты лучше расскажи, как меня нашёл! — попросил Серёжка.

— Чего рассказывать-то... Как только начали бомбить, батя «малых» в охапку, мне под зад и бегом в погреб. А мне, как кувалдой по башке — ты ведь предупреждал, а мы не поверили... Пересидел бомбёжку в погребе, потом слышу, кричат, что станцию разбомбило, а рядом со станцией-то милиция... Я бегом туда... Милицию разнесло начисто. Я к баньке, а она горит уже... Рядом Онищенко мёртвый, весь в крови... — Сашка замолчал. — Хватаю лом, сбил замок, открываю дверь, а там дыму... Дыму — ВО! Еле тебя нашёл. А куда девать не знаю. Ты молчишь, не шевелишься, но еле-еле дышишь. Ну, потащил до фельдшера... А ты тяжёлый, мешок бульбы легче... Раз десять падали, пока не помогли... Пока тебя там смотрели, повстречали дядю Васю....

— Кутина?

— Ага, его тоже к фельдшеру принесли, тут-то он меня и попросил за тобой присмотреть. Принесли тебя до хаты, прибегает Федька и кричит, что школа горит. Хорошая у нас была школа, новая... все строить помогали... Ну — я туда! Я ведь знаменосец... Знамя дружины вытащил, успел. А сзади рубаха и штаны загорелись... Жарковато было. Только выскочил, меня тут же водой облили...

— Сашка, ты ведь сгореть мог...

— Серый, так я ведь знамя спасал...

В Москву?

Холодная вода привела Илью в чувство. Самолет постепенно заполнялся водой. Илюха вспомнил все, что с ним произошло за 12 дней... Непонятно как он оказался там же, в Крыму, но в 1941-ом году. До начала войны были считанные часы (Илья от друга отца, морского офицера, у которого они гостили, знал, что Черноморский флот был готов к нападению немецкой авиации, благодаря смелости дежурного по штабу флота, отдавшего приказ о приведении флота в готовность № 1 на свой страх и риск), и решение пришло само собой. Он приплыл в военную гавань, его подобрала шлюпка с линкора «Парижская коммуна», говорил по телефону с дежурным по штабу Черноморского Флота, после чего был задержан (арестован?) для выяснения личности и происхождения знаний о начале войны.

Несколько дней вопросов (допросов?), очных ставок с дежурным по штабу ничего военной контрразведке не дали, тем более, что «лишнее» Илья старался не говорить. Он думал, что его будут бить, чтоб все рассказал, ведь в фильмах про НКВД это постоянно показывали, но его не били и даже, если видели, что устал, давали отдохнуть... Через некоторое время его отправили в Киев, затем потребовали доставить в Москву. На полпути между Киевом и Черниговом транспортник ЛИ-2 («Дуглас», сделанный у нас по лицензии) на котором летел Илья в сопровождении двух офицеров, был атакован двумя немецкими

самолетами. «Мессеры» вынудили наш самолет отклониться от курса на запад.

— Капитан, — окликнул пилот старшего из офицеров охраны. — Мы очень далеко ушли на запад. Пролетели Припять. Видно немцы хотят нас посадить на своем поле. Пробую пробиваться на Гомель.

Самолет рыскал из стороны в сторону, пытаясь уйти от немцев. Но разве транспортник может уйти от истребителей? Подбили. Самолет начал стремительно терять высоту, потом выровнялся.

— Мужики, падаем! — закричал пилот. — Шасси заклинило, правый двигатель горит. Один шанс — будем садиться на воду!

...Холодная вода привела Илью в чувство. Самолет постепенно заполнялся водой. Один из офицеров охраны плавал лицом вниз, другого не было видно. Вода дошла Илюхе до пояса.

«Везет мне, как утопленнику, — подумал Илья. — Интересно, какая здесь глубина?»

Сверху по корпусу самолета стукнули раз, второй, третий. Илюха забарабанил в ответ. Стукнули еще несколько раз. И тогда он решился открыть дверь самолета. Вода попыталась оторвать его от поручня и затянуть вглубь салона, но мальчишка удержался, напор ослаб. Илья вынырнул на поверхность реки, схватился за спасательный круг, который плюхнулся в воду рядом с ним, а через несколько секунд его подняли на борт бронекатера. Илья остался на БК-13 Пинской военной флотилии. Это был конечно же не крейсер и не линкор, но все же боевой корабль: две 45-мм пушки и четыре пулемета. Командир бронекатера старший лейтенант Смирнов хотел сдать спасшегося мальчишку во флотской робе в штаб флотилии, но, расспросив кто он, откуда и посмотрев в его глаза понял, что деваться парню некуда, тем более, что мальчишка, на следующий день, во время атаки немецкого самолета на бронекатер, заменил у пулемета тяжело раненого боцмана.

— Илюха!.. "Боцман!" — позвал матрос. — Командир требует!

Илья услышал завершение разговора командира и старшего помощника. Командир БК-13 хотел оставить мальчишку на берегу.

— Знаю, что парень боевой. Знаю, что экипаж прозвал его «боцманом» после того боя, когда он заменил у пулемёта раненого Маслова... Но я не знаю, что будет с нами через час. Приказали нам и 42-му прорваться к мосту на Птичи и взорвать его. Вернемся ли...

— Ну и куда мне теперь идти? — прервал старшего лейтенанта Илья.

— Действительно, старлей, куда ему идти? Все равно удерет на фронт. Пусть уж лучше с нами будет, а?

— Разговорчики, юнга! Я сказал: «На берег!». Значит — на берег! И точка!

— Слушаюсь, тов-стар-лейт!

Точка, так точка. Илья демонстративно покинул БК-13... Чтобы через некоторое время незаметно на него вернуться. Также демонстративно Илья выбрался из трюма бронекатера, когда начался прорыв сквозь зону обстрела береговой батареи. Он отлично понимал, что командиру сейчас не до него.

— Ну, "Боцман"...Ну, Илюха, как вернёмся — получишь в ухо! — только и проговорил старший лейтенант. И добавил еще тише. — Если вернемся...

Железнодорожный мост через реку Птичу было приказано взрывать любой ценой. Прорвались к мосту, десантники быстро справились с охраной моста, саперы стали закладывать заряд, но тут к мосту подошли немецкие танки и мотопехота.

На подступах к мосту горело три танка 38(т), которые "Прага" и две машины. БК-42 дымился у противоположного берега, остатки его экипажа пытались сдержать немецких

мотоциклистов на другом берегу, там было попроще. А вот БК-13, чтобы не затонуть, приткнулся к берегу, по которому к мосту двигались танки...

Сперва Илья прикрывал сапёров из пулемёта. Ещё два раза бронекатер содрогался от прямых попаданий снарядов, но Илюху не брали ни пули, ни осколки. Из строя были выведены пушка и один пулемет, на ногах держалось только трое: один — у пулемета и двое — у орудия...

— Илюха, давай к орудию, к старлею! Подавай снаряды, а то я — всё... — матрос — моторист заменил Илью у пулемёта. Правая рука у него висела плетью, вся залитая кровью.

— Снаряд! — это было первое, что услышал Илья от старшего лейтенанта Смирнова.

— Дядя Андрей, — закричал Илья, подав следующий снаряд и показывая рукой на движущихся от середины моста солдат. — Саперы уходят!

Рвануло так, что Илья на несколько секунд оглох. Один из пролетов моста перестал существовать.

— Все, Илюха, приказ выполнили, давай в реку, уходи! — Старший лейтенант махнул в сторону противоположного берега.

— Чего? — закричал, не расслышав Илья.

— Уходи! В реку давай, на тот берег! Я прикрою!

— А Вы...

В рубку, за пушкой, попал снаряд, Илью взрывной волной швырнуло на щиток орудия...

На накренившейся палубе БК-13 стоял лейтенант Мёллер, смотрел на повисшего на орудии мальчишку и никак не мог поверить, что такое возможно: моряк-офицер и мальчишка не давали его взводу подойти к мосту! Один из солдат перевернул мальчишку.

— Герр лейтенант! Мальчишка жив, — он клацнул затвором. Солдат прекрасно помнил приказ, что матросов в плен не брать, а то, что мальчишка в разорванной робе и окровавленной тельняшке — матрос, не вызывало сомнений...

— Отставить ефрейтор!.. Моста уже нет. Торопиться теперь нет смысла... Судя по всему этот мальчишка и старший лейтенант вели по нам огонь до последнего. Катер очистить, а с мальчишкой мы ещё поговорим. — Немецкий офицер закурил сигарету и зло сузил глаза.

— Слушаюсь!

Илью облили водой. Он стал приходить в себя. Илья даже не попытался встать, но у него кружилась голова, правое плечо, в котором торчал осколок, "горело". А тут еще немец, зараза, что-то по-своему лопочет. Рядом застонал Смирнов... Раздался одиночный выстрел, и стоны прекратились. Потом раздался всплеск, от сброшенного в воду тела. Илья нащупал какую-то железяку — гильза от снаряда — и швырнул ее в офицера, но она не пролетев и двух метров упала к ногам немца. Офицер остановил солдата, опять хотевшего пристрелить мальчишку, рассмеялся.

Илья долго помнил этот смех. Лучше бы его пристрелили...

Илья шел на запад в колонне военнопленных, его поддерживали двое мужчин. После всего, что он пережил, Илюхе хотелось жить еще больше. Жить, чтобы мстить. Он был единственным в колонне пленных, кто был связан, был связан уже четвертый день. Офицер не просто так улыбался. Солдат по его приказу притащил метров десять колючей проволоки.

"Артиллерист всегда должен быть у орудия. Нельзя бросать пост!" — произнёс лейтенант Мёллер. Илья его не понял...

Сперва Илью скрутили колючей проволокой, потом немецкий офицер, не спеша, бил каблуком сапога по колючкам, стараясь вогнать их поглубже в его тело, но мальчишка молчал, не просил пощады, а только скрипел зубами. Лейтенант злился всё больше и для себя решил, что мальчишка должен пройти все круги ада.

Два дня Илья стоял прикрученный к стволу пушки — каждое движение приносило боль... Жара, мухи, которые начали копошиться в ранах...

А немцы, пока строилась переправа, устроили на палубе бронекатера место для пикника — ели, пили и веселились. Веселились на свой лад: если орудийный ствол опустить, то мальчишка встанет на колени, а если поднять, то повиснет в воздухе на вывернутых руках и впившихся в тело колючках.

На второй день, ближе к вечеру, пошёл дождь, и Илюха жадно глотал прохладные капли...

Потом его отдали конвоирам колонны военнопленных, попросив не развязывать.

— За что ж они тебя так, сынок, а? — спросил один наш пленный солдат с перебинтованной грязными тряпками головой.

Илья молчал.

— Пить хочешь?

Илья молча кивнул головой...

Благодаря нашим, Илья смог продержаться до вечера, ему уже сказали, что отставших, упавших — добивают: кто-то дал глотнуть воды из фляги, кто-то, отрывая от себя, достал кусок хлеба, отщипывал и вкладывал мальчишке кусочки в рот, кто-то помогал подняться, если падал.

"Сколько он сможет еще так идти"? — думали о нём многие пленные.

Вечером, в полуразбитом коровнике, на скотном дворе, куда их пригнали, Илью распутали, фельдшер, что оказался среди пленных, стал вытаскивать осколок:

— Потерпи, сынок, сейчас будет очень больно. Не бойся, кричи, будет легче...-

И Илья, впервые в жизни, без оглядки, высказал всё, что знал из флотского словарного запаса...

— А-а-а... .. ту Люсю!

В коровнике смолк даже шёпот, все заморожено вслушивались в витиеватую брань.

— Вот это — да! Десятипалубный! — произнёс кто-то в тишине.

— Как звать-то тебя, герой? — поинтересовался фельдшер, обработав, как смог, раны.

— "Боцман".

— Говоришь, Боцман? Ну-ну. Ругаешься ты покрепче любого боцмана... Когда тебя так, а? Судя по ране — дня три. Раны загноились, но признаков заражения нет. Тебе пока везет. И еще ... тебе надо раны промыть и ... постираться.

"Как же, везет. Это спасибо папе. Заставил сделать противостолбнячную прививку и эти, под лопатку от кучи заболеваний, как её, "Пенту" и ещё две штуки. Доктор говорил, что теперь тухлые консервы можно смело есть, не отравлюсь. Теперь, видно, и это проверю, — подумал Илья. — А я всё «ныл», что под лопатку больно. Если бы я знал ...".

Илья, как смог, помылся холодной водой, что текла из крана, почистил и простирал штаны от робы. Кто-то может и посмеялся из пленных над ним (Илья вспомнил эпизод в церкви из фильма «Судьба человека»), но после двух дней стояния у пушки и дня движения в колонне военнопленных никаких мыслей о стыде «за штаны» или стеснения у мальчишки не было. В голове у него крутилась фраза бабушки, которая в его возрасте помогала в госпитале

ухаживать и обстирывать раненых: «На войну не надо смотреть, ее можно узнать по запаху — запаху хлорки, гниющего тела и отходов жизни человека...»

— Эй, «Боцман»! Иди к нашему костерку, стиранное быстрее высохнет, чем просто на теле. Не дай Бог, еще и заболеешь! — позвали Илью. И ему особенно понравилось, что в голосе не было ни намека на его «позор» со штанами.

— Спасибо! — Илья встал около костерка, как обычно делают мальчишки после купания в холодной воде. Ему — то было не привыкать — привычный.

У костерка было семеро — пекли картошку. Где успели найти? Ведь не сезон еще... А потом Илья вспомнил, что пока их вели через села, к ним подбегали женщины, мальчишки... Что-то передавали, а другие женщины давали целые корзинки с едой охране. Под шумок, некоторые женщины даже смогли выпросит у конвоя нескольких пленных — говорили, что это их мужья. Илья вспомнил, что его — «сыночка» — тоже просили отдать, только унтерофицер не согласился. Только сейчас Илья вспомнил, какими глазами мальчишки и девчонки из того села смотрели на него

Из костерка достали картофелину и дали Илье.

— Спасибо! — Илья, несмотря на жуткое желание вцепиться зубами даже в горячий, неочищенный картофель, сдержался. Подождал, чтоб тот немного остыл, потом съел вместе с кожурой.

— Что думаешь, «Боцман», дальше делать?

— Бежать надо, что еще делать? Как только станет группа больше — немцы охрану усилят. А дальше не выживем... — Илья заявил об этом, как само собой разумеющемся. — Охрана с карабинами, нас раз в 10 больше...

— Ты то, малой, откуда знаешь? Германцы порядок любят! В первую мировую, кто в плену был, почти все домой вернулись! У меня батя у германца в плену был... Всех переписали, всем бирки дали, за всеми уход был... А охрана — так она на то и охрана, чтоб стрелять!

— Не знаю, как в Первую Мировую, а сейчас не германец, фашист! Бирку тебе и так ... дадут. Охрана 15 человек с карабинами и унтер. Нас около 200. Правда многие ранены или побоятся бежать... Если организовать — справимся... — поддержал Илью боец с перебинтованным плечом. — Малой, а сил у тебя бежать хватит? Вот... Не хватит... Поэтому, слушай, меня, малец... А ты вот что, малец... Скидывай с себя форму...

— Это зачем?

— Вот зачем... — боец достал из-под шинели рубаху и штаны. — Не поверишь, тебе велела дать та селянка, что картошку нам в узелке передала. Не пожалела, а ведь у ее сына штаны, наверное, одни на смену были — почти новые. Штаны сейчас одевай, а рубаху накинешь, когда через село пойдем, а потом, если повезет, под шумок и ускользнешь.

— А вы как?

— Ну, а мы соберемся, подождем до удобного лесочка — может прорвемся...

— Постреляют! — перепугался тот, у кого отец был в плену.

Утром все получилось так, как сказал боец с перебинтованным плечом...

Их веди через очередную деревеньку, пятую по счету, когда им навстречу высыпала большая группа женщин и детей. Немцы уже привыкли к подобному — покрикивали, для порядка, брали подношения и разрешали передать узелки с едой. Разрешали мальчишкам искать знакомых... Пока охрана отвлеклась, а один мальчишка задержался около товарищей

Илья, Илья скинул разорванную робу, в движение надел через голову косоворотку, и чуть ссутулившись, выбежал вместе с местным парнишкой из колонны военнопленных. Охранник заулюлюкал, вслед мальчишкам, изобразил, что хочет дать пинка для скорости, но, то ли не старался, то ли просто не попал... Выскочив за конвой, парнишка юркнул в дыру в плетне, Илья юркнул за ним...

Максим + Максим.

Две недели Максим шёл на восток, пытаясь вернуться домой. Но где там — домой, даже за фронтом не смог угнаться. Сначала его обгоняли беженцы, а потом многие из них шли уже ему навстречу, возвращаясь обратно. Голодного и вымотавшегося мальчишку принимали почти в каждом доме, предлагали остаться, но он упорно шёл на восток. Не обращал Максим внимание и на обгоняющие его колонны немцев. «Убьют, ну и что», — так раньше думал Максимка, ведь не было уже в живых отца, неизвестно где находилась мама и другие родственники. Так он брёл, безразличный ко всему, пока недалеко от деревянного моста через небольшую речушку немецкие солдаты не решили пострелять по «движущимся мишеням». Раздались выстрелы, беженцы стали разбегаться и прятаться кто куда. А куда бежать-то? Слева стрелки, впереди и сзади в панике смешавшиеся кони, вещи, люди, повозки, справа крутой холм, поросший кустарником.

— Мальчик, помоги! — эти вкрадчиво сказанные слова, произнесённые лежащей на земле раненой женщиной, вывели Максима из транса. Женщина с растрёпанными волосами и безумным взглядом протянула ему ребенка. Поняв, что ребёнок мёртв, Максим схватил камень и швырнул в грузовик с фашистами. Немцы почему-то с криками попрыгали с машины и попадали на землю, стараясь заползти в кювет.

«Теперь точно пристрелят, — подумал, бросившись бежать вверх по склону холма, Максим. — Чего же я, раньше-то, гранатой не запасся!»

Максим карабкался всё выше, а внизу зло кричали, стреляя по холму, пришедшие в себя немцы. Пули щелкали по листве и веткам, корни заставляли спотыкаться, но ему удалось добраться до вершины. Внизу взревел мотор, и грузовик уехал, оставив облако пыли. А Максим, взобравшись на вершину холма, оказался в кем-то заботливо, со знанием дела, вырытом окопчике с приготовленным к бою пулемётом «Максим». Казалось, что вот-вот, сейчас появятся наши бойцы и откроют огонь по фашистам, но... никто не появился. Может быть пулемётчики погибли, а может просто бросили позицию и пулемёт.

Теперь-то Макс знал, что делать. Он им покажет «доннер-веттер-я-я-натюрлих-шпангенциркуль»! Теперь он отомстит и за отца, и за убитых людей, и за ту женщину... Отомстит, но не с горяча, а так, чтоб...

К вечеру движение на дороге прекратилось: немецкие части становились в деревнях на постой. Максим спустился с холма вниз в надежде найти что-нибудь съестное у разбитых повозок. Съестное не нашлось. Точнее нашлось, но не пригодное в пищу, испорченное жарой, да и есть ему расхотелось, когда наткнулся на тела убитых. Но зато Максимка нашёл столярный инструмент, валявшийся рядом с одной из телег: стамески, рубанок, пилу, топор, молоток и многое другое. Решение пришло само собой. До моста было метров 70...

Подойдя к мосту, Максим разделся, не спеша зашёл в воду, промерил глубину. Речушка хоть и была не широкая, метров 15, но достаточно глубокая — Максиму с ручками. На середине, у опор, можно было встать. Полночи, стоя по грудь в воде, он подпиливал опоры моста, вымотался, замёрз так, что зуб на зуб не попадал, но к утру всё было готово, и даже следы подпила замазал грязью, вдруг немцы, прежде, чем ехать, захотят осмотреть мост. С

пулемётом Максим разобрался быстро. Видимо, наши бойцы должны были задержать врага именно на мосту, затруднить его переправу, поэтому пулемёт был полностью готов к бою, даже пристрелян, это Максим понял, когда, еще до заката, "методом научного тыка", сняв предохранитель и нажав гашетку, дал короткую очередь: фонтанчики пыли поднялись у самого моста на противоположном берегу.

А уже рассвело, оставалось ждать не долго, часа 2 — 3.

Первой по мосту прошла колонна мотоциклистов, потом колонна бронетранспортёров, а мост всё стоял. Максим лихорадочно пытался понять, что же он сделал не так... Подошла ещё одна смешанная колонна. Идущий первым бронетранспортер спокойно переехал мост и... вот тут-то мост рухнул, в образовавшийся провал свалился не успевший затормозить грузовик с солдатами. Колонна встала, началась неразбериха, немцы открыли пальбу во все стороны, ожидая нападения, но по колонне никто не стрелял... Фашисты успокоились, стали помогать раненым, столпились, всем было интересно узнать, что случилось... Вот теперь Максим, щёлкнув предохранителем, нажал на гашетку. Он стрелял, не обращая внимание на свистящие и иногда попадающие в щиток пули, до тех пор, пока не кончились патроны, а кончились они (как показалось Максиму) очень быстро. Как заряжать вторую ленту Максим не знал, не разобрался... Жалко было бросать пулемёт, но патроны кончились, немцы на том берегу готовили к бою, под прикрытием брони бронетранспортеров, миномётную батарею, а с «Максимом» далеко не убежит даже взрослый мужчина.

В поисках партизан.

После прихода гитлеровцев в Молотковичи Серёжка не долго жил у Сашки дома. Несмотря на уговоры тёти Маши и дяди Семёна (не призывной он был, хромал на левую ногу, еще после Гражданской войны), Серый твёрдо решил — партизанить. Серёжка не только книжки про войну читал и фильмы смотрел, он был частым гостем школьного Музея боевой и трудовой славы. А музей был не обычный — его хранитель, учитель истории Николай Константинович Новиков (по прозвищу среди учеников — "Автомат" — Ни. Ко. Нов) разрешал собирать и разбирать восстановленные, до состояния щелчка, макеты — оружие, найденное поисковым отрядом, рассказывал о хитростях и тонкостях войны, тактике партизанских отрядов... много чего интересного. Так что, теорией Серёга был богат, осталось только перейти к практике...

Оружия нет — ерунда, добудем! Можно на местах боёв поискать (если уж они с ребятами ухитрились находить патроны и поржавевшие винтовки через пол века, как война кончилась), а можно и у врага «одолжить».

Два дня пролежал Серёжка у просёлочной дороги, готовясь к операции по обезвреживанию немецкого курьера — мотоциклиста (тем более что немцы были ещё не пуганные и часто ездили по одиночке).

Курьер на приличной скорости поравнялся с натянутой поперёк дороги стальной проволокой, добавил газу и... Немец, ноги которого резко взлетели вверх, перевернулся в воздухе и грохнулся на землю, мотоцикл укатился в кювет, и только каска ещё неслась вперёд, громяхая о камешки.

Серёга моментально открутил проволоку, свернул её бухточкой, засунул в холщовую сумку, подбежал к немцу, который лежал в луже крови, булькая вытекающей из почти перерубленной шеи. Непонятно было, на чем держалась, вывернутая лицом к спине, голова...

Несколько дней Серёжка не мог есть и спать... Он убежал с того места, так и не сумев пересилить себя и взять винтовку, то, ради чего всё это сделал...

А потом, по дорогам, на запад, погнали наших пленных солдат: отстающих, раненых, выбившихся из сил конвоиры, недолго думая, пристреливали. И Сергей перестал жалеть о сделанном.

Первый автомат Серёжка приобрел до оригинальности просто, вспомнив некогда любимую приколку учеников по срыву занятий под кодовым названием «В школе бомба!» (Но он помнил и антитеррористическую шутку директора школы под лозунгом «План — есть план. Занятия переносятся на воскресенье!»)

«А-а, будь что будет! — подумал Серёжка. — Ну не пристрелит же, я ведь ему помочь хотел!». И он «помог»...

Серёга бежал навстречу мотоциклисту, размахивая руками, крича: «Пан! Мина, мина!»

Гитлеровец остановился, направив «MP-40» на мальчишку.

— Minen?

— Да, мина! Вон она, — Серёжка твердил о мине, показывая на насыпанный им же бугорок земли с воткнутыми в него кусками проволоки.

Немец осторожно подошел к «мине» наклонился, пытаясь разглядеть получше, и

получил по шее вытащенным из сумки бульжником...

Потом были и мелкие, и достаточно рискованные засады, обстрелы. В окрестных деревнях заговорили о партизанах не только жители, но и полицаи.

Из найденного и трофеев образовался небольшой складик оружия: 4 автомата и 6 магазинов к ним, 3 винтовки Мисина с патронами, 4 карабина Маузера К-98 с патронами, один пистолет «Вальтер» (вот с ним пришлось повозиться, пока разобрался с устройством) и 28 гранат. А с собой Серега всегда брал ППШ, пару гранат и «Вальтер»...

Гранат было 42, да у Боричевичей потратился, но не зря...

Серёжка лежал на печке и блаженствовал. Теперь он всё чаще и чаще заходил в близлежащие деревни. Наступила поздняя осень, спать на лапнике у костра становилось настоящей пыткой: приходилось поворачиваться, как шашлыку, то одним боком к костру, то другим. Кроме этого, Серый помнил рассказ историка, что немцы, чтоб выявить партизан, просто обнюхивали одежду тех, кто хотел пройти через их пост. От кого пахло дымом, костром, автоматически попадал в разряд партизан и задерживался.

Резко забарабанили в дверь. Серёжка инстинктивно начал шарить руками в поисках ППШ, но вспомнил, что спрятал его и «Вальтер» у плетня со стороны огородов. Хозяйка дома откинула крючок, дверь распахнулась. В дом ворвался полицай.

— А ну быстро все к управе, шевелитесь!

К управе согнали всех жителей деревни: от мала — до велика. Немецкий офицер что-то говорил, но никто его не понимал.

— Кто-то из жителей вашей деревни, — начал объяснять переводчик. — Нарушил коммуникацию германских войск, которые освободили вас от власти евреев и коммунистов...

Дальше Серёжка уже не слушал. Вдоль выстроенных в линию жителей деревни двигался фашист с собакой, которая всех обнюхивала. Двигался к нему — Серёжке...

«Вот и всё, добегался! — подумал Серёга. — Надо же было резать этот чёртов телефонный кабель, когда шёл сюда!» Проводник и собака приближались... Собака обнюхивала Серёжку 2 — 3 секунды, которые показались ему вечностью. Он чуть было не бросился бежать... Хотел бежать, но ноги от страха не слушались... А собака прошла дальше.

Перед толпой стояли двое мальчишек, один чуть постарше Серёги, другой — помладше. Им было страшно, но старший держался.

— Мишку не трогайте, он ничего не делал... — попросил старший мальчишка.

— Was? — гортанно спросил у переводчика офицер. Они, смеясь, стали о чём-то говорить.

— Господин офицер решил, что если этот маленький бандит такой смелый, то пусть посмотрит на то, что его ожидает.

Мальчишкам связали руки, к стене управы приставили лестницу, а к перекладинам лестницы привязали две петли. Один полицай по команде офицера приподнял младшего мальчишку и сунул головой в петлю... В толпе закричали, мать Миши попыталась спасти сына, но не успела, офицер холоднокровно застрелил её из пистолета... Со всех сторон на толпу были направлены автоматы и винтовки... Мальчишка был маленький, его веса не хватало, чтоб петля затянулась. Через 15 минут один из немецких солдат «пожалел» хрипящего, посиневшего мальчишку и резко дёрнул его за ноги вниз, прекратив Мишкины мучения. А ещё через полчаса всё было кончено: площадь опустела, у лестницы, рядом с которой лежала убитая женщина, и на которой были повешены мальчишки, покуривая, лениво прогуливался полицай...

Серёжка не мог себя простить за то чувство, что он испытал, когда собака прошла мимо. Подростки плохо понимают, что такое смерть, им кажется, что они будут жить вечно и с ними ничего не случится. А после того дня он понял, что смерть прошла рядом, но страха не стало, осталась только ненависть и злость...

... Немцы подошли совсем близко, уже отчетливо слышны их голоса. Серёжка плотнее прижался к стволу дерева, прицелился и выстрелил. Все, последние патроны из ППШ. Ещё один неудачно высунувшийся немецкий солдат уткнулся лицом в землю.

«Вот и все, хана — Мурзику! Надо же было так глупо вляпаться... Откуда здесь немцы? Неужто реально думают, что я — партизанский отряд? Обошли и справа и слева, стрелять перестали, хотят живьем взять...» — подумал Серёжка.

— Партизан! Геб ауф! Сдавайся!

Серёжка ответил...

— Этот мальчишка, кажется, спросил: «Ты кто такой?» (1) У кого? — немецкий солдат спросил у лежащего рядом с ним товарища по отделению.

— Может у того, кто кричал, чтоб сдавался?

Неожиданно справа и сзади по фашистам ударили автоматы. Немцы в панике отступили...

— Мама моя — женщина! Вот так пироги с котятами! Малой! — удивился один из партизан, глядя на сидящего у дерева Серёжку. — Вот так стрелок! Где другие-то?

— Один я, не было больше никого... — Серёга шмыгнул носом.

— А, ты, братец, пострелять решил. Мол, немцы — дураки, я их в два счета всех уложу!!

— Да ладно, Колян, хватит на мальчика наезжать. — Прервал его нравоучения другой партизан. Парень, как звать — то тебя — величать??

— Серёжка...

— Партизанов! — язвительно вставил Колян.

— Смирнов! Сколько можно! Да отцепись ты от мальчишки!

— Слушаюсь и выполняю, товарищ командир разведгруппы! — опять полусерьезно — полуплутиливо ответил Колян и, козырнув рукой, пошел собирать трофеи...

— Да... Сергей, ты, наверно, в рубашке родился. Самое лучшее, что с тобой сделали бы немцы, так это просто повесили.... — продолжил объяснять «прозу» жизни командир разведчиков.

— Нет, не повесили бы... — ответил Серёжка, глядя прямо в глаза, ему.

— Это почему же? Может, ты от них пряников ждал, а мы этому помешали?

В ответ на язвительные слова Серёжка вытащил из-за пазухи ватника зажатую в руке «лимонку» и молча вставил чеку на место.

— Н-да... Сурово. Давно воюешь? — почесал затылок разведчик. — Между прочим, меня Илья зовут, Соколов.

— А воюю давно, как немцы пришли.

— А живешь...?

— Как придется. То — в лесу, то — в деревнях.

— Ну, давай, Серёнька, пойдём к нашему начальству, расскажешь, где был, что видел...

— А в отряд примите? Я вас давно уже ищу. Не с пустыми руками приду. Есть оружие, патроны, гранаты ...

— Ну..., - Соколов сдвинул шапку с красной лентой на лоб и почесал затылок. — Что примут в отряд, не обещаю, но выслушать — выслушают.

Через два часа Серёжка сидел под навесом, около штабной землянки, и отвечал на расспросы командира партизанского отряда «Борец».

— Говоришь, на засаду нарвался?

— Да, товарищ командир. Хорошо, что кто-то из немцев не выдержал и начал стрелять раньше времени. Подпустили бы метров на тридцать поближе и... и все.

— То, что все, то это точно, Серёнька. — командир партизанского отряда повернулся к разведчику. — Соколов! А ведь немцы засаду не на мальчишку приготовили. Да, Соколов, ты говоришь, что стреляли долго?

— Долго, товарищ командир.

— Сергей, а где стрелять так научился??

— С лета стреляю... Как немцы пришли.

— Ну и как воюешь? — В голосе партизанского командира Серёжке послышалась издевка.

— Воюю, без вас обходился, могу и еще обойтись... Знаете же, что принесли из моего тайника оружие и документы... И я его не с грядок в поле собирал....

— Ну-ну, не кипятись. Ты лучше расскажи, где успел пострелять?

— Ну, где... У Орехова... у Лосеничей... у Стожен, у Боричевичей....

— У Боричевичей? Это где кто-то недавно роту немцев положили?

— Почему кто-то? Я и положил... — Серёжка сказал об этом как о само собой разумеющемся.

— Брат, ну тут ты заливаешь! — удивился Соколов. — Не мог это сделать один человек, а тем более мальчишка!!

— Но я-то сделал...

— Ну-ка, рассказывай поподробнее, — потребовал командир отряда «Борец».

— Чего рассказывать-то? — Серёжка посмотрел на партизан. — Выбрал место на обрыве над дорогой, потом бросил 14 гранат по колонне немцев. Они так и не поняли, откуда на них сыпятся гранаты...

Прошло несколько дней, и командир отряда «Борец», которого все звали «Папаша», отчитывал Серёжку.

— Серёнька Батькович! Ну-ка иди сюда! Ты что же это творишь, а? Опять сбежал с разведчиками!

— Товарищ командир, да не могу я сидеть у костра, чистить картошку и котлы мыть...

— Не может он, видите ли! Тебе, который годок-то пошел, а??

— Опять, началось. Сколько лет, сколько лет... А фрицев сколько я положил?

— Я тебе не фриц какой-нибудь, а командир отряда! И дел у меня больше нет, кроме как уговаривать некоторых мальчишек выполнять свои обязанности! Почему Петрович, которому четвертый десяток и который охотится с младенчества, чистит картошку, а некоторые нет. Кто будет бойцов кормить, я тебя спрашиваю! А я тебе объясню... Вот Петрович понимает, что сытый боец лучше воюет...

— А где он сейчас сытый — то? — Серёжка прислушался к урчанию в животе.

— Ты мне это, зубы не заговаривай! Еще такое повторится — отправлю в деревню! Связным будешь. Там не побалуешь... Партизанов! И что-то ты, Серёнька, подзабывать стал, кто командир партизанского отряда?

— Не... не забыл. Только котлы чистить и дрова рубит — не мое... А связным, это хорошо! Когда ребята приходят, рассказывают, что им там всегда что — то с собой в дорогу поесть дают...

В Минске.

Максим пришлось развернуться и идти с беженцами обратно, и, через некоторое время,

он добрался до города Барановичи. Там он и остался жить у одного деда, деда Матвея, который партизанил еще в Гражданскую войну. Жили они в старой хибаре около городского рынка. Дед, несмотря на свои 60 с гаком лет активно помогал подпольщикам. Вместе с дедом им помогал и «внучок», ставший курьером. Ходил в окрестные села — деревеньки, добирался и до Минска...

В Минск Макс ходил на явку, которая была в районе Дрожжевого завода на улице Ворошилова. 25 октября ему не повезло, он пришел, передал шифровку, но скоро начинался комендантский час, и подпольщики его не отпустили. А следующим утром весь район был оцеплен фашистами.

— Дядя Миша, облава? Мне надо уходить? — Максим начал быстро собираться.

— Не суетись. Если обложили, то уже не выскочим. Сейчас к соседке тебя отведу, у нее пересидишь...

В подъезде уже раздавался гулкий топот сапог и удары прикладами в двери. Начали стучать и к ним...

— Спокойно, это просто облава. Ты мой племянник — все как договаривались: пугайся, плачь, показывай страх. Все — я открываю!

Всех жителей выгоняли на улицу, они толпились с одной стороны, а с другую сторону занимали немецкие солдаты.

— Не немцы это, литовцы, из 2 батальона вспомогательной службы. Звери... — тихо сказал Максиму дядя Миша.

По улице вели трех человек в окружении десятков фашистов. Мужчину, девушку и парнишку. На груди у девушки висел плакат, написанный на немецком и русском: «Мы партизаны, стрелявшие по германским войскам». Перед ними бегал фотограф и все снимал с разных ракурсов. Максим заметил, что руки паренька были связаны проволокой... И тут он понял, что развязывать его не собираются, значит ведут на казнь. Первой повесили девушку... Подождали, сфотографировали ее агонию, заставляя смотреть, что ждет оставшихся подпольщиков... Надевая петлю на шею парнишке, офицер — палач, из 2 батальона вспомогательной службы, снял с него кепку, а потом, издеваясь, надел на снова...

Максим еле дождался окончания казни и разрешения вернуться в квартиру дяди Миши.

Максим лежал на кровати и смотрел в потолок. Он пытался вспомнить, как звали этого паренька.

— Максимка, лучше поплачь, легче будет... — посоветовал дядя Миша.

— Дядя Миша, а как их звали?

— Максимка, я не знаю. Да я просто не могу знать все подпольные группы. Да и не нужно мне это. Вдруг, если попаду к фашистам, что-то лишнее сболтну?

Максим знал, что подпольщики разбиты на пятерки и знают только свою группу. Но Максим же помнил, что кто-то в школе готовил доклад об этом пареньке, он видел фотографии этой казни в интернете, он помнил из доклада, что его имя установят по фотографиям только через 20 лет после Победы... Он пытался вспомнить те фамилии, которые слышал из докладов о пионерах — героях...

На следующее утро, не сомкнув глаза, продумав всю ночь, уходя с явочной квартиры, открыв дверь, Максим услышал, как переругиваются два пацаненка, лет 6-7-ми на лестничной площадке:

— Лешка — лысый, Лешка — лысый...

— Сам беззубый и щербатый! Володька — щербатый! Зубы сперва отрасли! Максим

застыл, повернулся к дяде Мише, обратно шагнул в квартиру, прикрыл дверь и тихо сказал:

— Дядя Миша! Передайте нашим, чтоб знали: вчера казнили семью Щербацевичей.

Мужчина и девушка — не Щербацевичи, не помню, как их звали, а вот парнишка — Володя Щербацевич... чуть старше меня — ему было 14 лет, почти 15.

— Максимка, откуда ты знаешь?

— Просто запомните, Щербацевичи, из госпиталя. Откуда знаю — не скажу. Это не важно...

В Барановичах.

После возврата из Минска, главным делом своей борьбы с фашистами Макс стал считать не передачу шифровок и расклейку листовок, а диверсии, которые он проводил вместе с другими, такими же как он сам, мальчишками. Многих мальчишек он знал, но только один, Алёшка, понимал его с полуслова. Его родители, как рассказал бывший учитель, а теперь один из руководителей подполья Валерий Дмитриевич, у которого жил Лёшка, погибли во время бомбежки. Только с Лёшкой чувствовал себя Максим в безопасности, когда проворачивали очередную пакость для немцев: резали провода, прокалывали шины у их машин, подсыпали в бензобаки песок. Если получалось — по хитрому подкладывали гранаты...

Станный был какой — то он, Лёха. Как-то он внезапно спросил Максима:

— Тебе сколько будет в 20... - надцатом?

Максим опешил от такого вопроса.

— Дожить ещё надо... А тебе?..

— Сейчас не знаю... А дожить нам надо! А если нет, то... ладно, посмотрим. Собрался? Погнали наши городских! Как всегда, на три — пятнадцать.

Через 40 минут начинался комендантский час, надо было успеть. Ребята расположились на крыше здания напротив немецкого офицерского казино. К казино уже подтягивались группки желающих отдохнуть от трудов и тягот службы.

— Максим, готов?

— Да! Три — пятнадцать! — К зашторенным окнам казино полетели две лимонки. Ребята не стали ждать взрывов. Пока летят гранаты — быстрее на чердак, по нему в другой дом, через подвал в другой подъезд и бегом в подворотню, а там уж дай бог ноги!

Рано утром дед Матвей разбудил Максима.

— Максимушка, вставай, надо дело делать!

— У-м, деда, рано еще... — потянулся на кровати Максим.

— В дорогу надо, Алёша уже забегал, он в Утесы ушел. Давай, вставай скорее. Тебе в Медведичи идти. Пойдешь — будь осторожен. Вчерась кто-то нашкодил раньше времени, теперь все отменяется: фрицы теперь начеку.

В Барановичи Максим вернулся, когда уже вечерело, но на рынке почему-то былолюдно. У стены, на рыночной площади, под охраной эсэсовцев стояло несколько десятков мальчишек разного возраста...

— Тетеньки, что случилось-то, а??

— Что случилось — немцы лютуют. Вчера вечером им ихнее казино подорвали, говорят, что мальчишки. Вот они и взяли в заложники мальчишек... — дальше Максим не слушал. Из-за него и Лёшки убьют ни в чем неповинных ребят...

«В наказание за трусливое убийство 7 немецких офицеров», — крикнул в толпу немец — переводчик, читая приказ. — «Военное командование города Барановичи отдало приказ о

расстреле 70-ти заложников.

Казнь состоится завтра утром, если трусливые убийцы не будут найдены к 18.00. Жители города Барановичи!

Я призываю вас всех содействовать в аресте виновных! Необходимо предупреждать о преступных действиях и доносить на их участников в целях избегания критических ситуаций!

Начальник штаба полиции безопасности
оберштурмбанфюрер СС Лернер»

Максим молча пробился сквозь толпу, подошел к полицаю и, в наступившей тишине, сказал:

— Отпустите всех, это сделал я...

Полицай схватил Максима за шкурку и потащил к немецкому офицеру, стоящему рядом с окруженными подростками. — Герр офицер! Вот этот сам признался!

— Да? Ты? — удивился немецкий офицер.

— Было две гранаты, бросал с крыши...

— Ну и дурак! — сказал в сердцах парень постарше Максима. — Думаешь, они нас отпустят? Сам сгорел и за нас теперь не отомстишь...

Толпа заволновалась, родные попытались забрать своих детей, но толпу рассеяли выстрелами... На следующее утро заложников расстреляли у этой же стены, а Максима никто уже больше не видел.

Лёшка вернулся из Утесов только через день: лесник не рискнул отпустить мальчишку на ночь глядя...

1. Ты кто такой? — Wer bist du? (вер бист ду?)

Два старых товарища.

После возвращения с совещания, которое проходило в Минске, гебитскомиссар Барановичей оберфюрер Вернер пригласил к себе только старого товарища, оберштурмбанфюрера СС Ганса Лернера — начальника штаба полиции безопасности.

— С возвращением, Рудольф! — поприветствовал хозяина, входя в кабинет, шеф гестапо. — Что такой хмурый? Досталось на орехи?

— Да, досталось, и не только мне... Между прочим, зачитывался отчет о проделанной работе по 30 апреля 1942 года эйнзацгрупп полиции безопасности. Хочешь почитать, а?

— Конечно! С меня «Камю»! И не какой-нибудь, а французский!

Белоруссия.

А) Партизанская деятельность и борьба с нею.

... партизанская деятельность возросла. Великие Луки — 19 донесений о нападении партизан.

Постоянно можно констатировать, что население отказывается поддерживать партизан и в различных случаях даже активно действует против партизан, если этим можно не допустить уничтожения собственного имущества.

В ходе ряда акций против небольших партизанских групп удалось убить некоторое количество партизан.

Около Хозлавичей были схвачены и ликвидированы 4 партизана, которые обстреляли одного немецкого солдата.

Юго-восточнее Демидова... 5 партизан ликвидировано.

В деревне Михайлово... с помощью осведомителей... схвачены и на следующий день повешены... 8 партизан.

Во время нескольких акций северо-западнее Велижа были схвачено и расстреляны 27 партизан.

При одной из акций... в 70 км южнее Могилева были атакованы 25 армян, киргизов и монголов... Они были ликвидированы. В этой же местности удалось схватить и ликвидировать 5 партизанских командиров.

В Вульчине были схвачены и расстреляны как партизаны 8 подростков. Они собирали и прятали оружие... 3 станковых пулемета, 16 винтовок, несколько тысяч патронов, несколько ручных гранат.

Б) Аресты и расстрелы коммунистов, функционеров и агитаторов.

... 63 функционера, агитатора, агента НКГБ

...4 девушки за то, что отвинчивали болты креплений рельсов.

...18 лиц... в качестве политруков.

...21 душевнобольной.

...632 душевнобольных в Минске и 836 в Могилеве.

Проведенные за отчетный период ликвидации достигли уровня 37180 лиц.

В) Евреи.

В Гродне ликвидированы 165 еврейских террористов, в Чернигове — 19 евреев — коммунистов, в Березине — 8...

Неоднократно делался вывод, что еврейским женщинам особенно присуща

привязанность к своему месту жительства. По этой причине пришлось расстрелять в Круглом 28 и в Могилеве 337 евреек.

В Борисове... 321 еврейский саботажник и 118 еврейских грабителя.

В Задрубце... расстреляно 272 еврея.

В Могилеве ликвидировано 113 евреев. Кроме того, 4 расстреляно за отказ работать и 2 за то, что не носили опознавательного знака.

... 222 за пропаганду.

... 996 за саботаж.

... 627 за участие в актах саботажа.

Ввиду огромнейшей опасности эпидемии была начата ликвидация евреев Витебска.

Речь идет примерно о 3000 евреев.

Г) Вражеская пропагандистская деятельность.

... является весьма активной. Большевистская пропаганда... ведется главным образом евреями.

Д) Захваченный материал.

Лишь в редких случаях удается получить важный и интересный материал...»

— Ну... что сказать... А вообще-то, тоже самое, что и у нас...

— Ганс! Да о нас ни слова в этом докладе! Но ничего, заговорят, — Вернер сделал многозначительную паузу и стал говорить тише, будто боялся, что их могут подслушивать. — И у нас будет поведена широкомасштабная карательная операция.

— Давно пора, а то эти свиньи совсем потеряли страх. Представляешь, позавчера, днем, несколько мальчишек забросали гранатами офицерское казино. Мы конечно же взяли заложников, причем только подростков. Один из террористов сдался...

— Что-нибудь сказал? Кто его послал?

— Почитай пункт Д) в докладе — не редкий случай — пока молчит... Жаль, что завтра требуют его передать Минским коллегам, можно было бы еще поработать... Как уберечься от этих пионеров?

— Ганс, но на этот счет есть же приказ...

Лернер закурил сигарету, не спеша пустил несколько колец дыма в потолок, что-то вспоминая:

— Тот что ли, в котором говорится, что «... всеми средствами следует препятствовать гражданским лицам двигаться по железнодорожным путям, пешком или в вагонах. Особенно нужно остерегаться мальчишек советской организации молодежи — «пионеров». Всякий кто будет обнаружен на полотне железной дороги, подлежит расстрелу на месте. Во всех случаях действовать беспощадно» ... Но ведь эти пионеры не только на дорогах, они кругом! Надо стрелять в каждого мальчишку! По поводу пункта Д: — унтерштурмфюрер Амелунг применял к мальчишке все четыре степени устрашения....

— А наш, «горячо любимый партизанами», Вальдемар Амелунг лично пытался его разговорить? Ха-ха-ха! — прервал Ганса Лернера гебитскоммисар Барановичей. — Шеф СД Барановичей не смог разговорить мальчишку? У него же здоровенные мужики плачут и все рассказывают! Ах, да! Ха — ха-ха! Он же проходил стажировку в посольстве, в Москве, у него бзик на «кибальчишах»!

Снова Минск.

Сперва Максим думал, что он дурила, наивный беспросветный дурила. Потом думал, что идиот и кретин последней стадии... Потом перестал думать. Сил не было думать. Вот и

сейчас он лежит в кузове крытого грузовика, на полу, со скованными наручниками руками. Просто лежит — это уже радость, что его не трогают.

«Зачем наручники надели на этого щуплого мальчишку? Встать — то сил не хватит...», — подумал, посмотрев на объект охраны, один из четырех солдат, тот, что сидел слева, ближе к кабине.

И все же Максим думал, анализировал, что произошло...

«Шеф СД Барановичей, унтерштурмфюрер Амелунг, лично присутствовал на допросах Сперва немного пбили, а потом играли в «злого и доброго следователя»: один орал и угрожал, второй уговаривал, думали, что мальчишка быстро все расскажет. А когда не рассказал, то вот дальше — понеслось...

Оказалось, что они не так уж и мало знают о подполье в Барановичах, это пугало, значит среди подпольщиков есть провокатор... Радовало, что немцы не знают про Валерия Дмитриевича, Деда, Лешку, Минск и еще нескольких явках, на которых он бывал с донесениями. И от него не узнали... Голова теперь гудит постоянно, левый глаз заплыл, левое ухо не слышит, из него шла кровь, тело — почти сплошной синяк, ребра болят, руки в плечевых суставах вывернуты. Хотел захлебнуться, когда топили в корыте с водой — не дали. Потом был полевой телефон и оголенные провода... тогда сорвал голос — даже кричать не мог.»

Из забытья Максима вывел удар сапога в бок, но он даже не шевельнулся. Его подхватили за руки 2 немца и куда-то поволокли, попытались поставить перед каким — то начальником, тот что-то недовольным голосом сказал, потом сняли наручники и бросили в камеру.

Очнулся Макс от того, что кто-то пытался его напоить. Открыл более — менее видящий правый глаз. Его поил из консервной банки какой-то парнишка, с когда — то разбитым в кровь лицом — немного зажившим.

— Где я?

— В Минске, в гестапо. Тебя вчера приволокли. Думали, что все, не очнешься. А ты — живучий. Звать тебя как?

— Максим...

— А меня Витька...

Загромыхала дверь камеры, Максим почувствовал, как многие сжались, захотели спрятаться, думали: «Только не меня...»

— Эй, Кучерявый, твоя очередь! На выход! А то отъелся, без допросов, на немецких харчах! — хохотнул полицей — тюремщик. Рядом с ним маячило еще два «шкафа».

Мальчишка, что поил Максима, тяжело вздохнул, поставил банку с водой, поднялся, осмотрел камеру:

— Прощайте!

— Рано прощаешься, — снова хохотнул полицей, одним разом не отделаешься. Хотя, если вспомнишь, кто взорвал паровозы в Гомельском депо, может и поживешь еще.

Из забытья Максима вывело то, что рядом с ним, на прелую солому, положили того парнишку.

— Пить... — попросил парнишка.

Непонятно как, через боль, но Максим поднялся, напоил парнишку. То, что он стал ухаживать за Витькой, придавало ему сил. Молодой организм брал свое. Максима на допросы почему-то не водили, он постепенно восстанавливался, несмотря на голод. Витьку

еще 3 раза вызывали на допросы, с них приносили и бросали в камеру. После последнего, на пятый день всех вывели во двор. Зима заканчивалась, но снег еще лежал.

— Все Максимка, отмучались. — Витька щурился от яркого, после полумрака камеры, света.

— Не отмучались, ты еще побегаешь. Слушай меня. Сейчас нас поведут на расстрел, но ты — выживешь... Не перебивай! Слушай! Постарайся попасть под расстрел одним из последних. Просто постарайся и у тебя получится, я в тебя верю. Когда приставят пистолет к затылку просто резко наклони голову вправо и посмотри в верх.

— Ты что...

— Просто делай. Что я сказал. Просто делай!

Когда арестованных привели к месту казни, то они сбились в кучу. Полицаи подходили, выдергивали кого — то из толпы, подводили к палачам, те стреляли в затылок. Убитые, раненые падали в яму... Кто-то пытался сопротивляться, кто-то, обреченно, сам шел к месту казни. Когда один из полицаев, направился к Вите, Максим резко встал перед ним. Полицай усмехнулся:

— Хочешь первым? Давай! Не долго и твоему дружку осталось...

— Долго, дольше твоего, холуй... — Максим повернулся к Вите. — Витек, только в Зеленые луки — не ходи. А то все повторится...

Максима подвели к палачу. Выстрел. Максим упал в яму.

Витьку расстреливали одним из последних. Он еле стоял на ногах, пошатывался... Когда Витька почувствовал на затылке ствол пистолета — сделал так, как просил Максим...

«Холодно... больно, болит шея и лицо, хочется закричать, но рот не слушается, стало еще больнее, — в Витькину голову пришли мысли. — Живой! Как сказал Максимка! Живой! Кто-то дергает за руку...»

— Ой, бабоньки! Раскопала... Живой! Бабоньки, помогите, живой остался!

Тельняшка.

— Алексей, значит так, забеги на рынок к деду Матвею, там у него найдешь внука, Илью. Покажешь ему город. И без фокусов...

— Да понял я, — Лёшку злило, что Валерий Дмитриевич приказал поселить у деда Матвея какого-то пришедшего из леса связного — мальчишку (там же Максим жил), а еще злило, что заставлял показывать ему город.

Через 20 минут Лёшка, стукнув три раза в дверь, вошел в сарайчик, который украшала вывеска, написанная краской на фанерке: «Ремонт обуви».

— О-о-о, а вот и Алёшенька пришел! — обрадовался его приходу дед Матвей. — Здравствуй.

— Здравствуй, деда. Ты, что ли, Илюха будешь? — сразу Лёшка дал понять незнакомому мальчишке кто здесь кто. — Деда, Дмитрич сказал, мне с ним погулять, город показать.

— Вот и ладно, сходите, погуляйте. Только осторожно. На Мышанку сходите, купнитесь, день вроде жаркий будет. Но смотрите, день хоть и жаркий да лето уже «бабье», долго в воде не сидите.

Выйдя из мастерской, Илья спросил:

— Куда пойдём, Лёш? — он сразу признал лидерство нового знакомого, ведь Алексей был здесь хозяином, да и возрастом постарше него.

— Пойдем... город покажу

По дороге разговорились.

— Давно в лесах?

— Чего? — не понял Илья. — А-а, не, недавно.

— Понял. Тогда начнем с простого. Запомни, если немцы возьмут, то играй «под дурочка»: «Ой, дяденька, отпустите, меня мамка заругает...» Правда, не всегда помогает. Но — помогает.

Пока бродили по городу Лёшка выдавал различные ценные советы как лучше себя вести в той или иной ситуации.

— Значит так. Сейчас я тебе покажу нашу «базу», о которой знает только несколько человек. Там можно отсидеться, если облава, ну или еще что-нибудь. Смотри, запоминай.

Зашли в подворотню полуразрушенного дома, свернули направо, спустились в подвал второго подъезда. Там Алёшка вытащил из стены несколько кирпичей, и ребята влезли в пролом. Илья чиркнул спичкой, зажег коптилку. Немного попетляв в узких подвальных коридорчиках, они оказались в комнатке, где стояли ящики, покрытые тряпьем.

— Здесь, — Лёшка вытащил из ниши в стене пистолет. — Оружие, а вот здесь — гранаты. Ну, это если понадобится. Только старшим не говори — заберут. Они же нас детьми считают, мол маленькие... А там запасной выход. Ну, полезли обратно...

Лёшка тщательно заделал лаз.

— Щас я первым выйду на улицу. Если все в норме — позову. Если что, знаешь где лаз...

Будто чувствовал Алёшка, в подворотне он столкнулся с немецким солдатом.

— Was machst du hir? Что ты здесь делал здесь?

— Дяденька, я это, я в туалет захотел...

— Ja? Komm... — немец ткнул Лёшку дулом автомата в грудь и указал рукой вправо от подворотни. Лёшка уверенно пошел в первый подъезд, стал подниматься по ступенькам вверх. «Может, все-таки, смоюсь», — подумал он.

Немец поводил Леху по подъезду, ничего подозрительного не обнаружил. Но и Лехе не удалось найти возможность улизнуть. А фашист будто почувствовал напряжение мальчишки, начал вести себя осторожнее, всегда находился за спиной в нескольких метрах. В одной из комнат, немец увидел обрывок веревки, наклонился, проверил на крепость...

— Halt! Hände... Hände hinter den Rücken!

— Что делать — то? — Лёшка понял, что надо остановиться и что-то про руки... про себя подумал: «Что-то учуял, гад, неужно просто пристрелит?»

— Руки... спина!

«Руки за спину... Хотел бы здесь грохнут — просто бы грохнул. Будет связывать, значит поведет в комендатуру. Я же ничего не нарушил из их правил! Что же он учуял, гад?» — лихорадочно думал Леха. «Я же брал оружие в смазке! Дебил! От меня пахнет оружейной смазкой!»

Против детины с автоматом — шансов нет...

Немец завел петлю на руки мальчишки и, только туго затянув ее и еще сделав 2 витка, успокоился — теперь мальчишка не убежит.

«А мальчик точно не простой: взгляд достаточно дерзкий, лазает по руинам, на руках следы оружейного масла. Надо было, конечно, позвать Курта с Генрихом, но они рядом — патрулируют район. Если что, крикну или выстрелю, они максимум ушли метров на 100, сразу прибегут на помощь, тем более, они знают, куда я зашел облегчиться.» — размышлял опытный солдат Вермахта.

Немец повел связанного мальчишку к выходу из подъезда...

Короткий свист рассеяемого воздуха и глухой звук удара, немец вскрикнул, еще несколько ударов и такой же глухой звук падающего большого тела.

Лешка обернулся.

— Илюха, как ты здесь... Чем ты его?

— Да вот, не видишь, что ли? Арматуриной... — Илья нервно улыбнулся, бросил железяку и стал развязывать руки Лешке.

Немца бросили там, где его подкараулил Илья, в тамбуре подъезда номер 1. Забрали автомат, магазины с патронами, документы... Лешка показывал дорогу, Илья бежал за ним. Через некоторое время Леха остановился, протянул руку, Илья понял, что надо отдать трофеи. Лешка все спрятал в очередной тайничок.

— Фу, думаю, оторвались. Там где мы пролезли — и с собаками не пройдут, а вот старую «базу» могут и найти... Ладно, поживем — увидим... Уф, запарился я, и колотит всего — первый при вот так фрица грохнули... — Лёшка вытер рукавом пот со лба. — Вот теперь пора отмыться и искупаться. Пора на речку... Ты, это, я смотрю, даже не переживаешь, что немца убил... Не впервой? Они, гады, моего друга... Даже где могила не знаю...

— Не переживаю...

Пришли на речку, макнули руки в воду.

— Холодновата водичка — то.... — поежился Лешка.

— В самый раз. Мы с папой и не в такой купались... — Илья скинул рубашку и стал стягивать через голову тельняшку.

— Что-то тельняшечка у тебя часто штопалась! Уж не реликвия с броненосца «Потёмкин»? ... И где это ты лазил... — Лёхина «язва» застряла у него в горле, когда увидел множество шрамов на теле у друга. — Где это тебя так?

— А, поцарапался... Полез, куда не надо, да зацепился...

Брат полицая.

Поезд ехал в Брест.

— Проверка документов! По вагону не ходить! Смотрели аусвайсы, билеты... У окошка сидел крепенький парнишка, скромно, но аккуратно одетый.

Когда к нему подошла проверка, он протянул билет и справку.

— А где аусвайс? — спросил полицай, что проверял документы вместе с оберфрейтором жандармерии.

— Так мне, дяденьки, нет 14 лет.

— А выглядишь крепким парнем... точно нет 14 лет? Так... Миша Синевич, 13 лет, из Ивацевичей, едет в Брест к брату. Брат служит в полиции, — прочитал полицай ту часть справки, что была написана по-русски, и передал справку оберфрейтору.

Оберфрейтор прочитал, проверил нужные места на справке. Отдал справку мальчишке. Стал проверять документы дальше.

«Фу-у, — мысленно выдохнул Илья. Хоть и у верен в документах, но каждый раз, после проверки документов, слегка «колотит» от адреналина. — и на этот раз — прокатило!»

— Слышь, — просил один из пассажиров соседа. — чегой-то зачастили проверки — то?

— Как кого ищут? Да ходят слухи, что какого-то партизанского шпиена ловят, что на поездах ездит. У меня шурин в полициях, он говорил, 1000 марок дают! — ответил сосед.

«Неужто по мою душу бегают? 1000 марок дают, не хило... — Прислушался к разговору

Илья. Как бы не вляпаться.»

Вляпался... Все прошло хорошо. Проверил явку, сам прошел проверку, отправился из Бреста в Ивацевичи с донесением, которое было написано на тряпочке, а тряпочка зашита в подкладку пиджака... А вот на остановке, на вокзале в Березове, попал в облаву. Просто придрались к справке...

Полицаи что-то сказали немцам и Илью задержали.

В комнате допроса находились: немецкий офицер, сидящий за столом, Илья, сидел на стуле перед офицером, а за его стулом стоял солдат — подручный, который, по кивку лейтенанта, выдавал Илюхе оплеухи.

— Признавайся! Ты — партизан! — на ломаном русском кричал лейтенант, бешено выпячивая глаза и стуча, в такт словам, ладонью по столу.

С одной стороны, Илье было смешно, глядя на такой идиотский допрос, с другой стороны, пусть лучше так, чем как на БК-13.

— Господин офицер. Я правду говорю. У меня брат в полиции служит, — начал пускать слезы и сопли Илья.

— Брат может быть и в полиции, а вот ты — партизан! Признавайся! — лейтенант кивнул. Солдат вышел из-за спины Ильи, взял его за подбородок и отвесил очередную пощечину наотмашь, из второй ноздри мальчишки потекла полоска крови.

— Дяденьки. За что? Я же правду говорю? — Илюха вновь начал размазывать кровь и слезы по лицу. После подзатыльников гудела голова, а после хлестких пощечин, кроме разбитого носа, начали набухать фингалы под глазами...

Дверь открылась и в кабинет вошел, как понял по погонам Илья, целый полковник вермахта.

Лейтенант вскочил, вытянулся во фронт, солдат, вообще, превратился в оловянного солдатика, перед этим, за шкуру, подняв мальчишку со стула.

Полковник посмотрел на заплаканную физиономию мальчишки и спросил лейтенанта с уничижительной интонацией (правда, Илья не понял ничего, он не знал немецкого языка, но по интонации кое-что понял):

— О, герр лейтенант, Вы так прекрасно умеете допрашивать детей! И в чем же обвиняется этот мальчик? Он не почистил Вам сапоги или украл у Вас сигарету? — после этого интонация поменялась на жесткую. — Если бы вы так умели ловить партизан, то мы бы не держали столько войск в тылу, когда они нужны на фронте!

— Герр оберст! Мальчишка подозрителен! Принял решение — допросит.

— А когда вы поймаете партизанского шпиона, что ездит на наших поездах?

— Герр оберст! Мы прилагаем все усилия...

— Вы прилагаете... Перестаньте заниматься ерундой! Откуда мальчишка?

— Из Ивацевичей!

— Так не тратьте силы и время! Просто посадите мальчишку в машину с парой солдат и везите в Ивацевичи! Пусть покажет свой дом, пусть на него посмотрит староста — вот как надо решать дела!

Илью посадили в легковушку, в нее же сели 2 солдата: водитель и охранник.

Охранник сел на переднее сидение в пол оборота, достал пистолет, прицелился в Илью, изобразил выстрел и радостно заржал над своей чуткой. После этого, рукой, наклонил голову мальчишки к полу и, как только Илья попытался выпрямиться — дал подзатыльник, дал понять, чтоб не поднимал голову и не смотрел, куда едет машина.

Илья понимал, что стрелять в него в машине не будут — все кровью зальют, но тонко намекнули, что при попытке к бегству — пристрелят.

«Вот куда везут?» — вот какой вопрос вертелся у него в голове.

Километрах в 10–15 от Ивацевичей, машину обстреляли партизаны.

Стрельба быстро закончилась: водитель и охранник были убиты одной очередью, через лобовое стекло. Можно сказать, что немец спас Илье жизнь, заставив нагнуться и не смотреть по сторонам из машины.

На расспросы партизан, Илья ничего не отвечал, и они посчитали, что у мальчишки шок, после пережитого — просто забрали его с собой в отряд.

В отряде старшего лейтенанта НКВД Кутина его опознал один из связных. После этого Илья раскрылся, он до последнего боялся, что попал в ложный отряд карателей. Оказалось, что информацию из Бреста он вез для Пинского партизанского соединения, куда входил и отряд Кутина.

В отряде Илья провел около 10 дней, пока его лицо не пришло в норму и, только после этого, смог появиться в Барановичах.

А фашисты переполошились не на шутку, они наконец разобрались, кто такой «брат полицаля» — на Илюху началась охота, всем агентам и полицаям были выданы описания «маленького бандита».

Начальнику службы безопасности железнодорожного узла Ивацевичи, оберлейтенанту Гофману, сообщили, что похожий по описанию мальчик просит поставить разрешающие отметки на пропуск для поездки в Брест, к старшему брату, который служит в полиции.

Гофман сам вышел посмотреть на мальчика.

«Похож, неужели удача? — радостно думал Гофман. — Как же быть? Взять сразу? Но от этих бандитов мало что можно узнать, легче забить насмерть, чем они что-то скажут... А если за мальчишкой проследить? Так же намного проще — он сам приведет куда надо!»

— Значит ты едешь в Брест, к брату? — спросил оберлейтенант по-русски.

— Да, господин офицер.

— Твой брат служит фюреру и Рейху! Мы просто обязаны тебе во всем помогать! Вот, я сделал тебе на пропуске специальную отметку, чтоб все солдаты фюрера тебе помогали! Ты же тоже будешь служить фюреру. Как твой брат?

— Я пока маленький, господин офицер. Но, если брат служит, значит и я буду служить! — ответил Илья.

— Какой замечательный мальчик! Все, можешь идти и ехать к брату.

Этот разговор и эта надпись на пропуске (чего раньше не было — просто ставили пару штампов и все), серьезно напрягли Илюху.

«Что-то здесь не чисто... Надо смотреть хвоста.» — решил Илья.

До поезда еще было почти 2 часа. Илья зашел в магазинчик с продуктами, стал как бы думать, что купить... к магазинчику подошли двое крепких мужчин в штатском, один заглянул через окно, что-то сказал и они отошли чуть в сторону и закурили. Илья купил себе булку (деньги были, все же — брат полицаля), немного расслабил шнурок на ботинке. Выйдя из магазина и пройдя несколько десятков метров, у Ильи «развязался» шнурок. Илья присел, чтоб его завязать. Мужчины разделились, один задержался у витрины магазинчика, а второй прошел мимо Ильи. Илья, будто что-то забыл купить, решил вернуться в магазин с продуктами. Мужчина, который прошел мимо, мальчишки, стал не спеша возвращаться.

«А вот это два хвоста... Что делать? Как оторваться? Главное, не подать вида, что я их

заметил и понял кто они на самом деле.» — Илья перебирал в голове варианты отрыва: «Прыгать с поезда — можно попасть на мины, что фрицы ставят вдоль полотна... Надо уходить до поезда»

Илья вновь зашел в магазин.

— Дяденька, — обратился он к продавцу за прилавком (судя по поведению, он был и хозяином). — Христом — Богом молю! Помогите!

— Чего тебе? Все только за деньги! Так ничего не получишь!

— Что Вы, дяденька! Живот прихватило... Сил нет! Я Вам марку дам, где у вас туалет. Сейчас штаны обделаю... — жалостливо поднывал Илюха.

— Марку давай! Хм... — довольно хмыкнул дядька, за просто так — марку получил! — Давай за мной во двор! Быстрее давай, а то здесь обгадаишься. Убираться заставлю! Вот он, видишь?

— Спасибо, дяденька! — на полусогнутых, двигаясь к туалету типа «сортир», Илья оглянулся: хозяин магазинчика не рискнул оставлять товар без присмотра.

«Вот спасибо, тебе дядька, спас! — подумал Илюха, перемахивая через забор и с максимально приемлемой скоростью удаляясь от городской застройки в частный сектор, подальше от двух «хвостов».

Уже дома Илья узнал, что надпись на пропуске гласила: «Комендатуре Бреста: проследить за мальчишкой, выявить все бандитские явки, после, всех арестовать. Оберлейтенант Гофман»

Любой ценой.

Зима... Однажды Лёшка пришел на рынок раньше обычного.

— Дедуль, я с Лёхой пошел! — крикнул одевая телогрейку Илья.

— Хорошо, только к полудню вернитесь. Валерий Дмитрич велел быть...

Мальчишки пришли на «базу». Там их ждали четверо ребят.

После того случая, с немцем, пришлось переждать больше месяца и стараться узнавать, что там в округе творилось. Немца конечно, в подъезде нашли, искали кто его убил — искали с собакой, только собаки по балкам лазать не умеют, а на нормальную дорогу, Илья и Лешка, вышли далеко от места нападения. Можно считать, что повезло.

— Это — Илюха. Если что — не подведет. — Лёха хлопнул Илью по плечу.

— Как Максим? — спросил белобрысый парнишка. Все неловко замолчали.

— Да. Такой же. А ты, Валерка, не трепись, а бери гранаты.

Все было сделано быстро и четко. Один из мальчишек стал что-то выпрашивать у немцев, сидевших к кабине грузовика, надоел водителю, и тот угостил попрошайку крепким подзатыльником. За это время Лёха слазил в кузов грузовика и вылез обратно. Еще несколько ребят наблюдали за улицей и домами.

Уже возвратившись в подвал Лёшка поинтересовался у Ильи:

— Ну, что-нибудь понял??

— Что — то «свистнул»? Оружие? Патроны? — попытался угадать Илья.

— Не-а, я им кое-что оставил, на память, поздравительную лимонку: «С новым годом!», причем, в боевом положении.

— Так чего ж она не это...

— А я колечко — то вынул, а рычажок прижал ящиком, чтоб в городе не рванула. Где-нибудь в пути, на ухабах, ящик тряхнет, ну и... сам понимаешь. Или кто-то этот ящик сдвинет с места... Это за Максима... он до тебя у деда Матвея жил. Из-за него я тогда, в первый раз, на тебя наехал. Ты уж извини...

Илья с Лёшкой шли в Святицу. Это было сложное и важное задание, Валерий Дмитриевич не хотел посылать ребят, но лучше всех с ним могли справиться только они.

— Ребята, запомните хорошенько, эти сведения вы должны передать в Пинское соединение любой ценой. Через неделю должна начаться большая карательная операция.

— Валера, — посоветовал хозяин явки. — Мальчишки ведь, повторили бы еще раз что, как, куда, пароль.

— Да, верно. Ну-ка, ребятки, давайте пароль еще разок.

— Ну, запомнили мы все. Да, Леший?

— Ага. Зайти в третий дом справа от управы с зеленой крышей. Там должны спросить: «Что здесь делаешь?». Обзовут «Рыжий». Это значит, что все в порядке. Я или Илюха, смотря, кто пойдет, должен промолчать. Спросят второй раз: «Что молчишь, рыжий!». Передать что велели.

— А если...

— Если в Святице связного нет, — перебил Валерия Дмитриевича Илюшка. — Те придется самим искать отряд между озерами, с другой стороны Выгонощанского озера.

— Только не вздумайте идти по льду — он слишком тонкий.

Им повезло: их подвезли на санях от городка Ляховичи до Залужья, что в 6-ти километрах до места встречи со связным. А вот здесь и начались проблемы. Их задержал полупьяный полицей, взяв Илью за грудки, за ворот телогрейки.

— Х-м, а ну, мальцы, стойте. Вы не здешние. Ну-ка пошли к комендатуре, а там разберутся: кто вы, откуда и что здесь делаете. Будем ваши аусвайсы смотреть!

— Дяденька, — начал канючить Лёшка. — Какие аусвайсы? Нам 14 лет нет... Мы из города, вещи меняем на продукты. Мамка послала. Не надо в комендатуру, мы же ничего не сделали...

— Пока не сделали. А может вы партизанские шпионы, а ты вообще похож по описанию на пацана, за которого 1000 марок дают! О, Петро, — позвал он появившегося из-за угла дома другого полицей. — Помоги-ка мне э...

— Леший, ноги! — крикнул Илья, одновременно выкрутив полицейу пальцы (от чего тот взвыл) и, ударив коленом в бедро, падая на спину, потянул за собой мужика (полицей этого совсем не ожидал), выставив вперед ногу, схватился за ремень автомата...

Лёшка не заставил себя просить дважды, нырнув в дыру в загородке, поднялся, побежал зигзагом к лесу. За его спиной раздались крики и выстрелы. Он понимал, что Илья будет его прикрывать, отвлекать внимание на себя, а ему остается только одно — передать сведения любой ценой.

Через полтора часа Лёха был в Святице, нашел дом с зеленой крышей, но решил сперва зайти в несколько близлежащих домов. Сердобольная старушка Кузьминична дала скитальцу несколько картофелин и охотно ответила на все вопросы мальчишки.

— Ой, есть, есть, окаянные. Ты уж поосторожней. Смотри к соседям не ходи, там раньше кузнец жил, но он уж полгода, как в партизаны подался, а теперь там староста живет. Внука его опасайся, всем мальчишкам в селе прохода не дает.

Получив всю нужную информацию, Лёшка должен был решить: рискнуть, пойти к старосте или сразу идти в лес?

— Эй, малый, стой. Чего тебе здесь надо? — остановил Лёху сидящий на крыльце полицей.

— Что, Миша, еще один побирושка? — прервал его расспросы, вышедший из дома, хорошо одетый мальчишка. — Ты иди, я сам разберусь, но — поглядывай.

— Никита, ты, если что, свистни...

— Ага.

Внук старосты осмотрел Лёшку с ног до головы:

— Ну, чего тебе надо? Чего сюда припёрся? А? Ты мне родной или сосед? Вещи на хлеб меняешь или попрошайничаешь? Что молчишь? Ты что здесь делаешь...

— А что, надо было тебя спросить? — до Алёшки дошло, что он делает все не так. Илья, неизвестно, жив или нет, а тут еще и он вздумал выпендриваться на внука старосты, на глазах у полицей. Полицей схватился за винтовку, стал передергивать затвор... Оставалось только выскакать за ворота и бежать.

К утру у берега озера Лёшку остановил партизанский секрет. Алексей оказался в партизанском отряде Пинского соединения, которым командовал старший лейтенант НКВД Кутин (поэтому бойцов отряда называли кутинцами).

Получив сведения, Кутин отправил Лёху обратно в Барановичи с донесением:

— Давай, Алёша, возвращайся в город и передай все, что я просил. Знаю, что будешь

просить: наши уже давно ушли в Залужье... Если жив твой друг — бойцы найдут. А проводит тебя, чтоб ты не заплутал, Сашок.

Показывал дорогу парнишка помладше Лёхи:

— Лёш, а ты знаешь, что тебе здорово повезло?

— Что повезло?

— Тебе повезло, что ты пошел справа Выгонощанского озера. Пошел бы слева — попал бы на минное поле.

— Мать моя, а я ведь хотел слева от озера идти, да заплутал...

Подойдя к явке и проверив все условные знаки, Алёшка смело открыл дверь... и упал на пол, задыхаясь от боли, получив удар прикладом винтовки в живот.

«Как же так, — не мог понять Лёшка, жмурясь от направленного на него слепящего света лампы. — Почему никто не оставил сигнала, что на явке немцы? Я же всё проверил!»

Он сидел, со скованными наручниками, за высокой спинкой стула, руками, перед унтерштурмфюрером Амелунгом. Самому с такого стула не подняться.

— Мальчик, ты ходил к партизанам, ты нам покажешь, куда ты ходил...

— Господин офицер, я расскажу... Я ходил по деревням и менял вещи на....

— Шарфюрер Ляйер! В Вашем распоряжении два часа, потом мы выступаем. Потом мы

выступаем!!! И мне нужен результат, а не труп! Мальчишка должен самостоятельно передвигаться и говорить!

— Дверной проем?

— А почему бы нет?

— Слушаюсь! — и шарфюрер кивнул своим подручным.

Через час сорок минут Алёшку привели в кабинет Амелунга. Уже без наручников.

— Я покажу дорогу в лес, — хрипло и еле слышно сказал Алексей. Лицо его было в крови, левый глаз заплыл, а пальцы раздроблены.

Последний бой?

— Леший, ноги! — крикнул Илья, одновременно выкрутив полицаю пальцы (от чего тот взвыл) и ударив коленом в бедро, падая на спину, потянул за собой мужика, выставив вперед ногу, схватился за ремень автомата...

Полицай, перелетев через упавшего мальчишку, воткнулся головой в утрамбованный снег дороги, а Илья, лёжа на спине, передёрнув затвор автомата, дал длинную очередь по четверым полицаям, вышедшим из-за угла дома. Двое из них, не задетые пулями, открыли ответный беспорядочный огонь. Из соседних домов стали выбегать немецкие солдаты... Рычали и лаяли собаки.

«Да откуда же их столько? Да еще с собаками...» — подумал Илюха.

Илья вскочил на ноги, пробежал несколько метров, прыгнул в сторону и перекатился за угол сарая. Стрельба не прекращалась ни на секунду, пули фонтанчиками вздымали снег на тех местах, где совсем недавно он находился.

«Есть всё-таки бог на небе, — подумал Илья. — Но, не на долго. Сейчас разберутся что к чему, окружат и ... всё. А бежать по полю к лесу то же самое, что прыгать с самолёта без парашюта. Ничего, ещё постреляем».

За спиной хрустнул снег, Илья обернулся на рычание, выставив автомат, нажал на спусковой крючок. Овчарка прыгнула и своим телом прикрыла от пуль хозяина. Патроны закончились... Это только в кино можно стрелять полчаса без перерыва. Илья медленно поднялся на ноги, глядя исподлобья на фашиста — не хотелось умирать лёжа, он не боялся умереть, ведь уже столько раз «умирал».

Фашист направил оружие на мальчишку, но стрелять не стал. И вот тут Илья испугался. Испугался повторения того, что он уже пережил и, поэтому, взяв оружие за ствол, бросился на врага в надежде умереть... Немец был хорошим воякой, прекрасно понял желание партизана, увернувшись от автомата, повалил мальчишку ударом локтя в лицо, а когда Илья, выплюнув на снег кровь, попытался подняться, добавил ногой. Всё же Илья поднялся... И сразу упал, сбитый с ног прыгнувшей на него ещё одной овчаркой. Илья не знал сколько на него натравили собак, две, три, да это было не важно. Единственное что он смог сделать, так это инстинктивно прикрыть голову руками и прижал ноги к животу...

Под березкой.

Никитка проснулся от нарастающего шума моторов, выглянул в окно.

— Деда, каратели! Много! — крикнул он.

Староста понял внука. Карательная операция фашистов началась раньше ожидаемого срока и, хотя партизаны усилили посты, но ждут атаки только через неделю. Никита уже успел одеться:

— Я в лес!

Входная дверь слетела с петель от могучего удара, затопали тяжелые сапоги. Никитка хотел отрезать ломоть хлеба, но так и застыл с ножом в руке от прозвучавшего за спиной пароля, по которому должны были связаться с ним:

— Спрашивай, старик: «Что ты здесь делаешь?». Добавь: «Рыжий». Я промолчу.

Никита с разворота метнул нож на голос предателя. Чей-то предсмертный хрип, выстрел, командный окрик. Пуля попала Никите в левое плечо, отбросив его к стене. У предателя дергались губы, а у его ног лежало агонизирующее тело одного из немецких солдат, с ножом в груди. Нож попал, как надо — горизонтально, поэтому прошел между ребер.

Никита сидел, прислонившись к стене, зажимая правой рукой рану. Перед глазами у него все было, как в дымке, голоса слышны, словно в ушах вата.

«Как только люди могут воевать, когда их ранят», — думал он и, хотя был ранен, сумел многое понять из разговора немцев (не зря на «пятерку» знал английский и немецкий языки в школе и ещё занимался дополнительно).

— Пока основные силы в треугольнике: Лида — Барановичи — Волковыск, работают боевой группой «Готтберг» и 10 специальными командами СД, согласно операции «Гамбург», мы проводим вспомогательную операцию южнее Барановичей, — распорядился главный среди немцев. — Вы, обер-лейтенант, идёте с городским мальчишкой к отряду Кутина. Запомните главное: мальчишку держите около себя, ведь неизвестно, что он выкинет в лесу.

— Не беспокойтесь, господин штурмбанфюрер, держать буду на верёвке.

— Отлично. Мальчишка, скорее всего, знаю я этих русских, поведет вас так, чтобы попытаться удрать. Будьте готовы к засадам. Кравко поведёт третий батальон под командованием Зонмана к отряду «Борец». Да! Старика отправьте в город, а этого мальчишку... — штурмбанфюрер посмотрел на щупленького Никиту. — Не нужен... Он все равно мало что знает... Главное — старик! Нет, не сейчас и не здесь, где-нибудь там, позже.

Наступило утро. Село вымерло, все попрятались. Одна только бабулька Кузьминична шла к колодцу за водой. «А что мне бояться? Убьют? Так я уже пожила на свете, мне теперь помирать не страшно», — говорила она всем.

Никитка шел под конвоем нескольких полицаев, ехавших на санях, шатаясь из стороны в сторону, как пьяный, пытаюсь удержаться на ногах и не упасть. Солнце уже встало, светило во всю силу — на небе было ни облачка, снег искрился и слепил глаза. Во рту у Никиты все пересохло, не смотря на мороз.

— Катерина Кузьминична, что же Вы меня с пустым ведром провожаете? — с наигранной веселостью поинтересовался Никитка и тут же получил удар прикладом винтовки в спину, сбивший его с ног.

Кузьминична еле признала в побледневшем и осунувшемся, в избитом, окровавленном мальчишке некогда холеного внука старосты.

— Да куда ж вы его бедного так ведёте-то? Совсем раздетого? — запричитала она.

— Купаться в проруби! — Полицаи заржали, над этой шуткой. — А может, правда, в прорубь макнем? Не... далекогато и холодно... Не мешай, бабка! Зачем ему одежда? Стрелять ведём партизанского щенка!

Выехали за околицу.

— Все, хватит. Давайте здесь, у березки.

«Никитка сделал резкий рывок в сторону, прыгнул в овраг, кувырок, уход от выстрелов, пули свистят над головой, ныряет в густой кустарник, и, вот она — свобода!»

Но это только в мечтах. Бежать — нет сил, да и замерз... еще несколько минут и потеряет сознание от холода. Силы есть только на то, чтоб посмотреть полицаям в глаза. Два выстрела...

— Все, готов. Теперь кто хочет, тот пусть и хоронит, — рослый полицай сплюнул в овраг, куда скатилось тело мальчишки. — Под берёзкой ему захотелось...

Дезертир.

Два партизана лежали на еловых ветках под большим коряжистым пнем. Этот пост днем-то и то было трудно отыскать, если, конечно, ты не знал его точное место расположения.

— Черт, — сказал один из них, тот, что по моложе. — Курить охота, а нечего.

— Ничего, потерпи, немного осталось. Через часок смена, в отряде покуришь. — Обнадежил его другой. — Э-э! Слышишь? Кажись, кто-то идет.

— Ага, и топает как слон.

На топе показался человек.

— Стой, пароль!

— Я — Степан, Папашин брат!

— А я — сват! — ответил молодой.

Партизаны, услышав пароль, вышли из укрытия:

— Василич, я провожу человека! Да, слышь, друг, у тебя табачку не найдется, а?

— Что, кроме вас тут нет никого и табачки спросить не у кого? Или про запас стреляете? — улыбнулся связной.

— Да какой про запас! Курить охота, хоть помирай, а курево кончилось и попросить-то не у кого! Хорошо вот ты появился! — ответил, извиняясь, молодой партизан. — Ну как, найдется, а?

— Почему же не найдется? Найдется! — пришедший сунул руку в карман...

Это было последнее, что увидели партизаны перед тем, как в их тела вонзились финки...

Серёжка шёл по лесу, уходя из партизанского лагеря, мысленно ругая командира отряда: «Тоже мне — командир! «Ребёнок, подрасти!» И это — мне! Чисть картошку, пригляди за конями... а теперь ещё и задачки решай! Открыли партизанскую школу, для детей! Пусть меня считают дезертиром, но я не дезертир, я воевать хочу, а не мелом на доске писать!»

И Серёжка неожиданно для самого себя понял, что ему до чертиков надоела эта война, эта затянувшаяся лесная — походная жизнь, эти выстрелы, эта кровь и приторный запах горелого человеческого тела, этот страх за товарищей... этот кошмарный сон?

Впереди хрустнула ветка.

«Странно, дозор должен быть самое малое в полукилометре отсюда». — Чтобы никому не попадаться на глаза Серёжка сошел с тропинки и спрятался за старым дубом, росшим у поляны.

Серёга впал в ступор, когда он увидел в серебристом свете луны карателей. Какой-то мужчина указывал немцам рукой в сторону партизанского лагеря. Решение пришло само: Серёжка поочерёдно бросил две лимонки, стараясь попасть в предателя. Грянули взрывы, немцы открыли беспорядочную стрельбу, решив, что попали в засаду.

«Пора смываться, — решил Сергей. — Теперь мы им покажем, кто в лесу хозяин!»

Серёжка стал мелкими перебежками уходить от поляны, но далеко уйти не смог.

Из-за дерева выскочил каратель, мальчишка успел развернуться и вскинуть автомат, но выстрелить не успел, пуля обожгла его голову слева над ухом, погасив неяркий лунный свет и сознание.

Операция «Гамбург»

Совещание в Барановичах проводил бригадефюрер СС, генерал-майор полиции безопасности фон Готтберг.

— Итак, господа! Операция «Гамбург» была одной из наиболее успешных операций, проведенных до сих пор в Белоруссии. Данные разведывательной команды полиции безопасности и СД были такие точные, что удалось обнаружить каждый лагерь! На северном направлении по отчету группы «Готтберг»:

В многочисленных боях было убито 1 676 партизан.

Далее, было расстреляно по подозрению в связи с партизанами 1 510 чел.

Были захвачены многочисленные трофеи: 4 броневика и 8 противотанковых ружей, огромное количество скота и зерна.

В населенных пунктах, расположенных в районе операции, кроме того, было уничтожено

2 658 евреев и 30 цыган. Потери немцев составили 7 убитых и 18 раненых».

Общее число особо обработанных по остальным командам и отрядам:

особая команда 7 А — 6 788,

особая команда 7 Б — 3 816,

особая команда 7 Ц — 4 660,

оперативная команда 8 — 74 740,

оперативная команда 9 — 41 340,

отдельно действующий отряд «Смоленск» — 2 954,

итого 134 298 человек.

Захвачены значительные трофеи: скот и продовольствие.

Оружия и боеприпасов захвачено незначительное количество.

Да, скот, продовольствие... А где оружие, боеприпасы?

Вы должны были уничтожить партизан, а не просто так расходовать человеческий материал! Одно радует: политическое воздействие акции «Гамбург» на население в результате расстрела большого количества женщин и детей ужасающие.

А вот по южному направлению, не все так замечательно!

Врасплох удалось захватить только ДВА отряда бандитского соединения из 17-ти! Это просто позор! При взаимодействии авиации, артиллерии и бронетехники — такие результаты! Ещё 15 бандитских отрядов продолжают действовать у нас в тылу!

На 10250 уничтоженных 12 пушек, 9 минометов, 28 автоматов и 492 винтовки! Я ещё могу поверить, что это вооружение для 1000! Хотя, скорее, для 520! Я тоже умею считать! Наши потери 181 убитый и 387 раненый! Наши потери 568 человек!

За что такие потери? За почти 10 тысяч убитых местных крестьян? Ведь об этом говорит колоссальная разница в трофеях и потерях. Особенно в карательной операции «отличилась» зондеркоманда Зонмана: ряд сел, с прилегающими деревнями, сожжены вместе с жителями. Зонман, 10000 человек я мог бы приказать уничтожить и в Минске, и с меньшими для нас потерями!

Кибальчиш.

Когда-то унтерштурмфюрер Амелунг и Зонман были слушателями специальных курсов по психологии славян и евреев. И Амелунг, тогда еще молодой национал-социалист, задал профессору Рунге, ведущему специалисту по психологии недочеловеков, вопрос, за который приходилось терпеть подколки Зонмана не только во время обучения, но и сейчас. Что же за вопрос задал Амелунг профессору? Простой вопрос о психологии славянского мальчишки из книги какого-то, заданной для изучения, А. Гайдара о «Мальчише — Кибальчише», в которой упоминалось о «проклятых буржуинах».

Амелунг поинтересовался о смелости, боевом духе славян...

— Молодой человек, — начал свой ответ профессор. — Ваши рассуждения о чести,

верности долгу и служении Великой Германии хороши, но только как пропагандистская листовка для «Гитлерюгенда». Надеюсь, Вы не забыли то время, когда, играя в футбол, были готовы броситься сопернику в ноги, но не пропустить его к своим воротам? Помните? Вот и хорошо! Поступите ли Вы сегодня так же? Вряд ли. Вы поумнели, Вы знаете, что будет больно. Подумаешь — мяч в воротах, главное, что ноги — целы! Именно этим отличаются мальчишки от мужчин! Для мальчишки главное идея, цель, прямой путь, а для мужчины главное — достичь цель с минимальными потерями!

А славяне — фанатики, вскормленные с пеленок коммунистическими идеями о «светлом будущем». Надеюсь, все понятно?

Зонман не забыл этот эпизод.

«Ну и скотина этот Зонман!» — улыбнулся про себя унтерштурмфюрер Амелунг, глядя на стоящего у стены, под охраной шутцмана, мальчишку.

Так ведь и сказал: «На, держи Кибальчиша. Проверь свои догадки о загадочной славянской душе, которая — потемки! Интересно, расскажет он тебе «военную тайну»? Только сразу предупреждаю, из-за этого мерзавца мы не разбили банду «Деда». И еще: он единственный, кого оставили живым мои ребята. Мне это стоило больших усилий, ведь он ухлопал четверых наших и двух инородцев. Все — только ради тебя, Вальдемар!».

А и правда, стоит с гордо поднятой головой. Пошатывается, но держится, стоит, а ведь ещё и "мальчишки" Зонмана из него чуть котлету не сделали! Еще и улыбается, глядя на меня».

Амелунг, поднявшись с кресла, вышел из-за стола, надел черную кожаную перчатку на правую руку, подошел к мальчишке и резко, коротко ударил кулаком по улыбающимся губам. Шутцман за волосы приподнял мальчишку с пола, встряхнул, приводя в чувство, поставил на колени. Серёжка попытался встать на ноги, но, со скованными наручниками руками, не смог. Кровь с разбитых губ и носа капала Серёжке на грудь и разорванную гимнастерку.

— Ну, что, Кибальчиш? — Амелунг решил так называть мальчишку. — Умереть хочешь?

— Пошел ты... — процедил сквозь зубы Серёжка, но не успел договорить, получив от офицера ещё один удар... потом сапогом в лицо... потерял сознание.

— Облейте этого водичкой, а то он плохо меня слушает, — приказал унтерштурмфюрер.

— Вот, задергался, это хорошо! Ты замечаешь, Кибальчиш, что я тебя ни о чем не спрашиваю? Не требую ответов на вопросы? Ты ведь все равно мало что знаешь... И все же я отдаю должное твоей стойкости. Хотя... Можно поплющить в дверном проёме тебе пальцы, не спеша закрывая дверь... и не только пальцы...

Можно привязать к столбу в выгребной яме, прямо под отверстием, если не задохнешься, то сгниешь заживо...

Если бы ты попал в распоряжение штурмбанфюрера Раубеге, то по захлебывался в ведре с дерьмом, и не один день. Ну, в принципе, как и в выгребной яме... Но и это ничто по сравнению с тем, что вытворяет Штурмфюрер Шредер. Самое простенькое, из его арсенала, это подвешивание за одну ногу, вниз головой.

Ты можешь умереть в страшных муках, но это не интересно, ведь этого никто, кроме нас не увидит. Да и сам ты будешь считать, что умираешь героем, для вас, мальчишек, это — главное. Но я, Амелунг, не дам тебе умереть героем. Ты умрешь в лагере для пленных, в «Вальдспилсе». Там кормят один раз в день, да и то не каждый, более сильные пробиваются к чану первые, а слабым — не достаётся ничего. После каждой такой кормежки у чана остаётся лежать полсотни мертвяков. Тебя будут выставлять перед каждой кормежкой, а каждый желающий, попробовать пробиться к чану, должен будет, проходя мимо, плюнуть тебе в лицо. И так каждый день — до твоей смерти. А тебя будут кормить, хорошо кормить, чтоб не умер быстро и чтоб все видели, как тебя кормят!

Ты умрешь среди своих, у голодных нет товарищей. Ты там сам жить не захочешь... — говорил Амелунг уверенным тоном, хотя сам он уже не был так уверен в том, что действительно разбирается в «загадочной славянской» мальчишечьей душе... Ведь другой мальчишка, казалось, сломленный пытками: с обожженной раскалённым железом грудью и переломанными в дверном косяке пальцами, привёл 3-ий зондербатальон Зонмана на минное поле. Мальчишка — погиб... но потери батальона от этого не стали меньше.

Амелунг выполнил угрозу...

В теплушку вместе с Серёжкой фашисты загнали ещё сорок шесть человек — восемь семей, все они считались родственниками партизан. За шесть суток поезд добрался до разъезда Бронная гора, что в 80 км от Барановичей, и стоял второй день, пропускали эшелоны с войсками и санитарные поезда. Серёжа, немного отлежавшийся и пришедший в себя, благодаря заботам женщин, облазил всю эту тюрьму на колёсах и понял, что выбраться не удастся.

Видимо, немецкое руководство дало команду «рациональнее расходовать человеческий материал», поэтому заключенных эшелона решили покормить бурдой из очисток и кормовой свёклы.

Загремел замок, взвизгнула и отъехала в сторону дверь теплушки:

— Ком айн ман! — скомандовал немецкий солдат.

Серёжка тут же выскочил из вагона, понимая, что другого шанса спастись не будет.

Ему досталось нести в свой вагон помойное ведро с непонятной по цвету дымящейся жидкостью. Охранник был взбешен: все его товарищи уже отдыхали от «трудов праведных» греясь у костра, а этот заморыш, недобитый, все еще возится с ведром.

Серёжка взвыл от боли, фашист, желая поторопить, ударил мыском сапога по ведру, недавно кипящее пойло обожгло через штанину ногу мальчишки. До вагона осталось несколько метров.

«Неужели все? Мне с этим верзилой не справиться, а он еще и с автоматом. Что же делать? Бросить ведро и попробовать убежать, нырнув под вагон? Нет, пристрелит...»

Немец приоткрыл дверь в теплушку, Серёжка приподнял ведро и ... плеснул в лицо охраннику. То, схватившись за обожженное лицо, дико заорал и, упав, стал кататься по земле. Серёжка, схватив автомат, коротко, в 2–3 патрона добил ошпаренного немца. Отдыхающие от охранных трудов немцы собрались у костерка, метрах в 50-ти, и пока еще не поняли, что произошло.

— Бегите, — крикнул он в вагон. — Может спасетесь, я прикрою.

Из вагона выпрыгнуло семеро: две женщины и пятеро детей, две семьи (видимо, партизанские), нырнув под вагон, бросились к лесу, а остальные побоялись, надеясь выжить в концлагере...

Серёга, несколькими короткими очередями, заставил охранников у костра залечь, выиграв секунд 10. Когда охрана попыталась подняться, вновь прижал к земле короткими очередями. Ему было проще, он под защитой рельсов и колес вагонов, а немцам надо было преодолеть открытое пространство — хотя бы до вагонов. Выиграв еще пару десятков секунд, Серёга сам бросился по снегу в лес, благо, деревья начинались метрах в 20 от вагонов...

В партизанском отряде.

Самым трудным оказалось найти своих, ведь после карательной экспедиции отряды поменяли места базирования. На седьмой день Серёжке удалось выйти на партизанский маяк, откуда его переправили в один из лесных госпиталей Пинского соединения. Раны на голове и ноге загноились, но все обошлось, Серёжка быстро поправлялся.

Мир тесен: командиром отряда оказался старый Серёжкин знакомый — старший лейтенант НКВД Василий Кутин. А ещё здесь оказался Сашка и его родители. Сашо щеголял с новенькой медалью «За отвагу» на груди и немного задирает нос.

— Сидим, значит, в дозоре, а тут немцы. Много немцев! Ну, я как дам длинную из автомата. Они залегли и давай по нам лупашить! Я туда гранату и мотать! Тимофеич тоже... Потом смотрю — один остался. Потом не помню как около лагеря, в окопчике оказался. Тут и началось... Сам понимаешь! Вдруг справа наш пулемёт накрыло, я туда, за «дегтярь» и давай чесать ...

— Ну и горазд ты, Сашка, языком чесать!

— Серый, не веришь?

— Да верю, верю... погнали к Никитке заглянем.

Партизанский врач Петрович сначала не хотел пускать ребят к раненым, но потом решил, что Никите от этого хуже не станет, а наоборот он будет быстрее поправляться. Хоть раны и были тяжелые, но опасность уже миновала.

— Привет, Никита!

— Здорово, народ! Как дела? — хоть и через силу, с трудом, но радостно ответил Никита.

— Ол райт, Христофор Бонифатиевич! Ол райт!

— Чего-чего? Ну-ка, повтори, Серёжка?

— Ты чего, Никит? Это я так, дуркую...

— Ну, и чего вы друг на друга уставились, как на икону? — нарушил неловкую тишину Сашка. — На, тебе клюквы передали.

— Кто передал? Такой седой старик, который всё время молчит? Он что, немой? А, Саш?

— Ничего он не немой и не старик он. Это Алексеев. У него сын погиб, наш ровесник Чуть постарше был. Николай. Помнишь, Серенький, я про бой рассказывал? Так вот, их группа наш отход прикрывала. Ну, сами понимаете, почти все погибли. Отход они прикрыли, стали сами уходить болотом, а у его сына, Николая, две пули в груди... Заховались они посреди болота, на островке, немцы кругом, а у Николая горячка началась, стал он метаться, кричать. Фашисты, конечно же, в болото не попрутся, но у них ведь минометы... Что делать? Эти гады слышат — всем кранты! Ну, отец тогда своему сыну ушанку на рот... Ну, зажал. Николай и затих. С тех пор отец и ходит седой и молчит, слова вымолвить не может.

Гормоны.

Через три недели на базу Кутинцев прибыли командиры нескольких партизанских отрядов для координации совместных действий. К этому времени Сашка, Никита и Сергей уже ходили тройцей и приставали к Кутину с требованием дать им задание. Командир

быстро нашел им задание: помогать по кухне (приказав, чтоб Никита не напрягался). Там и нашел их командир отряда «Борец».

— Сергей, Никита! Что это вы своего командира не замечаете!? Ну, что, «начальник разведки», молчишь? — командир отряда присел на табурет. — Как же вы с дедом-то не убереглись?

— Так мы же ...

— Знаю, все знаем, что холуй фашистский выдал... Ладно, не грусти, слава Богу, ты живой остался. А за деда мы этим гадам здорово отомстили.... Да — Герои... Но тебя Серёнька, леший тебя раздери, сперва ремнем выпорю по заду, как сидорову козу!

Серега с серьезным видом расстегнул ремень и стал снимать штаны...

— Серёнька? Ты чего это? Зачем?

Серега подтянул штаны и застегнул ремень:

— Товарищ командир, вот так всегда! Вы только обещаете! — то ли шутя, то ли серьезно ответил ему Серёжка.

— Ах ты, засранец, шуткует он с Николаичем! Ну, подожди до бани! Я Соколову передам, чтоб для тебя он приготовил веничек, да чтоб листиков на нем было поменьше!

Все, кто видел и слышал этот «цирк», от души посмеялись.

— Шутки шутками, но если бы не ты, то неизвестно, были бы мы сейчас живы. Мальчишки, дорогие мои, если бы не вы... — командир прижал их к себе, взлохматил им волосы на головах. — Молодцы, что выжили, а за погибших мы им ещё покажем! Эх, если было можно обойтись без вас — я бы с радостью... Не воевать бы вам, а за девчонками бегать, но вы ведь там можете пройти, где ни один взрослый не пройдёт... А девчонки-то, говорят, на вас уже и глаз положили, а, женихи?

Сашка после этой фразы засмутился и покраснел.

— Ладно, не буду вам мешать, мне еще с командирами отрядов надо переговорить, но... не прощаемся! Я вам еще кое-что привез!

Когда командир отряда «Борец» скрылся из виду, друзья начали подкалывать Сашку:

— Никитос, ты знаешь, а ведь сегодня борщ будет! — очень серьезно начал Серый.

— Да, с клюквенным морсом! — поддержал его Никитка, сделав умное лицо, дергая головой как Муссолини.

— Не ... ребят, вы чего-то попутали... Суп перловый и чуток картошки вареной...

Серега с Никитой переглянулись и начали дико ржать.

— Вы чего? — не понял Сашка.

— Ты свое лицо видел, когда про девчонок говорили? — плакал Серега. — Чистый буряк!

— Нет, клюква! — Никита обхватил руками грудь, видимо, стало больно смеяться.

— Че вы ржёте, как кони! Вам что, ни одна девчонка в отряде не нравятся? А мне нравится! — выдал секрет Сашка.

А вот смех у ребят, как отрезало. Серега очень серьезно посмотрел на Сашку. Какой «аист» приносит детей и из какой «капусты» Серега знал не только из интернета: папа ему, по-мужски, объяснил, что и для чего создано природой.

Только вот о девчонках, как-то Сереге не мечталось. Отец рассказывал, когда начнется гормональный всплеск, начнется и серьезное влечение, лет в 15–16. Поэтому надо усиленно заняться физподготовкой — спортом, чтоб «дурью не маяться». В это время самый рост начнется — белки — гормоны на мышечный рост нужны...

«А ведь Сашка вырос! Почти 2 года прошло, он вырос, а я — нет. Он же был ниже меня, когда встретились, а сейчас он на полголовы выше. У него тоже питание не суперское, воюет, без сил с заданий приходит, но он — вырос! А ты... — каким ты был, таким ты и остался... «Орел степной, казак лихой!» Вот и разгадка: как говорится, полная французская машина «Пе Жо» ... наоборот!»

— Серый, что случилось? — Сашка понял, что с другом что-то происходит. За десяток секунд Серега побледнел «не по-детски». — Тебе плохо? Раны?

— Все нормалек, Саш, просто в голову пришла мысль: «навекы тринадцатилетние». Просто я тебе завидую.

А вот теперь на Серегу странно посмотрел Никита.

«Как-будто что-то про меня знает», — подумал Серый.

— Да ладно, вам, ребята! Про вас тоже девушки спрашивали — интересовались. Мне Настя, говорила...

Начальник разведки.

В землянке, где расположились бойцы из отряда «Борец», обмывали Никитину и Серёжкину награды:

— Да, мужики, «Красная звезда» Это тебе не хухры-мухры! А ты чего скис, Сашок? А? — поинтересовался командир «Борца» Игорь Николаевич. — Медаль «За отвагу» тоже не за поедание пирожков дают! Не журысь, хлопче! Да, Серенький, это тебе за трофейные документы, так что жди ещё награду! А ты чего загрустил, «начальник разведки»? А, Никита Батькович?

— Игорь Николаевич, — перебил его Серёжка. — А почему Вы называете Никитку так — начальником разведки, то — соседом. Ведь начальник разведки у нас в отряде Илья Соколов?

— Почему, говоришь? Да это долго рассказывать... — командир немного помолчал. — Ведь я, Шадренко и Андреев были пограничниками. На вторые сутки после начала войны нас осталось семеро. Патроны, гранаты кончились, сами еле живые были от усталости... Тут старшина Ляпунов и говорит, мол надо пробираться к его родной деревне, там поднабраться сил, кое-что узнать у соседского мальчишки и идти догонять фронт. По дороге попали в перестрелку, потратили последние 12 патронов и потеряли ещё четверых, в том числе и старшину. Что делать? Куда идти? И тут в лесу рядышком с деревенькой Ляпунова натыкаемся на мальчишку у костерка.

— На Никиту?

— Ага, на Никиту. Разговорились. Никита и говорит: «За фронтом не угонитесь, а давайте лучше партизанить, как во время Гражданской войны. Товарищ Сталин наверняка примет такое решение, ведь надо же кому-то бить врага в тылу». Я и пошутил, типа, я — командир (Всё-таки лейтенант), комиссар — Андреев (он у нас дольше всех в партии состоит), начальник штаба — Шадренко, ну, а Никита — начальник разведки. Шутки шутками, а ведь Никита и стал у нас начальником разведки. Сперва он привёл нас в уже оборудованную землянку, да так замаскированную, что я на ней стоял и даже не догадывался, что подо мной землянка. А в землянке и продукты, и медикаменты, и оружие: все припасено. Даже радиоприемник.

— Это я из управления колхоза уволок, перед тем, как немцы пришли. — сообщил Никита.

— А потом его дед Иван, по нашей настоятельной просьбе, стал Старостой в селе, как его баба Катя умерла. Потом, его с внуком перевели на повышение, за хорошую службу, из Ямично в Святицу...

— Хоть я и шутил, что Никитка будет начальником разведки, но он им стал, он им остался до сих пор. Много он крови немчурам попортил... Не зря же у него орден и медаль есть, теперь два ордена. И что самое интересное, Никита и был тем самым соседом, с которым хотел поговорить старшина Ляпунов. Только вот о чём хотел поговорить — уже не узнаем... А Никита говорит, что не знает.

— Да, он много дел натворил, — поддержал разговор командир разведчиков Илья Соколов. — Многие из нашего отряда ему жизнью обязаны. Половина отряда в открытую плакало, когда сказали, что вас с дедом убили...

— И я жизнью обязан: бабуля Кузьминична нашла и как-то, с того света, вытащила, а потом и в отряд отдала. Век её помнить буду. Полицаи не убили, то ли повезло, то ли солнце слепило, то ли я дрожал так сильно, то ли снежинка, малая соринка в глаз лютому врагу попала, что с двух метров стрелял... И добивать не стали... Как просто не замерз — когда в овраге валялся, уже ничего не помню... Но не забуду! Много чего не забуду!

Кулачище твой, Илья, тоже не забуду. Ох и ревел я... Как дитё малое...

— Да, кулачок мой просто так не забывается! — согласился с Никиткой Илья.

— Никита, Илья, — взмолился Серёжка. — Ну что вы всё загадками, расскажите по-человечески.

— Чего тут рассказывать-то, а? — Почесал затылок Соколов. — 41-ый год, конец лета, концлагерь. Никита работал на кухне в лагере военнопленных, выслуживался перед немцами. Мы плевали, как только видели его. Думали, как только земля носит таких сволочей, ведь он был единственным, кто даже огрызок брюквы нам не подал. В общем, сволочь из сволочей, гад из гадов. И вот, в один прекрасный для нас дней, мы входили в ворота лагеря после работы. Охрана обычная. Побег был уже подготовлен, все знали, что сигналом к побегу будет громко произнесённая фраза: «Вот, чертова телега!». Так вот, мы входим, сзади раздаётся жуткий грохот: Никитка опрокидывает за последними охранниками тележку с дровами, охрана резко оборачивается и в полном не понятии застывает. Потом испытывает облегчение, ведь нет ничего страшного — это просто мальчишка рассыпал дрова, и тут кто-то произносит: «Вот, чёртова телега!». Дальше всё было делом техники: отвлекшихся на грохот охранников валим, автоматы у нас в руках, двоих на вышке у пулемёта косим очередями первыми. Главное, что ворота открыты! Потом прикрываем отход наших, со всех сторон сбегаются немцы. И тут я не отказал себе в удовольствии — от всей души вмазал Никите по морде! Я же не знал, что он наш! Я только потом, в лесу понял, что сигнал к атаке подал именно Никитка!

— Как я тогда ревел, как ревел! — выражение лица у Никиты стало обиженным. — Я... я... А мне за это... всё лицо в кровище! Но ничего, когда были разборки, то меня это и спасло. Меня даже похвалили: "за попытку задержать заключённых тележкой"!

Илья.

— Илюша, — позвал дед Иван. — Пора на энту, как ты там её кличешь, «тирапию», во!

Дед Иван почти всю жизнь лечил людей отварами, настойками из трав, ягод, кореньев. Изба его стояла в лесу, жил он после смерти своей старухи один, один справлялся с хозяйством, помощи ни у кого не просил, а кому был нужен — те сами его находили. Одни

звали его колдуном, другие — знахарем, третьи — шарлатаном, но все они, жители округи, в случае нужды, обращались к нему за помощью. Сейчас он лечил, пытаясь поднять на ноги, мальчишку, которого привезла к нему одна женщина. Дед не спрашивал откуда у мальчишки такие раны, да и не особо разговорчив был Илья, он больше бредил, чем говорил: покусанные руки, ноги, плечи, переломанные рёбра, сломанная правая рука, сотрясение мозга, отбитые внутренности, кровью не только плевал, но и... совсем был не жилец, но дед выходил. Илья терпеливо переносил лечение, только скрипел зубами, когда было нестерпимо больно.

«Сильный мальчонка. Вот бы мне такого внука», — думал дед Иван.

И дед выходил. За три месяца выходил. Благодаря отварам, медвежьему и барсучьему жиру, примочкам, растиркам, компрессам, русской бане — выходил. Вот и сейчас истопил мальчишке баньку, сегодня пройдет по нему дубовым веничком.

Илья помнил только фрагменты событий, которые произошли с ним после того, как на него натравили собак. Когда собаки изодрали на нём всю одежду, искутали руки, ноги, фашисты отволокли в какой-то дом. Там подвесили, на вывернутых за спину руках, к крюку в потолочной балке и били, чем только ни били и куда только ни били, долго били... Потом очнулся от боли, когда его вытаскивали из погреба партизанские разведчики. Опять забытьё. Следующий раз очнулся уже у деда, тот стал поправлять поломанные ребра и бинтовал грудь. Однажды приехала женщина, от неё Илья и узнал, что сюда привезла его она.

Эта женщина собирала в лесу хворост, а когда уже собиралась уходить, ведь начиналась метель, то увидела вооруженных людей. Испугалась, думала немцы. Партизаны попросили взять себе в дом раненого мальчика, за ними гнались фашисты и они боялись, что парнишка не выживет, если они будут ночевать в лесу. А командир честно сказал, что не знает, смогут ли они уйти от немцев, просил помочь. Женщина посмотрела на окровавленного, завернутого в две шинели паренька и поняла, что не сможет сказать «нет».

Сперва она привезла мальчика к себе домой, обмыла, перебинтовала и решила везти к деду Ивану, ведь поняла, что сама не вылечит.

Илья окреп, стал помогать деду по хозяйству. Ни о чем не жалел Илья, ни о том, что попал в 1941 год, ни о ранах, ни о том, что пережил и еще предстоит пережить. Он жалел о тельняшке, той самой. что ему дали на линкоре "Парижская коммуна" 22 июня 1941 г. Да, у него были еще, дали на БК-13, но в бой он ходил только в первой. Это был как талисман, как защита... Без тельняшки Илюха ощущал себя голым и беззащитным.

"...Тельняшечка, тельняшечка на теле до конца. Храни, храни, рубашечка, меня ты от свинца!" — напевал себе под нос Илюха одну из любимых песен (его песен и песен его отца — офицера морской пехоты) и в такт рубил дрова.

Подошел дед Иван.

— Илюша, оставляй топор. Пошли отвар пить.

— Деда... Ну, гадость же... Да и здоров я! Как бык!

Дед ничего не ответил, только немного наклонил голову и приподнял левую бровь. Илья воткнул топор в чурбачок. тяжело вздохнул и пошел пить "гадость".

Через несколько дней Илья заикнулся деду о том, что хочет идти к партизанам.

— Мал ещё! Партизан! И без тебя мужиков хватает! А тебе ещё до мужика далеко — ещё даже «женилка» не доросла! — сказал, как отрезал, дед Иван.

— А когда меня фрицы колючей проволокой вязали, когда собаками травили они спрашивали сколько мне лет? — почти прошептал Илья. — Всё равно уйду деда... Ты уж

прости меня.

— Ладно, — дед понял, что уговаривать остаться — бесполезно. — Уйдешь, но сперва окрепни. Через месяц уйдешь, в новолуние... Только... вернись, я буду ждать.

Как и обещал дед, в новолуние Илья ушел...

Никита и телега.

Никита ещё не раз доказал, что не зря его называют начальником разведки.

Однажды, когда Кутин подошел к мальчишкам, чистившим коней с каким — то вопросом, но Никита его опередил.

— Товарищ командир, — обратился Никита. Да, командир. Отряд «Борец», после тяжелых боев с карателями сменил место базирования и было принято решение: мальчишек оставить в отряде Кутина. Ни Никита, ни Серый спорить не стали. — У нас сколько есть комплектов немецкой формы?

— Штук 20–30 наберется. Можно у соседей занять. А тебе какая и зачем нужна?

— Василий Иванович! Ну так полицаи изображают из себя партизан, мы — изображаем полицаев. Почему бы не изобразить немцев?

— Так мы изображали... И не раз. Один товарищ Букса, чего стоит, со своим немецким! Такие сведения добывал!

— Нет, Василий Иванович, а что, если создать подвижный отряд из немцев? Ведь отряд в 20–30 немцев, плюс 5–6 полицаев на телегах с «добром» подозрения не вызовут.

— Понял, ну пару раз получится, а потом немцы узнают, что к чему и ... все!

— А как немцы узнают, если сказать будет некому? А когда поймут, что — почем, пусть ловят! Им это понравится!

— Интересную штуку ты придумал, интересную. Надо будет помозговать!

Оберштурмбанфюрер СС Лернер рвали метал! Унтерштурмфюрер СС Амелунг первый раз за всю службу получал такой разнос от начальника.

— Унтерштурмфюрер! Что за Saustall творится вверенном вам районе? Что за бордель и проходной двор? Немецких солдат режут, как лисы кур! Погибают отделения и даже взвода солдат!

— Герр оберштурмбанфюрер, вы же знаете, на что способны эти бандиты: засады, минирование, даже отравления...

— Амелунг, не надо мне рассказывать прописные истины! Как днем взвод солдат погиб на совершенно открытом месте? На шоссе на дороге! Где засады быть не может!!! Вот послушайте заключение врача, который обследовал погибших: «Все 30 человек застрелены с близкого расстояния, некоторые в упор. На многих лицах безмятежность: погибшие не подозревали о нападении». Они до последней секунды не подозревали об опасности. Они подпустили на открытой местности врага ближе, чем на пистолетный выстрел! Все убиты из нашего оружия 9 миллиметров или 7,92 мм! Во всех наши пули! Врач считает, что это Maschinenpistole (МП-38/40) и Maschinengewehr (МГ-42)! Командир взвода — первого взвода — лейтенант Шульц исчез! Как??? Бандиты стали невидимыми или на их стороне воюют призраки леса? Вы же сами понимаете, что это просто бред!

По шоссе на дороге четко и слаженно, за двумя телегами с полицаями, двигался взвод фашистов. Несмотря на весну и уже начинающее серьезно припекать солнце одеты они были

в шинели. Одна телега была груженной различными вещами и мешками, на ней ехал немец, оберлейтенант, и еще сидело и лежало пятеро полицаев. На второй телеге, спереди — двое и сзади — двое, на соломе, лежал связанный парнишка — партизан. Лицо и порванная рубашка парнишки было в запекшейся крови.

— Митрич, ты этого партизана хорошо связал? А то, не ровен час — в рукопашную полезет!

— Не волнуйся, Колян, хорошо! Видишь, понял, что к чему и дергаться перестал?

— Гады вы, — не выдержал мальчишка. — Вот развяжете мне руки...

— Митрич! Ты глянь, ругается! Может ему добавить, а то что-то крови на лице мало? — Колян, улыбаясь, похлопал правой ладонью по прикладу пулемета.

Никита замолчал. Толку — то зубоскалить? А связали действительно — крепко. «Вот только развяжите! — подумал Никитка. — Я вам все припомню!»

— Ты, Митрич, лучше за мальцом смотри. Сам знаешь, приказано, чтоб живой был и ни царапины! А то вдруг, партизаны нападут, прямо на этой дороге, отбить попытаются, говорят, он у них — «начальник разведки»! Говорят, придумал, чтоб партизан в немцев переодевать...

— Кто его знает, может, партизаны, и нападут, — ухмыльнулся Митрич.

Никита крепко зажмурился и мысленно вспомнил про собак женского рода...

Вдалеке, навстречу, появился еще один отряд немцев. Офицер на телеге произнес: «Хальт!» — поднял вверх руку. Колонна остановилась. Офицер посмотрел вперед, посмотрел назад. Видимо, его все устроили на дороге.

— Вайтерфарен! — махнул рукой по ходу движения.

Когда две колонны встретились, лейтенант «козырнул», поприветствовал оберлейтенанта. Оберлейтенант лениво поприветствовал в ответ.

— Герр оберлейтенант! Вы, я смотрю, с уловом!

— Не поверите, лейтенант, главный улов в соседней телеге! Хотите посмотреть?

— Конечно! Ефрейтор! Ведите дальше взвод, я догоню! — крикнул лейтенант. А через несколько шагов, во второй телеге увидел связанного мальчишку. Удивленно посмотрел на оберлейтенанта. — И это главный улов?

— О, лейтенант! Это особенный бандит! Это целый начальник разведки бандитского формирования! Маленький, а уже матерый бандит, награжден двумя орденами! Хотите его рассмотреть поближе? — оберлейтенант посмотрел на дорогу: для отряда почти поравнялись друг с другом. Оберлейтенант схватил связанного мальчишку за ворот рубахи.

— Гады!!! — изо всех сил закричал Никита. Оберлейтенант отпустил рубаху, на шею лейтенанту были наброшены возжи, на Никиту сверху упал Митрич, застрочили автоматы, а Колян дал несколько очередей из пулемета. Несколько секунд и все... взвод врага ликвидирован, быстро были собраны трофеи, документы. Тела фашистов снесли в кювет и, на сколько позволяло, замаскировали. С потерявшего сознание лейтенанта сняли форму. Надели на него какие-то обноски, связали и вставили кляп. После этого положили на телегу рядом с Никитой.

— Гады вы! Ну, развяжите!

— Не-е-е, не получится. Я тебя знаю! Только так тебя можно удержать на месте. А Кутин сказал, чтоб ни царапины! Так что — терпи! — оберлейтенант похлопал Никиту по груди. — У тебя хорошо получается с заданием. Хорошо сигнал даешь!

Мальчишки в этой операции участвовали по очереди: 2–3 дня один, отдых «немцев», 2–

3 дня следующий... Так продолжалось почти 2 месяца. Уже в конце мая, во время очередной операции, один фашист, с отличным чувством самосохранения, при первых выстрелах, прыгнул в сторону кювета и заполз в трубу под дорогой, по которой отводилась дождевая вода, и просидел там несколько часов и выбежал только на встречу едущей колонне автомашин. Наши его проворонили...

— Герр Оберштурмбанфюрер! К вам с докладом унтерштурмфюрер Амелунг! — доложил адъютант.

Лернер посмотрел на часы. 11-ый час по полуночи. Неужели опять?

— Пусть заходит.

— Герр оберштурмбанфюрер, еще одно нападение, 32 убитых! — сообщил Амелунг.

— Унтерштурмфюрер! Мне не послышалось? У вас довольный голос?

— Да, герр оберштурмбанфюрер, довольный! Есть уцелевший!

— Где он? Немедленно ко мне!

— Он здесь! Унтершарфюрер открыл дверь, кивком головы позвал солдата.

В кабинет к Лернеру зашел перепуганный вусмерть, весь в грязи, солдат. Поприветствовал офицеров.

— Ты видел партизан, которые всех из твоего взвода убили?

Солдат часто — часто закивал.

— Почему их не видят другие?

— Герр офицер, они были одеты как наши солдаты и говорили по-немецки.

— Почему тебя не убили?

— Я спрятался в канаве...

На следующий день до всех подразделений вермахта, СС и полиции было доведено, что партизаны переодеты в немецкую форму. Инструкция почти сразу дала серьезные результаты.

Кутин вызвал к себе Никиту.

— Никита, вот скажи мне, как ты до такого докатился?

— Что я опять сделал? Связывать себя не дам!

— Да не нужно ничего. Разведчики докладывают, что немцы стреляют друг в друга. На одной проселочной дороге, две роты фрицев 4 часа вели бой друг с другом, пока к ним с разных сторон не подошло подкрепление в виде бронетранспортеров. Потом они, видать, разобрались. Сообщают о стычках и поменьше.

— Значит все, нас рассекретили. Кто-то улизнул. Эх, хорошая была идея!

— Хорошая... Вот за эту идею и полетишь в Москву.

— Зачем?

— А я откуда знаю? Медаль и здесь можно получить. Лично тебя — вызывают! Завтра самолет — готовься.

Вечером, у костра, мальчишки слушали рассказ вернувшихся с задания подрывников.

— Здорово мы вчера под откос эшелон пустили! — радовался Соколов. — Видел бы вы, как кувыркались вагоны... На повороте, под горочку — блеск...

— А с чем был эшелон — то?

— С боеприпасами — взрывов было много.

— Соколов, неправильно ты поезда под откос пускаешь! — сказал Никита.

А Серега, казалось, застыл не месте на несколько секунд, что — то обдумывая, уж

больно знакомая интонация была у фразы.

— Это почему это? — возмутился Соколов.

После этого ответа, Серега заржал

— Да потому это! С техникой поезда надо так крушить, чтоб не только техника ломалась! Вот скажи, Илья, поезда по взорванному вами пути уже идут?

— Идут... Не пойму я тебя, Никит...

— Чего ты не поймёшь! — горячился Никита. — Один эшелон взорвал, фрицы пригнали народ — путь отремонтировали и опять гонят эшелоны! Такие поезда надо рвать между насыпей, чтоб вагон на вагон залезал, чтоб затор, чтоб дорогу парализовало! Во!

— Никита, да ты — голова! — понял его замысел Соколов. — Сегодня же всем всё объясню: что и как!

Утром ребята провожали друга в Москву.

— Давай, «голова», в Москве не умничай, а то быстро «загремишь, под фанфары!» — хлопнул по плечу Никиту Серега.

— Никита, ты там, в столице, нас не забывай! — пожал руку Сашка.

— Прощайте, не поминайте лихом. Может еще вернусь и встретимся! — Никита обнял друзей. Что его ждет в Москве? Зачем вызывают?

Расставание.

Весна 1943 года продолжалась. Фашисты проводили карательные операции против партизан и местного населения вдоль железной дороги Лунинец — Барановичи.

Серёжка и Сашка находились в одном из секретов, лежали на высоте, поросшей соснами, не далеко от болотца. Они должны были контролировать и прикрывать одну из тропинок, ведущих к партизанскому аэродрому. Ее считали одной из самых безопасных, поэтому и поставили мальчишек. Уже рассветало, их скоро должны были сменить, как только улетит самолет. Самолет сел ночью, но что-то не заладилось, вылет задерживался, а лететь уже было нужно, скоро совсем рассветет.

Ребята тихонько перешептывались, но бдительность не теряли: жизнь научила.

— Тихо! Слышишь? Птицы раскричались? — стал прислушиваться и всматриваться в местность Сашка, ища возможные несоответствия

— Ага, вон смотри! Правее!

По лесу, в рассветном тумане, достаточно тихо, без спешки, шла цепочка людей.

— Серый, наши цепью по лесу не пойдут, только друг за другом.

— Егеря! — Серега закусил губу, разглядев форму.

— Обошли наших, гады! — Серёжка обернулся, как бы ища помощи. Там, за ними, метрах в 500-х, на поляне, партизанский аэродром. В самолеты, доставившие оружие и боеприпасы, должны были разгрузить и посадить раненых. Самолет ещё не взлетал, значит, надо держать подступы любой ценой.

— Сашка, не суетись! Сейчас должны сработать наши растяжки, зря мы их что ли маскировали?

Раздался первый взрыв. Фашисты запаниковали, открыли беспорядочную стрельбу, не понимая. Откуда «прилетела» граната. Следом рванула вторая растяжка.

Сашка первым не выдержал: бросил гранату и открыл стрельбу, не дожидаясь, когда немцы приблизятся и обойдут ребят со всех сторон.

— Серый, давай к тому пню, только за болотцем приглядывай, чтоб не пролезли, а то сразу сметут, не удержим. Почему первое охранение не... Серый, они полезли вдоль болота! Их кто-то ведет!

Серёжка развернулся, дал несколько коротких очередей по бегущим вдоль болота фашистам. А вот там они растяжки не ставили, только со стороны чащи. Но тропа вдоль болота была узкая, ее мог держать и один грамотный боец. Немцы залегли и открыли ураганный огонь. Но теперь не они были более страшны ребятам, а те, которые подходили с другой стороны, со стороны чащи Их-то, идущих в лоб, одним автоматом Сашка просто не мог сдержать, несмотря на растяжки. Немцы заметили, откуда ведут огонь партизаны, пристрелялись, пули стали вбиваться рядом с Серёжкой, ведь он был почти на виду у второй группы фашистов.

— Серый! Отходим!

— Нет, те прорвутся. — Серёжка дал очередь по пытавшимся броситься в атаку немцам, заставил их вновь залечь... — А-а-ж...

В ногу повыше колена будто вбили раскалённый гвоздь. Сильно сжал рукой больное место: рука стала мокрой... Нога перестала слушаться, руки стали ватные, в глазах поплыл

туман, а бой... будто и не было боя: уши словно перестали слышать.

Сергей очнулся от боли, когда его подносили к самолету. Огромный как медведь, седой партизан, нес его на руках, как маленького ребенка...

«Нога забинтована... А это же Алексеев, тот который «немой», — узнал его Серега.

Рядом был Сашка, увидел, что друг пришел в сознание:

— Всё — нормалёк, Серенький. Мы продержались, смена почти сразу подоспела — вступила в бой, я тебя оттащили, а потом и подмога подоспела. Слышишь, стреляют? Но немцы напирают, аэродром пока держим, а вот тебя приказали в самолёт, на большую землю. Кость, сказали, цела, мясо — нарастет!

— Да меня только чуть зацепило, да я хоть сейчас...

— Ну, что вы возитесь! — пытался перекричать шум моторов пилот. — Быстрее давайте, быстрее!

— Товарищ летчик! Сережку еще возьмите! Еще одного! — закричал Сашка.

Летчик посмотрел на Сережку, немного подумал...

— Всё, последний! Больше не подниму! Не подниму я больше! И так перегруз!

— Сашка, прощай, я тебя никогда не забуду!

— Ты что? Мы встретимся! Хоть через 100 лет! Серый! На — мой галстук, я с ним никогда не расставался! — Сашка засунул Сережке за пазуху, слегка порванную и

прожжённую в нескольких местах искрами костра, красную тряпицу.

— Как ж ты без галстука, знаменосец?

— Ничего, в комсомол скоро! Мы встретимся! — Сашка махнул рукой и выпрыгнул из самолета. Люк закрылся. Самолет улетел, а над лесом взвилась ракета, сигнал к отходу.

Командир экипажа был недоволен: вылетели, когда уже почти рассвело. Одно спасение — лес вокруг, нет фашистских зениток.

Самолёт, в котором летел Серёжка, был перегружен тяжело ранеными. Сергею стало не по себе от того, что, возможно, он занимает чьё-то место. А тут ещё стрелок — радист дал ему, как маленькому, кусок сахара.

— На, держи, не стесняйся. Сахар — он от потери крови помогает, кровь восстанавливает.

— Спасибо, но я хоть сейчас могу встать, — Серёжка сделал попытку подняться и заскрипел зубами от боли.

— Вот видишь... Ты уж лучше полежи.

— Петро! Не спи! — крикнул из рубки командир экипажа. — Летун справа!

Наш стрелок — радист быстро занял позицию в пулеметной башенке, пулемет начал стрелять... Вдруг пулемет словно захлебнулся, замолчал. Из-под колпака вывалился стрелок, его лицо было залито кровью. Пули стали дырявить корпус беззащитного самолёта с противным звуком вскрываемой консервной банки.

— Что стоишь?! — Серёжку вывел из ступора окрик партизана, у которого не было ног. — К пулемету давай!

Серёжка, скрипя зубами, но быстро и ловко влез под стеклянный колпак пулеметной башенки: часть стекла была забрызгана кровью, ветер выбивал из глаз слезы. Сзади у транспортника "ЛИ" находился странный самолет, совсем не похожий на те, что обычно показывают в фильмах про войну. Да Серёжке было плевать, что за самолет, он стрелял в наших, он будет стрелять в него! «ЛИ» резко пошел вниз: пилоты уже не заботились о особо тяжело раненых, они просто хотели, чтоб хоть кто-нибудь уцелел. Фашист, завалившись на крыло, продолжили преследование. Серёжка, как в компьютерной игре, поймал его в перекрестие кольцевого прицела...

* * *

— Товарищ майор! Ну давайте возьмем мальчишку к себе воспитанником!

— Кирилов, давай без давайте! Ты что? Кто нам разрешит? Я бы и сам рад, хороший мальчишка, но у нас не детский сад, а боевая часть. Здесь стреляют. И убивают...

Командир «ЛИ» капитан Кирилов облокотился на стол и обхватил голову руками:

— Там тоже стреляли... И убивали. «Дорнье» почти сразу привязался, сперва зашёл в лоб. Он явно нас ждал, не зря же он ночной истребитель... Ивана Стрельникова убили почти сразу...

— Хороший был штурман...

— Сперва отстреливались, и... вдруг тишина. Ну, думаю, кранты! Один шанс — хорошо, что линия фронта рядом, пытаюсь не думать о раненых партизанах, ведь если подпалят, то все сгорят, ухожу резко вниз. И тут вновь наш башенный пулемет заработал! «Дорнье» — как свечка! Сели. Что делать: хвалить Петро или отдавать под трибунал за то, что дал нас расстреливать? Сколько их там, в салоне, живых осталось? Вхожу, а из-под колпака пацан вылезает... Радисту половину головы снесло. Парень мне все и рассказал: «Я, — говорит. —

Случайно подбил». А у самого, даже руки нетрясутся — случайно завалил «Дорнье», при том, что сам он прыгал на одной ноге! Отличный парень! Может возьмем, а?

— Знаешь, Кирилов, к награде я его представлю, но это всё! Я сказал: всё! И закончим этот разговор!

Две папки.

Два ещё не обстрелянных молоденьких солдата — новобранца, чтоб скоротать время ночного дежурства, делились впечатлениями и страхами о жизни на фронте и о войне. Сначала они перемыли кости всем штабистам, а потом перешли на обсуждение дивизионных разведчиков:

— Петров, а ты знаешь, говорят, что разведчикам дают двойной паёк и ещё дополнительный паёк.

— Может быть, Сергеев, всё может быть. Но я бы и за хороший харч не согласился бы пролежать сутки в болоте! Одно дело в атаку идти, а другое дело ждать чего-то или кого-то. — Петров прикурил самокрутку, не забыв прикрыть огонек ладонью. — Я вот только не пойму ихнего командира, капитана Смирнова. Чего он у себя мальчишку держит?

— Говорят, что этот пацан воюет с 41-го года, с самого начала. Даже награды есть. А недавно ему орден дали за сбитый самолет...

— Ага, из рогатки кирпичом подбил!

— Да нет! Я тебе серьёзно говорю! Говорят, этот пацан с капитаном в госпитале вместе лежали, когда капитана в бок ранило. Говорят ещё, что этот малый и в разведку ходит наравне со всеми. Вот и сейчас готовятся к поиску. Уже и боеприпасы получили.

— Да трёп всё это про пацана! Этого в разведку? Не, он, небось, как адъютант: «Мальчик, принеси — то, принеси сё ...».

Партизаны ждали опытейших армейских разведчиков. Они должны были помочь добыть карту инженерных сооружений Турского укрепленного района, который занимал ключевые позиции на северном участке фронта и, при наступлении наших войск, мог доставить очень много хлопот, не говоря уже о возможных тысячах погибших и раненых при попытке штурма в лоб. Штаб партизанского движения приказал добыть карту, но карты и схемы достать не удавалось, несмотря на то, что в немецком штабе работал «свой человек». Вся надежда была на армейских разведчиков.

На поляне горели сигнальные костры. Самолет сделал два захода (сперва сбросили груз) и улетел. Из темноты вынырнул первый парашютист, и партизаны бросились встречать разведчиков.

— Э-э, народ, — удивился один из партизан, помогавший первому разведчику выпутаться из строп парашюта. — Это ж мальчишка!

— Щас остальные придут, — зубы у юного разведчика выдавали чечетку то ли от холода, то ли от адреналина.

Как только капитан Смирнов освободился от ремней, бросился к мальчишке:

— Серый, живой!?! Что случилось? Почему сразу парашют не открыл, а?

— Товарищ капитан, а я-то что? Просто он не раскрылся.

Смирнов только рот раскрыл.

— Да... хорошо хоть хорошо! Смотри у меня — уши оторву за твои затяжные прыжки! Парашют у него не раскрылся! Ну, если что-нибудь случится...

— Тогда ушей не будет!

— Ты мне тут дурачком не прикидывайся, а то сам знаешь...

Документы хранились в сейфе из Крупповской стали. Операция прошла блестяще. Дед — уборщик, которому доверял сам главный инженер Турского укрепрайона полковник фон Крафт (Доверял конечно же убирать свой кабинет, да и то под охраной двух солдат) приболел: скрутил ревматизм. Дедушку подменил шустрый внучок. Фон Крафт разрешил эту замену, ведь кому-то надо убирать его кабинет, не брать же на эту работу кого-то неизвестного с улицы! А здесь, тем более, всего лишь мальчишка. Он вызывал меньше подозрений и на второй день главный инженер уже один, без охраны наблюдал за уборкой и, иногда, отвечивал мальчишке подзатыльник за, якобы, не стертую с подоконника соринку.

Фон Крафт, как всегда, в 14. 30 ч. прервал работу с документами, закрыл сейф, и вызвал денщика:

— Чай! Да, в кабинет, я сегодня устал Вилли, — объяснил он своё нежелание идти в комнату для отдыха.

— Слушаюсь герр оберст! А как же уборка?

— Не волнуйся, мальчишка мне не мешает.

Серёжка вошёл в кабинет, спросив разрешение. Полковник молча кивнул и больше не обращал на него внимание. Внезапно в здании все пришло в лихорадочное движение, в коридоре послышался шум. В дверь постучали и тут же, без разрешения открыли. Фон Крафт открыл было рот, чтоб разнести в пух и прах своего адъютанта за такую наглость, но тот его опередил:

— Герр оберст! Только что передали, что с минуты на минуту к нам должен прибыть генерал фон Везель!

Полковник суетливо вскочил из-за стола, оглядел кабинет и, выйдя в коридор, быстрым шагом направился встречать генерала.

Серёжка знал от деда, полковник во время рабочего дня иногда держит ключ от сейфа в полке письменного стола. Полка конечно же была закрыта, но разве это препятствие для опытного разведчика? Серёге явно везло: ключ находился в полке! Ещё пара секунд и рисунок ключа отпечатался с двух сторон на кусочке воска, который разведчик всегда носил с собой, надеясь на удачу.

Ещё через два дня всё было готово к проведению операции.

Только мальчишка приступил к уборке, как началась стрельба. Вбежал адъютант.

— Вилли, что там ещё?

— Герр оберст, эти бандиты совсем обнаглели! Нападают уже среди белого дня!

В подтверждение его слов стекла в кабинете со звоном вылетели, в стены впились несколько пуль, посыпалась штукатурка. Серёжка пригнулся, а немцы упали на пол.

Адъютант почти силой заставил полковника покинуть кабинет и вывел в безопасное помещение. Далее Сергей проявил ловкость рук и никакого мошенничества! Хорошо хоть документов было не много, всего две красные папки, а то ему и так не было времени их рассматривать.

Бой стал затихать. Серёжка засунул в пустое ведро папки, сверху кинул мокрые грязные тряпки и беспрепятственно покинул помещение, вышел во двор, так, как делал ежедневно уже почти неделю.

Операция прошло отлично, но в лагере всех ждало горькое разочарование: в этих папках было всё что угодно, кроме планов укрепленного района.

— Что будем делать, а, командир? — устало спросил старшина Андреев. В партизанской землянке, где собрались армейские и партизанские разведчики, в тишине было слышно, как летают комары.

— А завтра ночью самолёт... Ну, что ж, не наш стиль, сдаваться! — капитан Смирнов принял решение. — Завтра, с утра, Крафт, как обычно, отправится с инспекцией укрепрайона. Послезавтра возвращается. Машина и броня охраны на несколько секунд притормозят у поста полевой жандармерии. Будем брать в бою самого полковника. Одна проблема: самолёт подождёт, а полковник может и не дожидаться, пока мы его возьмём. Живого.

— Да уж... Серёга почесал затылок. — Я предлагаю — сдать!

По пыльной проселочной дороге ехал «Опель — капитан» прикрытый спереди и сзади бронетранспортерами. Впереди показался пост полевой жандармерии, передовой БТР охраны оторвался от колонны, чтобы предупредить о проезде полковника.

— Боже, сколько же можно пытаться нас останавливать для проверки, ох уж эти «цепные псы фюрера»! — пожаловался фон Крафт адъютанту, намекая на Ringkragen, что висел у жандармов на груди на цепочках.

Офицер головного БТРа взмахнул рукой, сигнализируя, что все формальности решены и можно не притормаживать.

— Ну, вот и прекрасно. Хоть сегодня не останавливались! Стой! Стой! Тормози! — возбужденно скомандовал полковник шофёру.

Фон Крафт был вне себя от злобной радости: офицер полевой жандармерии бил, недалеко от шлагбаума, привязанного к дереву мальчишку! Того самого мальчишку, который недавно сумел выкрасть у него, фон Крафта, секретные документы, а эти самые документы, в красных папках, держал стоящий рядом обер — вахмистр. Полковник и его адъютант поспешили выйти из машины.

— Герр оберлейтенант!

Офицер вскинул руку в нацистском приветствии: — Слушаю, герр оберст!

— Оберлейтенант, я всегда знал, что «Бог с нами», на нашей стороне! Ну, что, узнаёшь, сволочь? — сказал он связанному мальчишке не заботясь, поймет тот его или нет. — Наверное уже и не мечтал увидеться.

Полковник зло прищурил глаза и резко ударил кулаком Серёжку в лицо. Кровь двумя ручейками побежала из разбитого носа. Лицо оберлейтенанта исказилось в гневе.

— Не надо, оберлейтенант, я сам с ним разберусь! Представьте себе, этот мерзавец сумел выкрасть из моего сейфа вот эти две папки. Прошу вернуть их мне, а также отдать мне этого бандита. Оберлейтенант, прикажите отвязать его.

— Но, господин оберст, — пришел в себя оберлейтенант. — Я уже доложил командиру! Я должен позвонить в гарнизон.

— Звоните! Я подожду!

Пока обер — вахмистр отвязывал мальчишку, а офицер связывался с гарнизоном, полковник придумывал казни для маленького мерзавца:

— Вилли, ты даже не представляешь, что я с ним сделаю! Мне посчастливилось, в свое время, прочитать книгу «Молот ведьм». Ты не представляешь, как много можно сделать интересного, не проливая ни капли крови! Я его подвешу за ноги... Или не за ноги... Как много хочется сделать! Начну с простенького, чтоб он, как можно дольше был жив, чтоб

умолял меня его пристрелить!

Уехавший вперед бронетранспортер вернулся и остановился в пятнадцати метрах от «Опеля». Из караулки тут же вышел оберлейтенант:

— Герр оберст! Я доложил, все в порядке. Можете его забирать.

— Оберлейтенант...?

— Оберлейтенант Вайс!

— Оберлейтенант Вайс! Я похлопочу о Вашем награждении! Я не забуду Вашу услугу! Я постараюсь, чтоб Вам выделили лучшие земли под поместье! Вилли, — полковник обернулся к адъютанту. — Мерзавца во второй транспортер.

Оберлейтенант вскинул руку вверх в нацистском приветствии... Взрывы сливаются в один, гранаты рванули внутри БТРов, из них уже никто не сможет выйти. Испуганный фон Крафт и его адъютант увидели наставленное на них оружие и наглую улыбку мальчишки, развязанными руками вытирающего вытекшую из носа кровь.

Адъютант пришел в себя быстрее полковника, не зря его приставила служба безопасности SD с приказом не допустить попадания важнейшей информации к противнику: в падении выхватил из-за голенища сапога парабеллум.

— Капитан! — Серёжка первым бросился на адъютанта, попытавшегося застрелить фон Крафта. Выстрел. Выстрелы...

Серёжку грузили в самолет.

— Вот так всегда... — прошептал Серёжка. — Он мне по морде... а я его от пули...не поверил бы...

— Серенький, помолчи, береги силы... — капитан Смирнов понял, что Серёжка его уже не слышит. — Доктор, он дотянет до госпиталя?..

— Сквозное... Я немного подлечила, остановила внешнее кровотечение, но ... Без шансов... думаю, не долетит. Два — три сантиметра ниже, и он умер бы сразу... Хотя, чудеса бывают... Но не с такими ранениями и не с такой транспортировкой. — врач партизанского отряда покачала головой из стороны в сторону.

Похоронка...

Место для
штампа

ИЗВЕЩЕНИЕ

Форма 4

ВАШ сын м.р. сержанта

(муж, сын, брат, военное звание)

Партизанов Сергей Алексеевич

(фамилия, имя и отчество)

УРОЖЕНЕЦ Моск. обл. г. Покровск

(область, район, деревня и село)

В БОЮ ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОТЕЧЕСТВО. ВЕРНЫЙ
ВОЕННОЙ ПРИСЯГЕ, ПРОЯВИВ ГЕРОЙСТВО И МУЖЕСТВО

Погиб при выполнении боевого задания

(убит, умер от ран)

19.11.1943 г.

Похоронен

(место погребения)

Настоящее извещение является документом для возбуждения
ходатайства о пенсии (приказ НКВМФ СССР № 325 от 16 июля 1941 г.)

М. П

Командир части

(звание)

(фамилия)

977

Магальницкий штаба

П. П. Однопоповский

Серёжка сложил похоронку и стал читать письмо, которое передали, с оказией, друзья — разведчики:

"Серенький, герой ты наш, здорово!

Пишу тебе я — Иван Овчаренко. Ты не видел и не представляешь, что творилось в нашей разведроты... да что в рот, в дивизии, когда Сафронов из госпиталя написал (его за день до тебя зацепило, помнишь?), что ты живой! Мы просто обалдели (так пишу потому, что вдруг кто из сестричек прочтает) все! Вот, письмо написать не дают, майор Смирнов карандаш отнимает. Да! Он теперь у нас майор...

Серый, леший тебя раздери! Молодчина, что выжил! Мы ещё покажем этим, по чём пирожки с котятами! За тот поиск всех представили к наградам, так что жди орден! Готовься, будем "мыть" его по полной программе.

Овчаренко тут меня стукнул, а сам-то старшина! Теперь сидит лычку пришивает...

Потихоньку жмём фрица, но они тоже не дятлы. Позавчера пытались пройти нитку —

нарвались на мины...Саперы только проверили всё, говорили — нет ничего, а тут раз... и всё. Петров сразу, а Осипова до санчасти не донесли. Вот так. Ну ничего! Живы будем не помрём! Ждем тебя, но я слышал, что вышел приказ, по которому всех сынов полков будут отправлять в тыл, в суворовские училища. Ну, как бы ни получилось — мы тебя разыщем, будь спокоен! Бывай! "

А дальше стояло с десятков подписей.

Серёжка откинул голову на подушку. Как приятно прочитать еще раз Он был пятым в офицерской палате. Грудь и плечо ещё кровоточили, оказывается пуля попала под углом, снизу вверх, (адъютанта полковника ухитрился достать пистолет из за голенища сапога, когда он бросился на него и даже выстрелил 2 раза) в левую часть груди и вышла 5 сантиметрах ниже плеча, вторая только черкнула по ребрам. Главный врач Санитарного Эвакогоспиталя СЭГ — 1857 Владимир Владимирович Гемпель так и сказал: "Повезло. Е рубашке родился. И как я понимаю, не один раз? По моим прикидкам, раза три..."

Майор Гемпель строго-настрого запретил Серёже вставать с кровати (а Серёжке надоели утки — обтирки), лежащего рядом, выздоравливающего капитана — танкиста, попросил последить за тем, чтоб "Воробей не улетел", что тот педантично исполнял (как немец, какой-то). Дверь открылась и в палату вошла молодая, красивая медсестра Шурочка со шприцем и снаряжением для уколов.

— О-о-о! Сергей — Воробей, дружище ситный! А вот и Шурочка с ремонтным набором по твою ж... кормовую часть! — заулыбался рыжеволосый лейтенант, лежащий у окна.

— Если хочешь быть здоров — заголяйся! — поддержал его танкист, подмигнув Серёжке. — Голым задом сядь на шприц и вращайся!

— Ну, товарищ капитан, все Вы знаете! У Вас «ж...опато» больше!

— Чего — чего??? — опешил от такой наглости капитан.

— Ну, у Вас — же — опыта — больше! — четко повторил сказанное Серега.

Вот теперь уже ржали над капитаном...

— Ну, хватит! — прервала их шутки медсестра. — Хватит гоготать над парнем.

— Шурочка, всё, мы умолкаем! — каясь, лейтенант сложил на груди руки. И всего за один ваш нежный взгляд, а может поцелуй...

— Валенком, по наглой рыжей морде! — отшила его Шурочка, смех прекратился, и она скомандовала. — Ну, Стреляный Воробышек, поворачивайся на живот! (В госпитале иначе, как «Стреляный Воробей», его не называли. Это прозвище приклеилось к Серёжке с лёгкой руки главного врача, посчитавшего его ранения.)

— А может не надо, а? — попробовал отвертеться от укола Серёжка. Его традиционная отмазка вызвала в палате очередной приступ веселья.

— Нет, ну вы посмотрите на него! — всплеснула руками девушка. Как под пули лезть, так ему не страшно, а один маленький укольчик — больно и страшно! Бог ты мой, он ещё и упирается! Давай — давай, поворачивайся и скидывай одеяло. Ой, нет, ну что твориться! Он ещё и краснеет, стесняется! Будто я его не видала «в чём мамка родила»! А два месяца чуть живой лежал — кто за тобой ухаживал, а?

— У-ой! Мама...

— Вот, а трясся — то, делов — то! А будешь упираться — пожалуюсь товарищу майору!

Суворовское.

Заместитель начальника Калининского суворовского училища, подполковник Богданов,

дочитав, положил бумагу на стол.

— А Партизанов — это что, прозвище или фамилия?

— Согласно документам — фамилия. — ответил мальчишка.

— Ну, давай документы.

— А их должны были переслать из госпиталя.

— Странно, суворовец Партизанов, если документы не переслали, то должны были передать с Вами или с Вашим провожатым.

— Не могу знать, товарищ подполковник! — Серёжка про себя ехидно улыбнулся: «Как же, отдал я документы, а потом сиди до конца войны за партой и изучай стихи о дедушке Мазае и его зайцах!»

— Н-да, Сергей, ну что же... А ты себе случайно годик — другой для фронта не набавил, а? Что-то тебе не дать по виду почти 15-ти.

— Плохо кормили, а ещё — в детстве болел. (А ведь действительно, каким в 41-ый попал, таким и остался" — в очередной раз подумал он про себя. — Может я там, в коме какой?)

— А в госпитале по какому случаю оказался?

— Да... так... подкармливали...

— Из Ленинграда, наверное, да? Тогда понятно, почему не вырос... Ну, ладно, не буду об этом. Борисов... — на зов майора вошел крепкий, коротко стриженный суворовец. — Вызови мне старшину Мартьянова из 4-ой роты.

Через несколько минут явился старшина.

— Вот что, Аркадий Сергеевич, прими к себе в роту суворовца Партизанова. Без карантина — из госпиталя парень. Полного аттестата и документов пока нет, но должны скоро прибыть. Покорми, ну и как всегда, сам знаешь, пусть вымоется с дороги, выдай обмундирование.

— Всё ясно, товарищ майор. Разрешите идти?

— Идите.

— Колька, слышал? К нам в роту новенького прислали!

— Кто такой, откуда родом?

— Да я сам ничего ещё толком не знаю, его только что привели.

— Ну, мама дорогая! Витёк, ну так узнай... — Колька Багров пользовался большим авторитетом во взводе и всей роте. Он был на фронте, и там его наградили медалью «За боевые заслуги». А ещё Колька был самым старшим в роте — ему уже шел 15-ый год.

— Класс, встать! Смирно! — скомандовал дежурный. — Товарищ преподаватель, 3 взвод 4-ой роты к занятиям готов. Отсутствующих нет!

— Здравствуйте, ребята. Садитесь, садитесь... — Игорь Валентинович раньше преподавал историю в школе, в армии не служил, и, поэтому, его всегда шокировали доклады, «смирно», «вольно» и всё такое.

— Вольно! — помог ему дежурный. — Взвод, сесть!

— Ребята, познакомьтесь, это наш новый ученик... то есть суворовец Партизанов Сергей. Да, очень колоритная фамилия. Прошу любить и жаловать. Сергей, садитесь за третью парту. И ещё, Сергей, Вы хотя бы что-нибудь помните из курса истории?

— Кое-что ещё помню.

— Не назовёте ли Вы мне столицу Древней Руси в 9-ом веке?

— Киев, названа по легенде одним из трёх братьев — Кием, но есть версия, что так звали речного перевозчика на Днепре.

— Во — даёт! — послышалось в классе.

— Да, небось, мама дорогая, маменькин сынок! — толкнул локтем Колька Витьку. —

Учебники зубрил вместе с мамкой! Может он и когда мы немцев победим знает?

— Не плохо, молодой человек! Не плохо! А кто из класса желает задать вопрос по пройденному материалу?

— Можно? — поднял руку Колька.

— Пожалуйста, Багров.

— Когда закончится война?

У Серёжки что-то перемкнуло в голове, он почувствовал себя как на уроке истории в школе:

— 2-го мая 1945 года был взят Берлин, 8-го мая подписан «Акт о безоговорочной капитуляции Германии...» — тут Серёжка понял, что он что-то говорит не то: в классе стояла гробовая тишина, словно ребята перестали даже дышать.

— Это что ж, ещё больше года воевать? — произнёс кто-то.

Игорь Валентинович протер тряпочкой очки:

— Интересное пророчество, молодой человек, — он улыбнулся. — Но, почему же в прошедшем времени?

Класс взорвался от хохота и прикольных замечаний. Урок был безнадёжно сорван.

— Отбой! — скомандовал старшина. Затихли его шаги в коридоре, началась ночная жизнь:

— Эй, «Знающий», поди-ка сюда! — позвал Коля, сев на кровать.

— Давай все вопросы завтра с утра?

— Мама, мама дорогая! Может тебе ещё и с постельки помочь подняться, а?

— Не надо. Сам встану. Ну, чего тебе? — Устало поинтересовался Серёжка.

— Ребята, он ещё и пугливый! Да пошутил я. Тебе бы танк немецкий увидеть... Вот бы в штаны-то наложил!

— Может, и наложил...

— Куришь?

— Минздрав предупреждает... Пройденный этап — бросил. — Вспомнил любимую притказку одного старого учителя в своей школе. (Где теперь она — школа?)

— Чего?

— Не курю, пришлось бросить.

— А-а-а. Ну-ну! Ну, ладно, давай, ложись баиньки, а то ещё простудишься! — Колька хлопнул Серёжку по левому плечу. Серёжка схватился за плечо, согнулся, на глазах от боли выступили слезы.

— Н-да, — Багров почесал затылок. — Просто «Сопельшмайстер» какой-то! Такого треснешь по-хорошему, так он весь соплей изойдёт! Иди, ложись, и сопли свои подбери, а то поскользнусь ещё!

На следующий день после окончания занятий Серёжка сидел в деревянной беседке и думал о том, что надо отсюда сматываться.

— Во! Смотри, Витёк! Сопельшмайсер знает где найти укромный уголок! — Колька

быстро свернул самокрутку и закурил. Затянулся ещё раз, смачно плюнул на землю, растёр плевков ногой. — Сопельшмайсер, хочешь затянуться?

Серёга отрицательно мотнул головой.

— Как хочешь. На, Вить. Слушай, Сопельшмайсер, и откуда ты такой взялся?

— Откуда взялся, там меня уже нет! А вот если ты меня ещё раз назовёшь Сопельшмайсером, то я тебе язык бантиком завяжу, а руки и ноги — пообломаю!

— Чё? — от такой наглости Колька чуть не упал с лавочки, а Витька открыл рот от удивления и выронил «бычок» на пол.

— Сопельшмайсер, я же тебя один разок приложу, так ты рассыпешься!

— Рискни, но руки и ноги я тебе пообломаю... — Подытожил Сергей.

— Ну, держи... — Колька вразвалочку подошёл, взял левой рукой, двумя пальчиками за Серегин мундир, а правой замахнулся для удара. Серёжка подсел под удар, нырнув под правую Колькину руку и сам «вмазал» Багрову в челюсть. Несколько секунд понадобилось Кольке, чтоб прийти в себя и понять, что произошло. Продолжение драки было молниеносно: Колька и Витька бросились на Серёжку одновременно. Витька, получив ногой прямой удар пяткой в грудь, отлетел в угол беседки, а Колька размахнулся и со всей дури вмазал в стойку беседки (его противник просто немного отклонился в сторону, и, не теряя времени, треснул Багрова лбом в нос). Драку прервал грозный окрик «Прекратить!».

На утреннем разводе начальник училища генерал — майор Визжилин. приказал выйти из строя «героям» вчерашнего дня.

— Товарищи суворовцы! Хорошенько посмотрите вот на эту троицу! В то время, когда наши отцы и старшие братья воюют за свободу нашей Родины с фашистами, некоторые предпочитают драться со своими товарищами! И это будущие офицеры Красной армии! И главное кто затевает? Суворовец Партизанов, Ваших документов ещё нет в училище, сами здесь третий день, а уже нарушаете дисциплину!

Училище, смирно! За избиение товарищей суворовцу Партизанову объявляется 5 нарядов вне очереди! Он лишается на 3 месяца погон!

Не слышу!

— Есть 5 нарядов и 3 месяца без погон.

С Серёжкиных плеч старшина снял погоны.

— За участие в драке суворовцу Багрову объявляется 5 нарядов вне очереди!

— Есть 5 нарядов!

— Училище, вольно! Разойдись!

Серёжка посмотрел на «разукрашенного» Кольку и хитро улыбнулся:

— Колька, а ведь не зря нам дали по 5 нарядов вне очереди — помирить хотят.

Багров сделал вид, что не расслышал его слов, но отношение к Серёжке у него изменилось.

Первый наряд ребята отбыли в столовой: забот хватало. Последний, пятый наряд, пришёлся на субботу — банный день. Весь день Колька и Серёжка рубили дрова, грели воду, снова рубили и снова грели. После ужина осталось только помыть помещение и вымыться самим.

— Серый, щас предбанничек домоем и сами попаримся — постираемся!

— Ага.

— Я, Серый, раньше любил париться. И банька наша была не то что здесь. Бывалс

залезешь на верхний полук, а тебя — веничком! Да... Хорошо было до войны... Мамка, папка, сестренки живы были... — Колька отвернулся от Сереги и молча продолжил мыть тряпкой пол в отделении для переодевания. Через 10 минут скомандовал: — Ну, что, кажись всё. Пошли сами мыться.

— Погнали наши городских!

Серёжка, стал раздеваться, снял рабочую гимнастерку, из нагрудного кармана на пол упали бумаги. Колька нагнулся помочь поднять листки, протянул товарищу:

— У тебя тоже похоронка в кармане. Я её уже ни с какой другой бумагой не спутаю. Ты меня прости, что я к тебе сперва доматывался. Я думал, что ты — маменькин сынок, есть тут такие, а ты парень ничего! — Багров потёр челюсть. — Что, тоже на батю?

— Не, Колька, не на отца.

— Что, на мамку?

— Нет. Хочешь, почитай, — ответил Серёжка продолжая раздеваться.

Колька развернул сложенный листок:

— Мама, мама дорогая! Это ж на тебя похоронка!

— Ага, на меня. Майор Смирнов ради хохмы в канцелярии свистнул и мне прислал. Поторопились.

— Так это тебя сюда. — Колька пальцем дотронулся до свежего рубца чуть ниже левой ключицы. Багров развернул другую бумагу: справку о ранении.

Колька подошёл к Серёжке, развернул его и посмотрел на спину:

— Да. На вылет. А я-то думаю, что это ты слезу пустил...

— До сих пор больно. С метра садил, гад. Но ничего, живой! — поморщился Серёжка.

— Так постой... — Колька стал опытным взглядом считать боевые метки на теле у Серёжки. Грудь — спина, это понятно. По ребрам черкнула?

— Это тогда же: чуток зацепило.

— Нога?

— Это давно, в партизанах...

— Это тоже, в партизанах? — Колька кивнул на шрам над левым ухом.

— Тоже... это отдельная песня.

— А эта метка — ожог?

— Это — та же отдельная песня.

— Расскажешь?

— Если ты о себе расскажешь...

— По рукам! — согласился Багров. — А чего лычки не носишь? Ты же младшой, да и наград, небось, куры не клюют?

— Ну, есть немножко. Слушай, Колян, я долго тут голый стоять буду? Я не деревянный — мне холодно! Пошли греться!

Попарились, постирались, одели чистое.

— Серёжка, так чего ж ты комедию ломал, что документов нет? Вот же они?

— Чего, говоришь? Просто нечего мне здесь, в тылу, делать. Да и майор заждался. Пора. Летом к границе выйдем...

— Откуда знаешь? Или опять завираешь?

— Как хочешь, так и считай...

В казарме, Багров попросил одного из своих друзей, на некоторое время, поменяться койками с Серёгой. После отбоя он рассказал Серёге, что все родные погибли. Он был

сыном полка у артиллеристов — истребителей танков, как стал для них родным, но потом почти всех их потерял в бою. Как уцелел — сам не знает. Как сбегал уже два раза на фронт из детских домов — возвращали. После третьего раза отправили в суворовское. Чтоб до фронта добраться нужны документы, хоть какие-нибудь. Мальчишек патрули на станциях отлавливают легко и не напрягаясь: "бегунки" сами идут к воинским эшелонам.

На следующую ночь все повторилось с точностью наоборот, теперь рассказывал Сережка. Если, когда рассказывал Бодров, казарма спала, видимо, уже знали о подвигах Кольки, то когда начал тихонько рассказывать Серый, некоторые кровати стали скрипеть: ребята перекладывались так, чтоб было лучше слышно... И все же, тихий голос сделал свое дело, ребята заснули. Серега подождал немного, в открытое окно переправил вещмешок со своей старой формой и документами.

Подождал еще немного, около 4 утра, за несколько минут до смены дневального "на тумбочке", в майке и труселях сонной походкой "продефилировал" в туалет... Дождался смены "пажеского караула", вылез, через заранее подготовленное окно, на пожарную лестницу. Холодно вато по железным прутьям спускаться босиком, но — Сереге не привыкать. Подобрал вещмешок, оделся и, без угрызений совести, сбежал на фронт.

Утренний развод в понедельник внезапно был заменен внеочередным парадным построением. В училище прибыл майор Фролов, представитель из военного комиссариата города Калинина для награждения двух отличившихся воспитанников.

— Товарищи суворовцы! Сегодня двух наших воспитанников нашли правительственные награды. — Начал начальник училища генерал — майор Виктор Алексеевич Визжилин.

Продолжил представитель городского военкомата:

— Воспитанник В/Ч 05316 Багров Николай Петрович, 1929 г.р., под командованием сержанта Фёдорова Ф.С. подбил 2 фашистских танка. Расчёт орудия был выведен из строя во время танковой атаки. Багров Н. И. заменил у орудия раненых бойцов, проявил в бою мужество и героизм.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Багров Николай Петрович награждается орденом «Слава 3-ей степени»!

Суворовец Багров!

— Я!

— Ко мне!

— Есть!

— Молодец, Николай! — майор прикрепил рядом с медалью «За боевые заслуги» новую награду. — Вот какие у нас есть герои!

— Служу Советскому Союзу! — Колька встал в строй.

— И ещё одна награда. Честно признаюсь, — продолжил майор Фролов. — Мне самому очень хочется посмотреть на другого героя. Это его пятая награда, третий орден. Дивизионный разведчик, до этого — партизан... Он был трижды ранен, последний раз тяжело, недавно выписан из госпиталя и направлен в Калининское суворовское училище. Младший сержант Партизанов Сергей Алексеевич за добытые в разведке ценные сведения Указом Президиума Верховного Совета СССР награждается орденом «Красного знамени»!

Младший сержант Партизанов!

Младший сержант Партизанов!? Товарищ генера — майор, а где суворовец Партизанов?

— Он, видимо, в наряде. Ничего, получит награду немного позже... — от старшины

Мартьянова генерал — майор Визжилин знал, что ночью Серёжка сбежал... И судя по всему, и скорее всего, на фронт.

На фронт.

Сперва, Серёжка заехал в Покровск. Там, где должен был стоять его дом, только пустырь, заросший кустарником. Место его дома было в пяти километрах ли городской черты в 1944 году. Серёжка спустился с пригорка к реке, к тому месту, где любил купаться с ребятами, в той, первой жизни. Вода была ещё холодной, но он все же макнулся разок, развёл костерок, чтоб согреться, присел рядом с большим камнем — камень он хорошо помнил, находился на прежнем месте.

Обсохнув, Серёга оделся, выкопал под камнем ямку, вылил из трофейной фляги воду и встряхнул её, подсушил у костра, а потом засунул в неё Сашкин галстук, свою похоронку и, плотно завинтив флягу крышкой, положил в ямку. Подумал, достал из кармана медаль " **За отвагу** " № 713278 положил её рядом с флягой. Засыпал ямку, плотно утрамбовав землю.

Возвращение в разведроту шло уже 12 дней. Все помогали, чем могли, младшему сержанту, отмеченному орденом и медалями, с тремя нашивками за ранения, тем более, ехавшему из госпиталя догонять свою часть. Однажды ночь Серёжка проснулся от тихого разговора в вагоне...

— Вот и взяла я его к себе. Такой же, вот как этот, — пожилая женщина кивнула в сторону Сергея. — Тоже из госпиталя, тоже после ранения, только, тогда их в детдома отправляли. Жалко его стало — сирота... Мои — то, Ванечка с Илюшей сгинули в этой войне... ни слуху, ни духу... Ну, взяла его к себе... Что я пережила... Он же два года на войне... Кровь, грязь, смерть. Матерился, как ... даже не знаю, как кто. На кровать только в сапогах, как в казарме. Учиться в школу не пошёл, да и меня туда же послал. Чуть что кричит: " Я фронтовик, а не крыса тыловая!" А я всё терпела: и матерщину, и грязь, и все его выкрутасы. Потом он, когда меня не было, собрал всё более — менее ценное, даже моё обручальное колечко, ушёл...

Больше я его не видела.

— Может один такой тебе попался...

— Нет, и не говори мне ничего... Что им таким вот надо? Родных нет, дома нет, умеют только на смерть смотреть ... и убивать. Как дальше жить будем ... Не знаю.

"Я тоже не знаю", — подумал Серёжка. До утра он так и не смог уснуть...

В Брянске Серёжка напоролся на патруль под командованием молоденького младшего лейтенанта, который, повертев в руках документы и справки, поинтересовался, почему это младший сержант вместо того, чтобы ехать из госпиталя в Калинин — едет в совершенно противоположную сторону? Серёжка не стал объяснять — что и почему, не стал ждать пока лейтенантик закончит свою язвительную тираду, а просто оставил его разбираться с документами и справками, ловко и незаметно (как учил майор Смирнов) слинял. Без документов — в форме, много не походишь. Поэтому, на станционной барохолке, Серый приобрел старенькие ботиночки, брючки, рубаху, ватник и кепчонку. Денег у него хватало. Их и продукты в банках, Серега заранее, перед появлением в училище — надежно припрятал (разведчик он или кто?).

Чем ближе Серёжка подходил к фронту, тем больше требовалось предосторожности, а то напорешься на ещё одного лейтенантика и отправишься обратно в суворовское училище. Но пришлось отправиться не в училище...

Серёжка, переодетый в гражданское, шел босиком по проселочной дороге, обычный парнишка: старенькие кепчонка, рубашонка, порты, только ватник был почти новый, старенькие, но крепкие ботинки в руках, на плече вещмешок. Как же здорово идти босиком по теплой земле... Вдали показалась не тронутая войной деревенька. Даже не приходилось смотреть под ноги — эти места бои обошли стороной. В вещмешке — кое-какие продукты, смена белья, новые портянки, его форма (ребята постарались, к выписке прислали, даже сапоги новые хромовые, офицерские, где-то раздобыли... Хотя, они же разведчики...) Что, казалось, еще для счастья надо?

Его догнал «Виллис», в котором были старший лейтенант и три солдата:

— Эй, паренёк, ты здешний?

— Ага.

— Как называется вон та деревня?

— Сосновка, — не моргнув глазом соврал Серёжка.

— Коротов! Ты куда меня завез? — офицер развернул карту. — Такой деревни здесь вообще нет! Э-э! Парень, ну-ка стой! Никифоров! Осмотри его! Может он из тех, из «птичек»!

Серёжка понял, что «линять» некуда — чистое поле, метров 50, (получить в спину пулю от своих не хотелось) и он — вляпался.

— Товарищ старший лейтенант! У него здесь форма младшего сержанта! Деньги, много денег и документы!

— Ну, что? Будем молчать? Форма или документы чьи? Украл или фрицы выдали? Никифоров, руки ему свяжи, а то смотри, как глазами зыркает — матерый! Давай в машину, в комендатуре разберутся!

СМЕРШ.

В комендатуре, Серегу посадили в отдельную комнатку с зарешённым окном, продержали до вечера. Днём приходил пожилой старшина НКВД: приносил миску каши и кружку горячего чая. Выводить никуда не выводили — поставили ведро. На вопли и крики, что надо в туалет, напомнили про ведро. Если можно было попытаться удрать при походе «до ветра», теперь такое не светило. Серьезненько за него взялись... С чего бы это?

Вечером привели в кабинет к молоденькому младшему лейтенанту, с васильковыми кантами на погонах. На столе лежали Серегины вещи из «сидора», награды, какие-то бумаги.

«Везет мне на лейтенантиков, как утопленику...» — подумал Серый.

Как только Сережку усадили, лейтенантик «взял быка за рога»:

— Отвечай быстро и четко: где оставил «уголек»?

Серега был ко всему готов, только не к этому вопросу.

— Какой уголек?

— Понятно, по-хорошему не хочешь? — и после начал орать, «братъ на голос». — Кто такой, когда был завербован, где оставил взрывчатку, цель задания, кто руководитель группы?

Серега удивленно посмотрел на лейтенантика: «Псих, что ли?» — но ответил на часть вопроса.

— Партизанов Сергей Алексеевич. Младший сержант. Форма моя. Свяжитесь с В/У 01509, попросите майора Смирнова и скажите, что я у вас.

— Какой Партизанов? Какого Смирнова? Ты мне, мозги не пудри! По прифронтовой зоне шел в гражданской одежде, с формой младшего сержанта, с какой целью?

Сережка молчал.

— Да, плохо вас в вашей разведшколе учили... Засыпался на пустыке: не знал названия деревни. Где находится разведшкола, когда был заброшен? — Лейтенантик подскочил к стулу, на котором сидел Серега и, не особо сильно, хлопнул ладонью по лицу, видимо, для ускорения процесса признания. — Отвечай, фашистский выкормыш!

А вот тут Серега не сдержался. Ладно бы по морде треснул, не впервой... Не «Фашистский выкормыш!»! Не вставая со стула, пробил кулаком прямо... Прямо по... Пока лейтенантик корчился на полу, а дежуривший в кабинете солдат, сбил мальчишку со стула и несколько раз приложил сапогом.

На шум в кабинет, без разрешения, зашел старшина, оценил картину опытным взглядом.

— Первухин, прекратить! Чем мальчика пинать, лучше помоги младшОму! — поднял морщащегося мальчишку, посадил на стул. Встал рядом.

Складывалось впечатление, что он здесь главный.

— Сволочь, — немного ожил младший лейтенант. — Это так вас учат в фашистской разведшколе? Ну, готовься... Больше ладошкой бить не буду... Первухин! Наручники на него!

— Товарищ младший лейтенант! Мальчонка ведь... — сказал старшина.

— Мальчонка? Нападение на офицера при исполнении!!! Первухин, к этому... отношение без поблажек, как к диверсанту!

— Это тебе за "фашистского выкормыша"! Перчатку надеть не забудь... — неожиданно зло сказал мальчишка.

— Какую перчатку, зачем? — не понял лейтенантик.

— Чтоб руки холеные не попортить и в крови не испачкать... Так один унтерштурмфюрер делать любил...

— Какой унтерштурмфюрер? — уцепился за фразу младший лейтенант. Где с ним встречались? Какое он тебе давал задание?

Мальчишка опустил голову, помотал ею из стороны в сторону и еле слышно сказал:

— Совсем больной...

Несколько дней Серегу допрашивал младший лейтенант. В кино, обычно, в НКВД жесткие допросы, а тут покричали, поугovarивали, снова покричали... Прямо как разборка в кабинете у завучей, после того, как его курящим застукали в школьном туалете... Возможно, повлиял на ход допросов пожилой старшина.

На четвертый день пришла крытая машина, на ней Серегу куда-то повезли. В кузове. Вместе с Серегой ехали еще два офицера, судя по погонам, старлей пехоты и капитан артиллерии.

«Интересные попутчики...» — подумал Сережка, замечая, что офицеры аккуратно наблюдают за его поведением.

Приехали в какой-то городок, к какому-то небольшому особнячку.

— Вылазь! — скомандовал капитан.

Вылез. Зашли в комнату — кабинет. К старшему лейтенанту и капитану прибавились водитель — сержант и еще один пехотный лейтенант.

— Раздевайся! — скомандовал капитан. — Трусы можешь оставить...

После фашистских застенков Серегу мало чем можно было бы удивить, но вот сейчас он чувствовал себя «елкой», на детском новогоднем празднике. Вот эти — взялись за него совсем по полной. Смотрели цепко. Замечая многие нюансы, при этом, на их лицах читалось некоторое удивление.

Сержант подошел, провел руками по волосам, которые уже успели отрасти, тщательно ощупал — нащупал шрам над левым ухом — хмыкнул. Прощупал резинку трусов. Отошел.

— Руки вверх подними. Повернись вокруг. Опустит. Руки вперед, пальцы растопырь. Теперь ладонями вверх. Да уж... — теперь хмыкнул капитан. — Одевайся.

Только одеваться Сереге пришлось в форму младшего сержанта. Как он одевается, за ним тоже внимательно наблюдали.

— Колись, малой...

— Чего колотья-то? — Серега мысленно подумал, что «опять 25 за рыбы деньги», опять вопросы про диверсанта... но, он не угадал...

— Давай на чистоту. — продолжил капитан. — Стреляешь ты давно и много — мозоль на правом указательном, на правом плече натертость — метка от оружейного ремня, одевать форму дело привычное. Давненько воюешь?

Ему даже как-то не хотелось не отвечать на вопросы или врать:

— С 41-го...

— Фи — у — у! — присвистнул сержант.

— Форма твоя?

— Да.

— Награды?

— Да.

— Интересное дельце нам попало... сквозное на ноге откуда?

— Партизанил...

— А на голове? Над левым ухом? — вставил, свои "пять копеек", сержант.

— Тоже партизанил.

— Грудь — спина? Свеженькие... Тоже — партизанил?

Сергеа кивнул.

— Свяжитесь с В/Ч 01509, попросите майора Смирнова и скажите, что я у вас, я уже просил... Там, в комендатуре.

— Свяжитесь с В/Ч 01509, спросить майора Смирнова... — задумчиво произнес капитан. — А вот нет на нашем фронте такой части и нет такого майора. Передали информацию выше, ждем информацию от других фронтов. А вот старшего лейтенанта Шинька, не знаешь случаем?

Капитан пристально посмотрел на мальчишку. Мальчишка немного подумал, что-то вспоминая:

— Нет. Такого не знаю, не встречались.

«Похоже не врет». — подумал капитан, посмотрел на своих товарищей: те кивнули, соглашаясь с ним.

— Слушай меня, младший сержант Сережа Партизанов. Я — капитан Стрижов СМЕРШ. Это — старшОй Иванчук, лейтенант Блаженко и сержант Волков. Злить нас не советую. Надо будет стрелять — выстрелим. Ты пока живешь в этом доме. Закрывать тебя не будем, но за калитку, без разрешения, ни ногой. Понятно?

— Понятно... Мне бы помыться. Привести себя в порядок... Поесть, тоже, не мешало бы...

— Не проблема. Волков, нагреешь малому воды? Во что переодеться у тебя есть: нательная и кальсоны в вещмешке по размеру. Форма — чистая. Волков, когда осматривал, вшей не заметил?

— Чистый он, товарищ капитан.

— Ну и отлично. Комнату тебе покажет Волков. Покормит. Он теперь тебе за родного отца будет, пока ответ по В/Ч 01509 не придет.

«Родной отец» Волков утром будить не пришел. Серега потянулся в кровати: «Суперски выспался. Чистая кровать, чистое белье, сытный ужин... Что еще нужно человеку для счастья? Нет команд и приказов, как в суворовском, нет стонов и больничного запаха, как в госпитале, нет стрельбы и взрывов... Как же я раньше об этом не задумывался? Как там мама, папа, сестра Светка?» Он снова стал мальчишкой, простым мальчишкой... Не стойким партизаном, не хитрым разведчиком, не раненым, который терпит боль, а простым мальчишкой. Слезы навернулись сами собой, Серега уткнулся лицом в подушку, несколько всхлипов, и он взял себя в руки. Главврач госпиталя заставил вспомнить об утренней зарядке — чтоб быстрее восстанавливался. Серега, тогда, к упражнениям, которые давал разведчикам капитан Смирнов, добавил разминочный комплекс, что делал на рукопашке (в той жизни), постепенно увеличивая нагрузку. Даже в суворовском находил время позаниматься, а в дороге — тем более. Серый встал с кровати, скинул нательную рубаху, подтянул кальсоны, босиком (пол был чистый) протопал к окну — открыл его, чуток поежился, прохладно было на улице, и начал зарядку.

Через 40 минут — выдохся, распотелся, хотелось сполоснуться, только вот вчера сержант Волков в пристройку, нечто типа бани, принес ведро горячей и ведро холодной воды, где ее брать сегодня?

— Кхе — кхе... — раздалось из окна. Там, пожевывая травинку стоял Волков. — Малой, если поторопишься, то после принятия водных процедур, ждем тебя на завтрак, через 15 минут. Опаздывать не советую — капитан ждать не любит. Да, чуть не забыл, колодец в 15 метрах справа от черного выхода во дворе. Простыня, которой вытирался вчера после помывки — уже просохла, она висит на веревке рядом с колодцем.

«Как он ухитряется все предугадать? — удивлялся Серега. — Я только хотел спросить, а он уже ответил!»

Завтракали все вместе, за одним столом. Паек Сереге не полагался, поэтому, он «нагло» обедал офицеров. Отношение офицеров было прежнее: ни панибратства, ни сюсюканий, ни лишних вопросов — расспросов.

— Вот тебе часы, пользоваться, думаю, умеешь. Через 10 минут выходим в город, на рынок. Рынок по улице направо — до конца, там площадь, не заплутаешь. Первая пара, малой, вторая пара. Малой, ты нас не знаешь, к нам не обращаешься, если будет надо — подойдем. Кто мы и откуда — ни слова, ляпнешь — пожалеешь. Вопросы есть?

— Деньги я могу взять, для рынка, чего-то прикупить?

— Возьми, только не все.

Через 10 минут Серега был готов к прогулке на рынок.

— Награды почему не надел? — спросил капитан Стрижов.

— Да я их и не ношу.

— Почему?

— Да не перед кем форсить, надевал, когда помогали на фронт ехать.

— А нашивки за ранения? — поинтересовался старший лейтенант Иванчук.

— В госпитале пришили, только я срезал, та же фигня... Вы-то, тоже награды не носите...

— Он у нас, такой же, как и мы, скромняга... — прокомментировал сержант.

«Сержанту Волкову, в метро работать, с его «пятью копейками», как батя говорит... — подумал Серый.

— Ладно, выдвигаемся. Первыми ушли сержант и лейтенант, потом Серега, как вышли капитан и старлей — Серега не заметил.

На рынке Серого растопырило... Продукты были дорогие, а вот многие вещи отдавали почти даром. Серега купил буханку хлеба, за 200 рублей, на 400 рублей сала... и «Кировские» часы за 400 рублей (капитанские конечно хорошо, но они капитанские).

— Молодой человек! Это очень хорошие часы, отличный ход, чудесный балансир, всего 400 рублей! Разве это деньги для такого товара? — расхваливал продавец. Заметил на руке у Сереги часы. — А зачем Вам, юноша вторые? О! Вы, наверное, так решили сбить цену товара! Я таки Вам скажу, 400 рублей — это 2 буханки хлеба. Я не могу вам уступить...

Пока продавец причитал, Серега слушал ход. Подождал немного, снова послушал, сравнил с часами капитана. Достал деньги и купил не торгуясь.

— Молодой человек! Если Вас что-то не устроит, Вы всегда можете меня здесь найти. Меня здесь все знают, просто спросите часовщика!

Как только довольный покупкой Серега двинулся дальше по торговым рядам, он понял, что за ним «хвост». Пара парнишек, на голову выше Сереги, приклатненного вида,

шарнирной походкой, двинулись за ним.

«Интересно, где сейчас «Родной отец», он бы очень пригодился... — подумал Серый. Он аккуратно посмотрел по сторонам, сержант Волков в поле зрения не попал. — Опять бить придется».

— Эй, младшОй! Переговорить надо! Давай в сторонку отойдем. — начал наезд один из «хвостов».

— А здесь не судьба?

— А здесь лишних ушей и глаз много... тихо, почти на ухо, добавил второй.

— Ну, пойдём... — тяжело вздохнул Серый. Когда отошли в подворотню спросил. — Медицинская страховка есть?

— Чево? Ты, сыва, форму надела и думаешь, что уже в козырях! Да я тебя попишу на два чиха! — Первый «хвост» начал доставать ножичек и тут же получил сапогом «лоу-кик» по левой ноге в район колена. (все-таки рукопашка, правильная вещь! Пару ударов точно поставит.) Первый «хвост» рухнул на четвереньки, второй поставленный удар, тем же сапогом, пришелся по удивленной физиономии, от чего она стала менее удивленной, но более приплюснутой. Второй «хвост» обладал способностью моментально испаряться.

— Так чего надо? — поинтересовался Серый у потерявшего нож (Серый забрал себе) и поскуливающего первого «хвоста».

— Ты что, психический! Нам сержант какой-то 100 рублей дал, чтоб мы тебя поугали и все. Даже сказал, не бить сильно и ничего не забирать... Только поугать!

— Вот ж... «Отец родной!» Опять проверочка...

Желание ходить по рынку пропало, и Серега пошел обратно, к особнячку.

У входа в дом стоял капитан. Он приподнял брови и протянул руку. Серый снял часы и положил на протянутую ладонь.

— Спасибо! У меня теперь свои есть.

Капитан сделал "большие, удивленные глаза". Серый вздохнул, достал нож и положил туда же.

— Отлично! Завтра в 9.45 снова идем на рынок. Завтрак в 9.00. А сейчас- свободен. Быть на территории.

— Рынок — обязательно?

— Обязательно.

Вчерашний день повторился почти до точности. Самостоятельный подъем, зарядка, завтрак, поход на рынок...

«Вот мне кажется или меня реально используют в роли живца?» — думал, бродя между торговками Серега.

— Эй, служивый, закурить найдется? — с улыбкой спросил Серегу парень чуть постарше, но по комплекции и росту такой же.

— Не... Бросил. — Серега, тяжело вздохнул — очередная проверка.

— Я тебя здесь раньше не видел. В каком полку сыном? — поинтересовался парень.

— Да я не здешний, проездом — часть догоняю, отстал.

— Э... Да тебе жить — то есть где? — парень немного подумал. — Слушай, а пойдём к нам, у меня дядька мировой, пустит переночевать, отдохнешь... За «сидор» свой не беспокойся, не тронем.

— Не-е. Я на вокзале перекантуюсь, вдруг какой эшелон подвернется.

— Да ладно, что ты как не родной! От чистого сердца предлагаю! Давай так, я тебе покажу, где живем, а ты, если надо будет придешь. По рукам?

— По рукам! Пошли, показывай.

Серезка немного расслабился, но не до конца. Парень без умолку тараторил, что-то рассказывал о городке (что и где находится), хлопал по плечу. Серега оказался чуть впереди...

— «Сыч», не торопись. Стирать замучаешься! Сам все решу. — внезапно раздалось сзади.

— Опаньки... «Кукушонок»! А ты тут какими судьбами? Смотрю, прибарахлился...

Серый сперва онемел, а потом бросился навстречу:

— Никитос!!! — крепко прижал к себе. — Откуда ты здесь?

— Не трепись... — тихо произнес Никита. После этого громко. — Серый, ну ты же знаешь, я всегда рядом. погоди немного, постой здесь, будь другом, мне надо с тем пацаном переговорить.

Никита подошел к «Сычу».

— Что от пацана надо, форма, деньги, документы?

— Форма и документы — на дело...

— Дядя Лёва здесь?

— А где ему еще быть? Здесь. Ему она и нужна на меня, я на подхвате. — «Сыч» почесал ухо. — А откуда этот пацан тебя знает?

— Да я у них в части харчился. Правда не долго, потом в тыл отослали, только паровоз не доехал... Слушай. Завтра, как уговорено, принесу тебе его форму в лучшем виде.

— Может сейчас? Верняк! Нас двое!

— А разодранную гимнастерку и обделанные его штаны сам чинить — стирать будешь и потом сушить 2 дня? На ночевку приглашал?

— Приглашал... Но он отказался. Вот и решил... не ждать.

— А у меня он ее еще и аккуратно сложит! Все для тебя, «Сыч»! Завтра в 10 на базаре! — Никита протянул руку. Пожали.

— Пока! До завтра! — ответил «Сыч». А для Сереги добавил, ухмыльнувшись. — Бывай служивый! Не захотел ко мне в гости... Видать, больше не увидимся.

— Никита! Я думал — ты в отряде. Меня же ранило и отправили на Большую землю. Потом стал сыном полка... — всю дорогу до особнячка сумбурно Серый делился пережитым.

У особнячка их никто не встретил, что стало неожиданностью для Сереги.

— Странно... Никого нет. Ничего, сейчас явятся, не заплячутся! Я их знаю. — зашли в Серезкину комнатку.

— Хорошо ты устроился! Серый, а то они такие? Ты в них уверен?

— Уверен по полной — документы показывали. Я у них живу, как барин. — что из СМЕРШа, говорить не стал, Серега вспомнил, что предупреждали. — Капитан Стрижов старлей Иванчук, лейтенант Блаженко и «родной отец» сержант Волков.

— Лейтенант со шрамом над правой бровью, а у сержанта крупный прыщик на левой ноздре?

— А ты откуда знаешь? Есть такое у них!

Вспомнишь черта, так он тут же появится...

— Серега, ты кого привел? Блохастый, небось!

— Дядь Сев (сержант разрешил себя так звать), друг мой — вместе партизанили! Вот такой парень! Наград, больше чем у меня!

— Ну-ну... точно не блохастый? Сколько дней по полям лесам мотался? Может помывку организовать?

— Дядь Сев, хоть блохастый, хоть не блохастый — если баньку истопите — не откажусь с дороги, — понял тонкий намек Никитка.

— Баню ему, барину, подавай! Обойдешься теплой водой! Серега, иди воду тащи, греть буду! Что чистое надеть есть? Нету? Опять дяде Севе свое добро раздавать пришлось бы! Нет... Я твое добро раздам — вчера на тебя, по размеру, 2 комплекта обмундирования Блаженко принес. И одни сапоги 41 размера. «Блохастый», подойдет?

— Какой вопрос! Я привык мокрое после стирки, на себя одевать, а тут — чистое — сухое! Спасибо, дяденька!

— Дядь Сев, а можно и на меня водички тепленькой нагреть?

— Что, холодно колодезной водой, с утреча, после твоей зарядки, обливаться?

— Я вы откуда знаете? Подсматриваете, что ли?

— Подслушиваю ... и приглядываю... Только ты орешь так, после обливания, что только дрова не поймут, что ты делаешь.

Серый и Никитка накололи дров, натаскали воды, нагрели ее. Серый принес 2 комплекта новой формы с новым бельем и новые сапоги («жаба», чуток поддушила — сапоги ведь ему предназначались).

... Помылись. Никита взял с лавки тряпочку, которую зачем-то брал с собой на помывку. Серега решил, что Никитка хотел ее использовать вместо мочалки, но мочалка была. Ребята вышли из моечной в раздевалку...

В раздевалке сидел капитан и поигрывал дамским Браунингом M1906, рядом лежали два ножа и бумаги. У двери стоял сержант.

— Вот скажи мне, Корнев Никита — согласно справке из школы, откуда у мальчика 14 лет. Такие интересные игрушки?

— Одеться можно?

— Успеете, оба. И откуда, у младшего сержанта Партизанова Сергея, в друзьях агент «Абверкоманды — 203» по кличке «Кукушонок»?

Серега стоял ни жив — ни мертв, ничего не понимая.

— А с чего это вы решили, что Корнев Никита, какой-то там агент? Сами вы, кто будете?

— Сержант, тебе не кажется, что мальчик ведет себя не стандартно? Подойди, покажи ему «бамажку».

Никита посмотрел на удостоверение.

— А Ваше?

Капитан не стал возмущаться, встал с лавки, где лежали вещи, достал из левого кармана удостоверение, на вытянутой руке, на несколько секунд, задержал перед глазами Никиты.

— Доволен?

— Теперь доволен...

Серега крутил головой с Никиты на капитана Стрижова, ничего не понимая.

— Ножичками, смотрю, балуешься? Правое плечо развито чуть лучше левого. Хороший ножичек... — Стрижов взял в руки нож, положив Браунинг на лавку.

— Балуюсь... А куда надо попасть?

— А вот сюда, — Стрижом метнул нож в правую стенку от ребят.

Никита, от низа живота, резко дернул рукой с тряпкой в сторону. Тряпка еще не опустилась на пол, как рядом с первым ножом воткнулся второй.

— А теперь можно одеться?

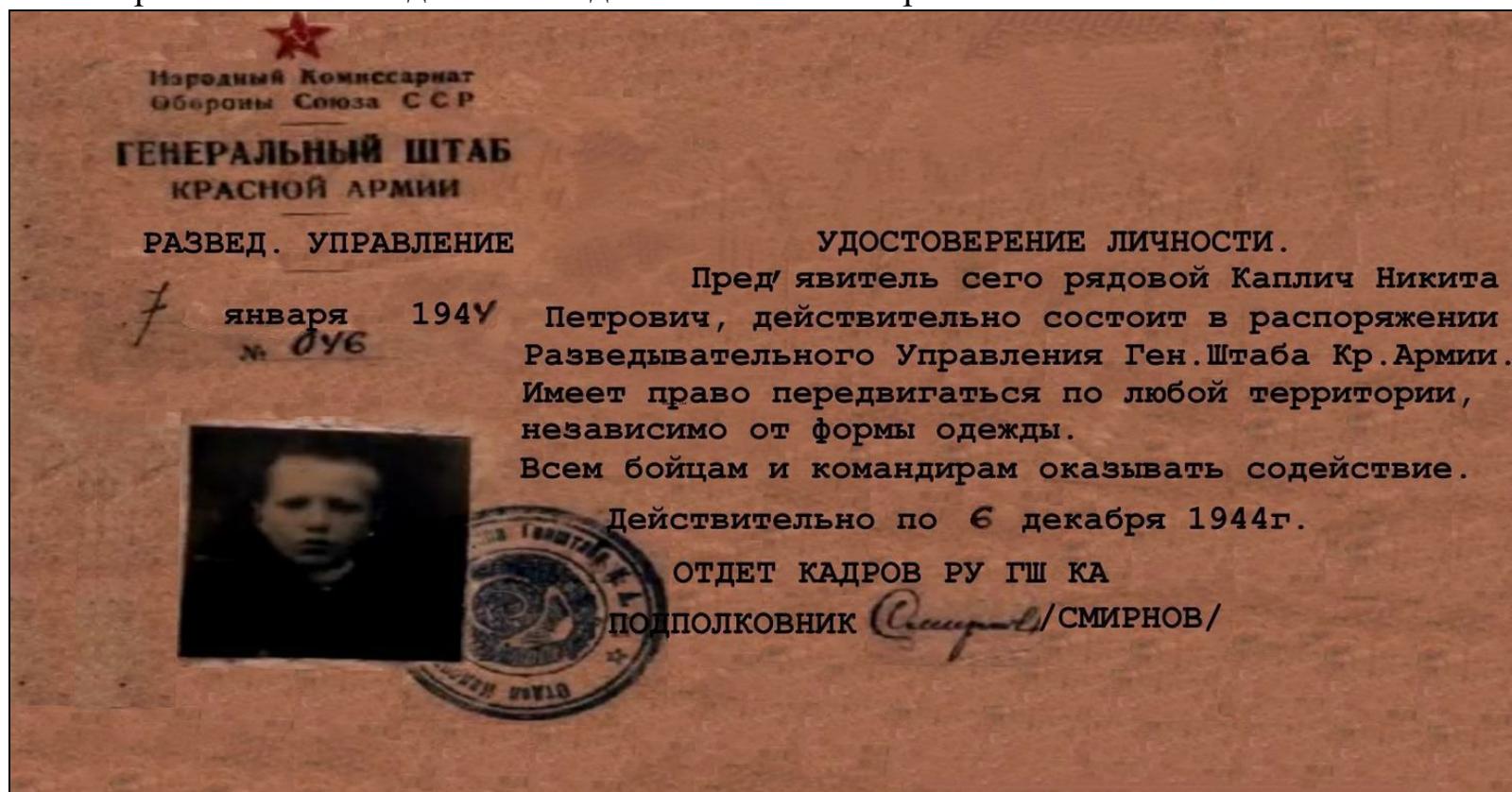
— Теперь ... можно. — почесал подбородок капитан.

В комнатке — кабинете находились четверо. За столом сидел капитан, напротив него — Серега и Никита, у выхода дежурил сержант.

— Ну, рассказывай, «Кукушонок»...

— Сперва, возьмите со стола мою книгу: Генкин «Восстание на броненосце «Потемкин Таврический». На задней обложке — присмотритесь... Увидели? Аккуратно, ножичком, пожалуйста...

— Где ж ты такую достал? 1925 год. К 20-тилетию восстания! Раритет — тираж 5.000! — капитан вытащил из тайничка бумагу. — Волков! Это оказывается, наш «коллега»! Не поверишь — ГРУ. Подписано подполковником Смирновым!

— Вот они, теперешние мальчишки. Я не удивлюсь, что и младший сержант, не просто Сережка Партизанов. А тебе точно был нужен майор Смирнов, а не подполковник?

— Майор, фронтовая разведка... — раскололся Серега.

— Ну, давай, рассказывай, что можно, генштабист...

— Как я понял, мы работаем по одному делу: по «Абверкоманде -203» или операции «С-1»... Серый. Я тебе потом поясню... Нам надо взять, активно работающего на немцев «Сыча» (все остальные ребята уже сдались) и куратора — Дядю Лёву, который скорее всего — Краузе.

— Вот скажи мне, — поинтересовался Стризов. — Зачем ты брал нож, когда шел мыться?

— Идея с помывкой — здоровская, я чуть не попался. Как вы и просчитали, я с собой,

при Сереге, оружие не взял. Одежду — вещи: улики — шифровки, зашитые в одежду, — документы — возможный яд в воротнике, тоже сам вам на блюдечке отдал. Я сержанта и лейтенанта на рынке заметил, как они Серегу вели. Решил перестраховаться. Вас не заметил... А вот скажите мне, если бы я не открылся, «Сыч» бы Серого зарезал. Вы что сделали бы так, чтоб Серегу убили?

— Так уж и чуть не попался? А за Серегу зря беспокоился: из снайперки с «Брамитом» все контролировали. Только бы хлопок раздался бы и все — повязали бы подстреленного «Сыча». Только, думаю, где живет Краузе и когда он придет, «Сыч» не сказал бы, он просто этого не знает.

— Ладно, завтра — посмотрим. Грязную форму Серого не стирайте, мне ее надо «Сычу» отнести. Думаю, старлей и лейтенант — пасут «Сыча»?

— Догадался?

— Так ваша группа 4 человека — Серый рассказал, сложил два плюс два.

— Что собираешься делать с «Сычом»?

— А делать будем вот что...

На Восток.

Дед Иван, скрипя сердцем, отпустил Илюху в новолуние, 4 апреля 1943 года. Днем и ночью уже стояли плюсовые температуры. Но не это беспокоили деда Ивана: он то видел, что Илья холода не боится — бегаёт и делает работу по двору с обнаженным торсом (как говорил мальчишка: «Форма раз — трусы, противогаз!») Когда увидел, как еле передвигающийся малец, в таком виде, в феврале вылез на улицу и стал обтираться снегом, деда, чуть «кондратий не хватил». Мальчишка быстро креп, заживало на нем все, как на собаке.

Есть было что — охотились, ставили силки, живность была, бульба, мука... немцы к нему не добрались. Да и как к нему доберешься, леса дремучие да болота кругом... Иногда только приходили люди за помощью, но в таких случаях, Илья старался «не отсвечивать».

Илья спрашивал у женщины, что его привезла на санках для хвороста, тети Матрены, искал ли его кто-либо? Оказалось, что никто не искал. Значит, решил Илюха, группа партизан, что его спасла, погибла. Его описание известно фашистам и полицаям — в Барановичи возвращаться опасно...

Вот и деда волновало, куда пойдет мальчишка. А мальчишка сразу заявил, что ему надо на восток — в Полесье. А чтобы попасть в Полесье, парню надо перейти через серьезную охраняемую трассу Барановичи — Ганцевичи — Лунинец. Кратчайшая дорога была через Ганцевичи, но мальчишка, хоть и говорил, что ему 13, но выглядел старше, а с 14 лет нужен — аусвайс или сразу загребут, как партизана или просто угонят на работы в Германию.

Дед сам довел Илью до старой просеки, что шла небольшой дугой через весь лес и выходила к дороге чуть севернее местечка под названием Полонь. Хоть мальчишка и был, по меркам деда Ивана «городским», но ориентировался в лесу не плохо, кое-чему его и дед подучил, так что, старик не волновался, что Илюха заблудится.

— Ну, с Богом, Илюша! И дай Бог — увидимся! — дед перекрестил мальчишку. — Постой! Не спеши. Не хотел тебе давать... но — надо!

Дед достал из кармана тулупчика наган.

— Держи, тебе пригодится... Вот еще восемь патронов, больше нет... — дед Иван развернулся и пошел не оглядываясь.

«Ух ты! Императорский тульский оружейный завод! Поручику Ивану Стрельникову за отличную стрельбу. Именной. Ай да дед...»

— Деда! Жив буду — верну! — крикнул Илья. Дед, не оборачиваясь, поднял и опустил правую руку.

До дороги Илюха дошел за 2 часа — 6–7 км, не торопился, осторожничал и, как говорится: «И никого не встретил».

А вот дальше начиналось «интересное». Дорога, с двух сторон — до леса, метров по 50. Движение, достаточно активное, могут быть засады — пулеметные гнезда. Днем — не пойдешь. Да и ночью — страшно, Илюха помнил по фильмам и книгам, что фрицы минировали подходы к важным дорогам. Вот эта дорога важная или нет?

Наступила непроглядная ночь — новолуние ведь. Илюха рискнул — каждое мгновение думал о минах. Видать, повезло, или на этом участке их не было — юркнул в лес на другой

стороне.

Правее, по рассказам деда. Должно быть селение Полонь начнется самое интересное, от соединения двух рек — Выдренка и Цна прямо на восток должна вести тропа — вырубка, только вот она по пути пересекалась отводными каналами. Не глубокими, но их было семь или восемь. Но, это апрель и разлив речушек... дед посоветовал дойти восточного края леса, на той стороне дороги, пойти на юг — обойти Полонь с востока, а там будет мост, а дальше иди по дороге — если повезет. До моста Илюха добрался почти к рассвету. У мостка горел костер, ходили вооруженные люди — явно не партизаны. Илья решил переждать, осмотреться, чуть углубился в лес, нарезал лапника, постелил его под соседней густой елочкой и прилег. Из полудремы его вывел гул автомобиля и крики на русском и немецком. Илюха всматривался в ту сторону. Немцы и полицаи в лес не пошли.

«А, была — не была! Надо глянуть, что там происходит.» — решил Илья.

Как понял Илья, вся эта местность была «зачищена» от партизан, и немцы с полицаями совсем не боялись, что в 30 метрах от моста лес.

Между мостом и лесом, стояла виселица. У виселицы стояли 12 немцем, 5 полицаев и пятеро связанных пленных, видимо, партизан или помогавшие партизанам.

Четверо взрослых и мальчишка...

Илья отлично видел и слышал, что там происходило.

— Разувайтесь, — скомандовал один из полицаев. Разуваться никто не стал. Их сбили на землю... разули. Полицаи начали смотреть по размерам: кому подойдет — одни отбросили в сторону, дырявые.

— Значит так, — скомандовал, видимо, старший. — Потом поделите. Сейчас этих повесим — повисят, потом надо будет закопать, а то на посту вонять будет.

— Кабан, так пусть сами себе и выкопают ямы. Нам что ли корячиться? — возмутился один.

— Господам немцам надо повесить, сделать фотографии и ехать дальше. И ... я бы этим, лопаты в руки не дал бы. Хотя... Бурый, давай сюда «клопа»!

Бурый пинком пригнал к старшему мальчишку- партизана.

— Значит так, «клоп», сейчас будешь копать ямку... для товарищей и для себя...

Мальчишка плюнул в лицо полицаю.

— Вот ты как. Ну что ж... сам попросишь лопату яму копать!

— Раздевайте его. Пусть померзнет чулка.

Мальчишку, под гогот фрицев, раздели и привязали к столбу виселицы.

— Вы что творите, сволочи, — попытался возмутиться один из партизан, за что получил пинок в бок.

— Вяжите им ноги длинными веревками, скомандовал старший полицаи. А ты... «недоносок партизанский», будешь смотреть, что тебя ждет.

Через 5 минут партизан подвесили за ноги...

— Ну, что, будешь яму копать, «клоп», спросил полицаи, у мальчишки, которого просто «колотило» от холода и вида жуткой смерти товарищей.

— Не хочешь? Ну, как хочешь... Бурый, мы с господами немцами в поселок, ты с Сухим «клопа» подвесь, раз копать не хочет...

Немцы и три полицаи погрузились на машину и поехали в сторону Полони. Мальчишку отвязали от столба, от увиденного и от холода он упал на землю, его продолжало «колотить».

— Копать будешь? Пожил бы еще часок... — поинтересовался Кабан. — А то смотри...

Мы можем не только за ноги подвесить! Да, Сухой?

— Легко!

Мальчишка не ответил — он был в шоке. Но когда его схватили за ноги, он понял, что его ждет, закричал, попытался отбиваться. Полицаяев это развеселило.

Раздалась 2 выстрела, почти в упор. Илья не выдержал, хотел переждать чуть дольше, чтоб машина уехала как можно дальше, прежде чем начнет стрелять. Он даже просил мысленно, чтоб мальчишка согласился копать яму, но... как вышло, так вышло. Дальше счет пошел, возможно, на минуты, если немцы слышали выстрелы. Илья быстро ножом перерезал веревки на руках и ногах мальчишки, развернул к себе и пару раз хлопнул ладонью по лицу.

— Быстро, одевай штаны, телогрейку, сапоги — остальное хватай в руки и за мной, на ту сторону моста.

Пока парнишка одевался, Илья обшарил полицаяев, забрал документы. 3 гранаты, патроны, СВТ- 40 и карабин Маузера.

Мосток был хлипкий, перебежав через него, Илья на чуток задержался... Спросил у мальчишки:

— Ты местный? Куда бежать дальше знаешь?

— Знаю, — закивал мальчишка. Сейчас 400 метров по дороге, а потом вправо еще столько же, брод через реку и будет наш лес.

— Отлично. — Илья связал вместе три гранаты — «толкушки», свернул колпак. — «Потяни за веревочку, дверь и откроется!»

Илья бросил под мост связку. Мальчишка хотел плюхнуться на землю, но Илья удержал его за шкуру:

— Бегом! Два, три, четыре, пять — ложись!

Через секунду рвануло. Если бы Илья бросил гранату сверху, в полотне моста была бы дыра. Он бросил под мост, часть моста вздыбилось: машина не должна теперь проехать. Все, как папа учил.

— Вставай. На карабин. Давай бегом!

Добежали до реки, к броду.

— Глубоко? — спросил Илюха.

— Летом по колено, сейчас по пояс.

— Бегом раздеваться! По пояс.

Переправились. Оделись.

— Э... послушай, как тебя зовут?

— Илья.

— А Фамилия?

— А ключи от квартиры не дать?

— Чего?

А зачем тебе моя фамилия? Зови просто — Илья. Или «Боцман», — вспомнилось прошлое прозвище.

— Слушай, Илья, пожалуйста, не рассказывай никому, что я... обоссался от страха... А? Пожалуйста...

— Ты совсем дурной? Я с полными штанами ходил и не волнуюсь. Ты помнишь, что тебя ждало?

— Помню... — мальчишку снова стало «колотить».

— Короче! Звать тебя как?

— Егор... Суриков.

— Значит так, Егор. Тебя хотели казнить, не успели. Остальных казнили. Нам с тобой — повезло. Мы отбились. Добыли оружие и документы. И штаны у тебя сухие! Вопрось есть?

— Не-е-е-т...

— Тогда веди. Я не знаю куда идти...

Егор вывел Илью на партизанский секрет. Партизаны уже знали, что группа подрывников попала в засаду, а вместе с ними шел и связной — Егорка, а тут ... один возвращается, да еще и не один!

Один из секрета пошел проводить ребят до лагеря.

В лагере ребят покормили и их тут же вызвали в землянку к командиру отряда. СВТ и наган у него забрали. Сказали — на время.

В землянке ребят ждали три человека.

— Ну здравствуй, юноша, как тебя звать — величать, откуда? Как здесь оказался? Что интересного расскажешь? — спросил один из партизан, сидевших в штабной землянке.

— Звать Илья, прозвище «Боцман». С той стороны шоссе пришел. Иду на восток.

— Давай, так Илья... ты, пока, погуляешь, недалеко от землянки, мы пока с Егоркой побеседуем. А потом и тебя позовем.

— Хорошо, — Илья вышел из землянки, а про себя подумал: «Проверочка... И это хорошо!».

Илья посидел на пенечке, рядом со штабной землянкой, под присмотром одного бойца.

Через 20 минут позвали Илью.

— Давай, теперь ты рассказывай...

— А что рассказывать? Иду на восток.

— То есть не к нам шел? — удивился один из партизан. — Ты посмотри, что творится, Викторovich! Обычно, как малец «пукалку» найдет — бежит и требует принять в партизаны. А этот — не хочет.

— Мне на восток надо, желательно в Курск... или Орел.

— А? Вот что ему сказать? А, Викторovich?

— А вы кто будете? — поинтересовался Илюха.

— Я — командир отряда, это начштаба, это комиссар. Еще вопросы?

— Понятно.

— Егор сказал, что ты его спас. Почему других не спас?

— Там было 17 фрицев. Я один и 14 патронов. Пришлось ждать, когда останутся двое.

— Стрелял из нагана?

— Да.

— Вот этого? Кто дал?

— Дед дал...

— Какой дед?

— Просто дед.

— Пока поживи в отряде, а мы подумаем, что с тобой делать.

— Хорошо, только наган верните, я деду вернуть обещал...

Егор повел Илью в другую землянку:

— Вот здесь будем жить...

Показал, где что находится.

Утром Илья проснулся по обычаю, на зарядку. Несмотря на раннее утро, жизнь в лагере уже кипела: кашеварили, возвращались группы с заданий, сменялись секреты и караулы.

— Василек! Как сегодня? Успешно? — поинтересовался один из партизан у парнишки лет 15-ти.

Василь Коробко

— Да сегодня еще один эшелон под откос пустили! У нас без потерь!

— Красавчики!

Илья отошел от лагеря метров на 100, в сторону родника. Местности Илюха не знал, поэтому решил обойтись силовой зарядкой — умылся и обтерся родниковой водой по пояс.

Вернулся в лагерь. Проснулся Егор, их, на пару, отправили рубить дрова. Илюха спросил про парнишку подрывника.

— Это известный подрывник. Василь Коробко. Он тут таких дел натворил... Когда его фрицы заставили к партизанскому отряду вести, он их на засаду полицаев вывел: они друг друга и постреляли, а Василек — убежал. С подрывниками уже 4 эшелона взорвал! А я... — Егор «скис». — А я, с группой шел на задание, и попался... Идем, а они, как из-под земли, командир группы потом сказал, что это егеря были. Четверых, кто пытался за оружие схватиться, застрелили, а я... как услышал крики, будто окаменел... Да и оружия у меня не было... А потом привезли в Полонь, а оттуда сразу вешать ... даже не допрашивали.

— Радуйся, что не допрашивали.

— Почему, радоваться?

— Что не допрашивали.

— А тебя допрашивали?

Илюха промолчал, только так посмотрел на Егора, что у того отпало всякое желание спрашивать.

Помолчали... А Егор будто решил открыться...

— Из нашей семьи я один остался... Мы сразу в лес не ушли, не думали, что так будет... В октябре 1942-го мы с батькой и старшим братом Колькой на току работали, когда в деревню немцы приехали. Неожиданно к нам на ток зашел немецкий солдат и велел, как мы поняли, идти за ним. Нас повели через деревню, привели в крайнюю хату, там уже были старики, ребята, как Колька, лет по 16, дядька один — дурачок, короче — мужики. Я сидел около самого окна и смотрел в окно. Вижу, немецкие солдаты гонят еще большую толпу народа. Я обрадовался, думал к нам, там была мама и младший брат, Петька... А еще там были тетя Таня и её ребята — Саша и Тоня. Петьке 9 лет было, а эти еще младше... Их загнали в другую хату.

Немного погодя, входят три немца с автоматами, и четвертый полицай — держит наган в руках. Нам приказали выйти в другую комнату. Поставили к стенке всех, и батьку, и брата, и меня... Я стоял около самой стенки, батька меня за себя поставил, да и маленький я... начали из автоматов стрелять по нас.

После первого выстрела я упал на пол и лежал не шевелясь. Потом потерял сознание. Я очнулся, чую, кто-то переворачивает, гляжу — батька, бок в крови, невдалеке от меня лежит брат Колька, он ничком лежал, вся спина в крови — мертвый был...

Я говорю: «Батька... Ты живой? А Колька?» Я весь в кровище, хочу встать, а не могу. А батька мне плечо тряпкой перевязывает и говорит: «Не бойся, сыночек, я тебя не оставлю, как-нибудь уйдем. Коле уже не помочь... А тебя я вынесу отсюда».

Потом каратели подожгли дом, в котором мы лежали. Когда стало много дыма, батька осторожно открыл окно, почти выбросил меня из хаты и выпрыгнул сам. Нам повезло, немцы эту сторону не видели, видать думали, что мы все убитые. Мы стали ползти от дома, осторожно, чтобы не заметили немецкие солдаты. Но на нашем пути стояла высокий плетень, мы не сумели его раздвинуть, а перелезть его ни я, ни батька не могли. Батька начал ломать его. Когда он уже пробил внизу небольшой пролом, нас заметили фрицы и начали стрелять. Батька сказал, чтоб я притаился в канаве у плетня, а сам побежал... Ну, как побежал — у него с Гражданской колено не гнулось... да еще и ранен был... Убили его... Потом началась стрельба у второго дома, закричали люди, потом все затихло, только трещали горящие дома...

Вечером пришли партизаны, подобрали меня и еще одного мальчишку — Ваньку, он из Ленинграда в гости приезжал, на лето... Он и рассказал, что было во втором доме. Фрицы сказали, что это за то, что деревня помогает партизанам. И стали стрелять через открытую дверь и через окна. Когда крики утихли — подожгли дом. Некоторые мальчишки выпрыгивали из окон, у кого силы были, выпрыгнул и Ванька, только далеко не убежал — подстрелили в спину — ранили, не добились... а братик мой, младший, живой в горящем доме остался. Когда Ванька из хаты выпрыгивал, то видел, что мой Петька сидел под столом, зажавши ручонками уши...

Илья подошел к Егору, обхватил его рукой за шею, прижался своим лбом к его лбу:

— Прости Егор, я козел, только о своей беде думаю, совсем не думаю о том, что у других не лучше. Я два раза уже к фрицам попадал... Давай, я не буду рассказывать, только покажу, а ты сам решишь повезло тебе, что не допрашивали или нет... Пожалуйста, другим не рассказывай. — Илюха отстранился и скинул через голову рубаху, оставит ее на руках... Секунд через десять опять накинул рубаху.

— А я обоссался, глядя, как у наших кровь из ушей и носа текла... Илюха, я бы все рассказал, я бы не выдержал.

— Егор, ты просто себя не знаешь... Все! Дрова рубим...

Через 3 часа, сразу после колки дров, Илья заметил странное изменение отношения

партизан к нему. Сперва Илюхе вернули СВТ и наган. Потом подходили партизаны, хлопали по плечу, жали руку, говорили, что молодец. Женщины здоровались, но в глазах у них была жалость, а не любопытство. Даже каши ему выдали больше, чем остальным.

Через несколько дней, вечером, Илью вызвали к командиру отряда.

— Что делать думаешь дальше, Илья?

— Я же говорил, товарищ командир, мне надо на восток, за линию фронта.

— Остаться не хочешь?

— Нет. Мне надо.

— Подскажи, а тебя, случайно, не Миша звать? А брат у тебя в Бресте в полиции не служит?

«Попадос!» — подумал Илюха, но в слух ничего не сказал, промолчал.

— Молчишь? А зря... Валерий Дмитриевич был рад, когда узнал, что ты у нас. Провокатор был у вас в подполье, ему чудом удалось уйти. А вот друг твой, Лешка, погиб...

Илья, встал с лежанки, на которой сидел, развернулся к командиру отряда спиной и, как бы, закаменел.

Партизанский командир подошел к Илье, двумя руками взял за плечи, сжал, отпустил.

— Ты тут побудь, я через 15 минут вернусь...

Илья стоял лицом к стене и из его глаз просто лились слезы... Он не всхлипывал, не вздрагивал — просто лились слезы.

Через некоторое время, в штабную землянку зашли командир и комиссар. Илья уже вытер слезы и сидел на лежанке, ждал продолжения разговора.

Командир взглянул на Илью...

— Вот комиссар, знакомься, кто к нам пришел и не признается: Миша Синевич, за которого фашисты 1000 марок дают!

— Да ладно! Точно он? Так он же погиб? ... Уцелел? Тогда понятно откуда... — удивился комиссар.

— Точно, сегодня из Барановичей весточку передали. Настоящее имя — Илья, а вот фамилию его никто толком не знает... Скажешь фамилию?

— Обязательно?

— Ты нам что, не доверяешь?

— Ну... Фролов.

— К награде тебя хотели представить, а фамилию никто не знает. Фамилия — то, настоящая? Или как у «Миши»?

Илюха пожал плечами и немного поджал губы.

— Вот как такого наградишь? Ни имени, ни фамилии, ни отчества точно не знаем! — возмутился комиссар. — А как уцелел? Расскажешь?

Мальчишка опять пожал плечами и немного поджал губы.

— Я и не помню почти ничего... Знаю только, что меня какая-то группа партизан отбила. Только они все, видимо, погибли... Перед этим — отдали меня женщине, женщина привезла к деду — знахарю. Деда и вылечил.

— Очень уж ты под описание брата полица на 1000 марок подходил, а тут еще Светка прибежала — страсти рассказала... Вот мы и решили, сделать запросы о тебе — проверили.

— Какие — «страсти»? — не понял Илюха.

— Ты у родника умывался?

— Да. Каждый день так делаю...

— Только ты умываешься — по пояс. Ты свою спину видел? А когда дрова рубил — рубаху снимал?

Теперь Илья понял, эти жалостливые взгляды женщин и сочувствие в глазах мужчин. Если на груди и ногах остались шрамы и рубцы от плети и не только, то на спине их могло быть и больше. Дед не говорил... надо как-то сделать так, чтоб не видели его отметин, а то достанут жалостью.

— Значится так. Слушай меня. К нам послезавтра прилетит самолет — есть возможность отправить тебя на большую землю. Не побоишься? Летал на самолете?

— На У-2 или ЛИ? На ЛИ довелось, на У — не приходилось.

— Ты вот глянь, комиссар, на Ли уже летал, удивления, радости — ни в одном глазу! Хотя... чем его удивишь: в аду побывал и живым вернулся.

«Уже 2 раза в аду», — подумал Илюха.

— Илья, — попросил комиссар. — А ты можешь поговорить с одним парнишкой... Он чудом вырвался из лап фашистов... короче, два немца, которые коммунисты, его записали в умершие и вывезли — спасли. Только его парализовало, ни с кем не говорит, жить не хочет... Поговори с ним, пожалуйста, тебе же тоже — досталось по полной... Просто, поговори...

Партизанский лазарет... Землянки.

— О! Молодые, здоровые, что приключилось, зачем пожаловали? — встретила их дородная женщина.

— Здоровья, Татьяна Ивановна, не больные мы и не раненые. Проведать Колю пришли, — ответил сопровождавший Илью молодой партизан.

— Что его проведывать, — сразу посерьезнела главный врач отряда, Татьяна Ивановна. — Молчит, ничего не хочет, поим — кормим через силу. 3 месяца уже... Пойдемте, покажу: землянка с тяжелыми.

— Коля, к тебе гости! — негромко сказала Татьяна Ивановна мальчику, который лежал на ближних к выходу деревянных нарах. Мальчишка, как смотрел в потолок, так и остался смотреть... Врач и молодой партизан вышли, оставив Илью и Колю, практически наедине.

Илья даже не знал, с чего начать...

— Лежишь? И я три месяца назад так же лежал...

Мальчишка часто — часто заморгал, у него потекли слезы... Илья испугался, что чем-то обидел Колю.

— Коль, правда, не вру, не издеваюсь, я правда 3 месяца назад не жилец был, дед — знахарь на ноги поднял.

Мальчишка чуть повернул голову в сторону Ильи.

Илья сел на нары рядом с Колей, чтоб тому было удобнее смотреть и слушать. Илья, не торопясь, с трудом, рассказывал, что с ним происходило с 21-го июня 1941 года (ему очень не хотелось все это вспоминать).

— Пить, — попросил мальчишка. Оказалось, что Илью слушал не только Коля, в глубине замлянки сидела молоденькая девушка — медсестричка, которая ухаживала за ранеными. Она напоила Колю. Повернулась к Илье, и глазами и кивками просигналила, чтоб Илья продолжал, что парня вывел из ступора.

— Эти гады думают, что я и ты умерли. А нам еще отомстить надо, за себя, за ребят, за друзей...

— Отомстить... — произнес мальчишка. Плотину безразличия прорвало. — Трое нас было. Я, Толя и Вася. Нас просили только посмотреть, где у фрицев склад, но мы не удержались — решили сами взорвать. Заминировали, только нас заметили. Толю часовой застрелил, сразу — наповал. Меня и Васю собаки догнали, потом немцы набежали. Тут склад взорвался...

Коля улыбнулся, немного помолчал. Илья не торопил. Понимал, что тяжело вспоминать пережитое.

— Сначала просто били по-всякому. Васька и говорит, что не хочу от пыток умирать, лучше от пули. Он согласился вести фашистов к отряду, что с ним стало — не знаю. А меня били... Выбили зубы, стал плохо слышать, из ушей шла кровь... Сперва с меня стаскивали одежду и раздетого выталкивали на мороз. К виселице, во двор гестапо. Им показалось этого мало, потом еще стали обливать ледяной водой. Не знаю сколько это было по времени, мне показалось — долго. Охрана успевала выкурить по две три сигареты. Но я ничего не сказал. Потом, через некоторое время, повели вешать. Казнили во дворе гестапо, я был последним среди обреченных, еле шел — ноги, ступни отморозил. Всех повесили... Я — последний... У меня не выбили табурет из-под ног, а приподняли меня, и медленно опустили... Петля затягивается, нечем дышать... Это сволочи смеются, что-то там говорят... очнулся на настиле под виселицей — веревку перерезали... Снова пытки — спички под ногти, резиновые палки... И снова повели вешать... На третий раз я стал таким — слушается только голова. Как здесь оказался — не знаю. Хотелось просто умереть... А ты правда был как я?

Внезапно, рядом с партизанским лазаретом началась стрельба.

— Кто может держать в руках оружие, ложись в оборону. Гитлеровцы в лагере, — громко и спокойно скомандовала Татьяна Ивановна. Из землянки с тяжелоранеными выбежал Илюха с СВТ и девушка — медсестра с винтовкой Мосина, к ним присоединился боец с забинтованной левой рукой, видимо, из легкораненых, с ППШ, и почти сразу залегли, было уже видно передвигающихся между деревьев карателей. Начался скоротечный бой... Боец с ППШ затих — пуля попала в голову...

— Уррра! — донеслось справа от лазарета. Каратели стали отходить отстреливаясь. Только тогда Илюха заметил, что рядом с погибшим автоматчиком лежит Колька, он сумел выползти из землянки, дополз до погибшего автоматчика и вцепился не слушающимися руками в гранату.

— Все что могу сказать — стресс, желание бороться и не попасть снова к фашистам, — только этим могу объяснить, что мальчик снова стал двигаться. — Это просто чудо! Он же не реагировал на болевые факторы... Совсем!

— До встречи в Берлине! — на прощание Илья пожал слабую ладошку Коли. — А ты жить не хотел, мы еще повоюем!

На юг.

Прилетели удачно. «У-2» — «небесный тихоход» (и ночной бомбардировщик), ни зениток, ни фашистских истребителей, ночь — защитница, помогла. А вот дальше началась котовасия: прилетел паренек на самолете. Зачем? Куда? Для чего? Ни документов, ни ответа, ни приветов, только справка, что Федоров Илья Александрович, боец партизанского отряда «За Родину»... Ни фото, ни печатки.

Когда мальчишка заявил, что ему надо в Крым, народ сперва опешил, потом вспомнил, что парень с оккупированной территории и мог не знать, что Севастополь фашисты взяли. Стали предлагать варианты — детский дом, устроить на завод или отправить на учебу на Соловки — в Школу юнгов (так как парнишка — крепкий, хоть и говорит, что «было 13, а теперь 14 лет, наверное» — контуженный был?).

Паренек выбрал детский дом...

Илюха очень хотел в Школу юнгов, на Соловки, но понимал, что если туда попадет, то будет сидеть за партией и учиться — не сбежишь. Скрипя сердцем, выбрал детский дом, чем многих удивил. Дальше началось мытарство: в первый же день уход (просто, в наглуемую, ушел, даже постричь не успели) из детского дома, беспризорничество, салочки от милиции, которая пыталась его задержать (даже утренние пробежки не нужны — всегда в тонусе). Одна радость — скоро май.

В конце апреля повезло. Илюха подошел к одному воинскому эшелону. Солдатской кашей пахло так вкусно, что у Илюхи закружилась голова и сами собой потекли слюны. Кто ни разу не голодал, тот не поймет. Солдаты заметили голодный взгляд паренька, вроде бы крепкого, но лицо у него — совсем детское. Недолго думая, позвали мальчишку к себе, дали котелок с кашей.

— Дяденьки, возьмите меня с собой! — попросился Илья.

— Да куда ж мы тебя возьмем? А твои где? Мамка, батька?

— Нет у меня здесь никого. Один я. Мне на юг надо, к Черному морю...

— Вот это у тебя и запросы, братец, я думал к нам, сыном полка хочешь...

— Хочу, но надо мне в Севастополь...

Тут подошел старший лейтенант.

— Взводные, ко мне! Через 2 часа отправка. Что за малец? Покормили? Хорошо, пусть домой идет.

— Товарищ старший лейтенант, может с собой возьмем, нет у него никого... — попросил старшина.

— Скольких таких, бегунов, уже отправили? Все думают, что без них не справятся. Шитов, поддержи парня, пока патруль придет, — дал команду ефрейтору старлей, а дальше случилось неслыханное...

Здоровый мужик взял мальчишку за запястье правой руки, мальчишка сделал какое-то неуловимое движение, и дядька с вскриком плюхнулся перед шкетом на колени, упираясь левой о землю и боясь шевельнуть правой. Мальчишка отпустил руку ефрейтора, попробовал сбежать, старший лейтенант успел схватить за рубаху — она разорвалась, но затормозила движение мальчишки, его тут же прихватили несколько солдат. Развернули лицом к

старшему лейтенанту.

— Ну, и что это сейчас было? — грозно, но с ноткой удивления произнес старлей.

— Товарищ старший лейтенант... — обратился старшина. Подошел к нему ближе и тихо что-то сказал.

— Повернись! — потребовал офицер у Илюхи.

Илюха повернулся.

Офицера перекосило, он заскрежетал зубами, схватился за голову, закрыл руками глаза, убрал ладони от глаз, стал лихорадочно сжимать и разжимать кулаки... некоторые солдаты просто плакали.

Старлей сделал 2 шага к Илюхе, развернул к себе, обнял.

— Прости, братишка (старлею было от силы 25 лет). Прошу тебя, выполни мою просьбу. Я не обещаю, что возьмем с собой на фронт, не мне решать, но все что смогу — сделаю.

Минут десять они беседовали в сторонке, потом, где-то час старлей отсутствовал, через полчаса было назначено общее построение батальона.

Перед строем батальона стоял командир батальона капитан Федотов, четверо офицеров и Илья.

— Товарищи! Сегодня мы отправляемся на фронт! Многие из вас, уже видели, что творят немецко — фашистские захватчики и их прихвостни на нашей земле. Но у нас много новобранцев... Сейчас вы увидите, что будет с вашими детьми, младшими братьями, сестрами, если мы не раздавим фашистскую гадину! Илья, пожалуйста, если можно... — попросил Федотов.

Илья сделал три шага вперед, рывком снял через голову рубаху, повернулся спиной...

Оказалось, что это один из батальонов 129 стрелковой дивизии. Едут они под Орел. Лето 1943 года — Курская дуга.

Однажды, на остановке движения эшелона, Илья подошел к капитану Федотову.

— Товарищ капитан, разрешите обратиться! — капитан кивнул. — Товарищ капитан, только не смейтесь. Примите все в серьез. 5 июля немцы пойдут в наступление под Орлом. Рано утром...

В Ельце, несмотря на все уговоры, Илюха не стал сыном полка, а отправился дальше на юг. Федотов сделал ему документ с печатью и даже фотографией, что Фролов Илья Александрович, 14 лет, воспитанник 129 СД отправлен в Сталинград к маме. Илюху приодели (сладили гимнастерку 46 размера — правда без погон, но офицерскую, с карманами, галифе, сапоги 41-го, пилотку), подкормили, подхарчили — дали продуктов на дорогу — полный вещмешок, дали деньжат. До Сталинграда добрался без проблем, а потом опять они начались — бумажка уже не работала.

Зайцем добрался до Тихорецка, там «играл в салочки» с патрулями и милицией. Пришлось идти пешком. Иногда, рядом тормозила какая-нибудь машина, его жалели и подкидывали на попутках, хоть это и строго запрещалось — брать пассажиров. Так Илюха добрался до Краснодара. Оставалось «самое интересное» — добраться до Геленджика — где базировались малые силы Новороссийской военно-морской базы Черноморского флота. В Краснодаре Илюха узнал, что добраться до Геленджика можно только через Горячий ключ, по-другому — не получится. Есть другой вариант, пешком через горы.

Илюха решил идти пешком. До Северска (станции Северной), дошел без приключений. Даже заночевать сердобольная бабулька «солдатику» помогла.

А вот в Ахтырском его, спящего, взял «за хвост» патруль — попал в комендатуру.

Дежурный по комендатуре капитан посмотрели его справку и тонко поинтересовался «в третьем лице»:

— Подскажи-ка мне... что у мальчика по географии и знает ли он где Сталинград, где его ждет мама?

— Он... знает, где Сталинград. Только вот мамы там нет. Остался старший брат. Он служит на торпедном катере, в Геленджике. Вот туда мальчик и идет... — пожав плечами, как о само собой разумеющемся, возвратит «третье лицо» Илюха.

— А почему ты решил, что тебя там примут?

Илюха посмотрел на капитана, прикинул возраст и включил «административный ресурс», которым, за время путешествия научился пользоваться безотказно:

— Товарищ капитан, если бы к Вам пришел младший брат и сказал, что отца — нет, мамы — нет..., Вы бы пошли к начальству за него похлопотать или отправили бы в детдом?

Капитан замялся.

— Так ты был сыном полка, чего не остался?

— Так понятно же — к маме отправили, думали она в Сталинграде, жива... Если решили в детдом отправлять — отправляйте. Все равно сбегу — не первый раз...

— Ладно, герой... Помогу я тебе, завтра через перевал группа пойдет, попрошу тебя взять...

— Через Эриванский пойдём?

— Вот, хорек, а не мальчишка, все знает! Через него. А сейчас перекусим и отдыхай — до утра.

Взвод морпехов шел через перевал в нечищенных сапогах. Старшина Леонтьев, сперва, категорически не хотел брать с собой мальчишку. Тогда мальчишка подловил его на слабо, как салагу.

— Товарищ старшина, вот Вы говорите, что я неподготовленный, я не справлюсь... У Вас все бойцы подготовленные?

— Конечно!

— Я тоже так думаю, потому что все они вооружены СВТ-40. Как Вы думаете, если я разберу и соберу неизвестную мне СВТ быстрее вашего бойца, кто будет считаться более подготовленным бойцом?

— Ты хочешь сказать, что сделаешь это быстрее? — удивился старшина.

— Да. Если я это сделаю быстрее — вы меня берете, если нет — говорите мне «адыю».

— Чего?

— Прощай — говорите, — пояснил Илюха.

— Хорошо, а если проиграешь, почистишь всему взводу сапоги. За задержку! Чтоб не повадно было!

— Легко!

— Ну, зубоскал, держись! Левков, покажи салаге, как разбирать «Светку»...

Мальчишка, на удивление, легко переносил дорогу. Не просил отдохнуть, хотя сам нес свою провизию. У костра заночевал без суеты и напряжения, а утром — просто удивил Леонтьева — начал делать зарядку, причем интересную зарядку.

К вечеру второго дня добрались до Геленджика. Морпехи взвода пожали Илюхе руку, пожал и старшина Леонтьев:

— Если брата не найдешь — приходи к нам: возьмем к себе!

3 дня поиска Александра Фролова, старшины 2 статьи, на торпедных катерах, на бронекатерах, остальных катерах и кораблях ничего не дали. Федоровы были, но не те... На четвертый день Илюха сидел в тенечке у комендатуры (было приказано никуда не уходить) и «ждал у моря погоды». Погода была не летняя и сегодня Геленджик не бомбили. Обычно прилетали по 5–7 раз за день, а сегодня — праздник.

Мимо Илюхи в комендатуру прошли двое: старший лейтенант и главный старшина.

— Мы не торопимся, Андрей Андреевич, сейчас Ваньку заберу, и мы Вас подождем — Вы не торопитесь. Вместе пойдем — веселее.

— Принял. Понял.

Они зашли в комендатуру. Через несколько минут оттуда появился юнга — мальчишка, по телосложению чуток помельче Ильи.

«Интересно, когда он успел проскочить? Целое утро кукую...», — подумал Илья.

— Эй, зеленый! Ты тут главстаршину не видел?

Илюха посмотрел на юнгу, посмотрел по сторонам и... промолчал.

— Эй, сухопутный, я тебя спрашиваю, главстаршину не видел?

— Эй, водоплавающий, поуважительнее можно? — не выдержал Илюха.

— А ты кто такой, чтоб поуважительнее?

— Я... я — «Боцман».

— Ты — боцман? Вот главстаршина Ткаченко — боцман! А ты так... сухопутное — зеленое...

— Раз я сухопутное — зеленое, то не приставай. Иди сперва, юнга, якорь поточи, а потом плыви тюльку ловить!

Юнгу аж подбросило. Он молча кинулся с кулаками на Илюху.

«Как он это сделал?» — пронеслось в голове у юнги, лежащего в пыли. Юнга вскочил, снова бросился ухмыляющегося мальчишку, в офицерской гимнастерке, но без погон, и снова оказался лежащим на спине в пыли.

«Как это?» — думал юнга. — «Я бью правой рукой, он делает шаг влево, дергает меня за руку, оказывается у меня за спиной, прижимает мою голову к своему плечу, я пытаюсь оторваться, но... он проводит своей рукой мне «по соплям» и я падаю на спину! Вернее, он меня укладывает на спину!»

Старший лейтенант вышел из комендатуры вместе с главстаршиной Ткаченко, который служил на МБ-93 (мотобот).

Когда их мотобот ставили головным при высадке десанта или подвозе боеприпасов в Цемесской бухте, то лейтенант Щукин или он сам, находили к чему придраться, и отправляли, этого бедового юнгу — Ваньку Соколова на «губу». Правда, с гауптвахты он ухитрился один раз сбежать... Теперь его отправляли на «губу» на несколько дней, чтоб он не мог догадаться, когда выход на задание. Старший лейтенант и главстаршина увидели интересную картину (от которой оказались в легком ступоре), главстаршина хотел крикнуть, но старлей остановил его, взяв за плечо: юнга кидался на парнишку, того, что сидел под деревом, когда они шли в комендатуру. Парнишка просто валял юнгу в пыли: то уложит спиной на землю, то мягко перекинет через бедро, то просто слегка дернет за руки и

подтолкнет рукой в корпус. Юнга бросился на мальчишку с желанием схватить за грудки, но паренек, в форме без погон, перехватил его руки, сделал круговое движение, положил нападавшего лицом в землю, поставив свое левое колено лежащему на спину, как-то хитро поджал юнге руку, что тот не мог не только встать, но и дергаться, и сказал:

— Может хватит?

— Хватит! — скомандовал старлей.

Илюха отпустил юнгу, встал. Старлей осмотрел его оценивающе.

— Юнга, доложите, что случилось! Только с гауптвахты, опять хотите на "губу" за драку с гражданским? — главстаршина добавил металла в голос.

Юнга перешел из лежачего состояния в сидячее...

— Я... он меня... сказал, что он боцман... водоплавающим меня назвал... сказал якоря точить и плыть тюльку ловить...

— Та-а-ак... Значит опозорил наш мотобот на весь «тюлькин флот»!

Старлей про себя улыбнулся: «Парнишка угадал с тюлькой, отправил плыть и якоря точить. Силен!»

— Значит «боцман», говоришь? Как звать тебя герой? Чей такой будешь?

— Да — «боцман», — с легким вызовом ответил Илюха. — Зовут Илья Фролов, ищу брата. Один остался...

— А ко мне юнгой пойдешь?

— На мотобот? Нет.

— От, ты какой привередливый, салажонок! — возмутился главстаршина.

— На ТК-13... Но сперва, удружи, выпей чайку на клотике.

— Не вопрос! Только после того, как вы по пирсу прогуляетесь с кнехтом.

Илюха вспомнил семейную легенду... Папа, тогда еще матрос срочной службы, шел на свидание к маме в ДОФ (дом офицеров флота). Пришел, снял бушлат... а гюйс — воротник, забыл! А патрулем в это день были «сапоги» — солдатики из береговой части. Вот лейтенантик к нему и придрался: нарушение формы — одежды, а подайте сюда увольнительную! Стал писать на ней замечание, а потом и спрашивает, мол, как у вас называется такая синяя штука с белыми полосками вокруг шеи? Ну, папа и сказал: кнехт. Понятно, что о свидании речи быть не могло — отправили его из ДОФа обратно на корабль... Потом экипаж неделю ржал, проходя мимо «сапогов»: «А я — без кнехта!»

Вахтенный офицер, прочитав замечание, говорят, чуть за борт не свалился от смеха...

— Прогуляться с кнехтом, говоришь? Наглец... Ладно, пойду в комендатуру, скажу, что тебя забрал. Если найдут брата, то будут знать где тебя найти, — старлей пошел обратно в комендатуру.

— Ну и как тебя звать — величать? Спросил главстаршина Илюху, пока Иван отряхивался

— Илья Фролов. Боцман, — назвал себя мальчишка.

— Боцман? И где ты был боцманом?

— Называли так... на БК-13, — вздохнул Илья.

— На БК — 13? Не видел я тебя там, тем более — боцманом! — возмущенно сказал Ткаченко.

— Нет, не здесь. БК-13 Пинской флотилии — речник.

— У-у-у, речник... — начал было юнга.

— А ты помолчи, или уже отряхнуться успел? — главстаршина Ткаченко напомнил Ваньке, кто кого валял.

— А на море? Откуда флотские знания?

— Папа офицер...

ТК-13

Илья пришел на ТК-13 (торпедный катер ТКА) вместе с его командиром — старшим лейтенантом Андреем Андреевичем Черновым.

— Командир на катере, — скомандовал боцман

— Здорово, Иваныч, здорово — братва, — поприветствовал командир боцмана и экипаж. — Вот, принимайте пополнение: Илья, отзывается на «боцмана».

— Боцман? Второй? Не... Иваныч не потерпит второго на палубе...

— Хорош хохмить. Юнгу кормить, переодевать!

— Кормить — вопросов нет. Переодевать... На глаз — 46 размер будет в тютельку, на крайний — 48 — не утонет, а вот с ботинками будет проблема, нужно будет к складским идти...

— Я бы в море искупался... — попросил Илюха. 4 дня здесь, а к морю не пускали...

— Вот оно море, купайся.

— Правда? Можно? — Илюхины глаза засветились счастьем

— Да легко, — сказал Иваныч улыбаясь. — Вся фигня — беда — 10 градусов вода...

Илья его уже не слышал...

Дальнейшее действие команда смотрела с постоянно меняющейся на лицах гаммой чувств....

Первую часть «Марлезонского балета» — начало раздевания для купания в море, команда смотрела с ухмылкой: «Вот сейчас мальчуган прыгнет в воду и вылетит, как ошпаренный обратно».

Вторая часть «Марлезонского балета» отразилась на лицах, когда Илья снял с себя нательную рубашку и матросы увидели его спину.

Третья часть «балета» началась, когда мальчишка ловко нырнул в воду и поплыл в море...

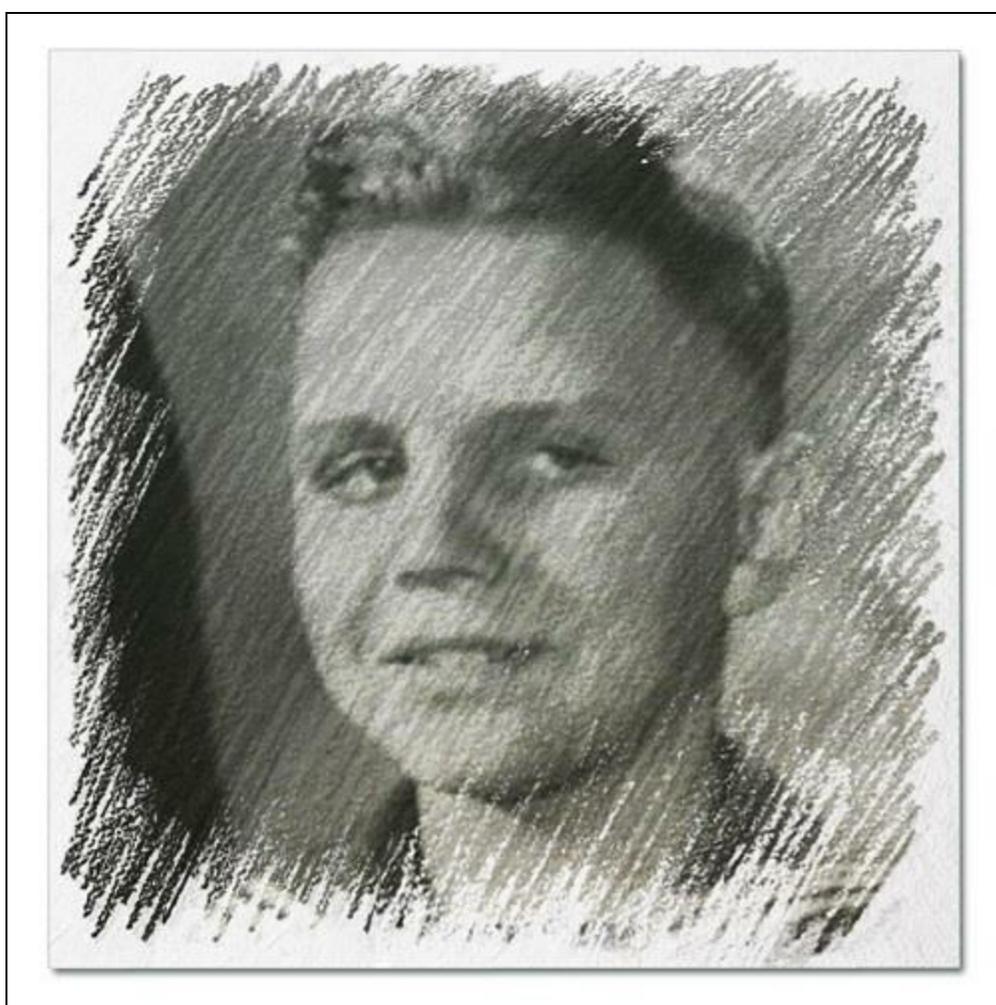
Четвертая часть началась, когда мальчишка отплыл на кабельтов, команда готовилась запускать двигатель.

Пятая часть началась, когда мальчишка плыл обратно, подплыл к катеру, почти выпрыгнул из воды — ухватился за борт, легко подтянулся, залез на катер и задал вопрос:

— А тельник, белье, робу еще не принесли?

— Андрей Андреич, ты меня прости, старого, — начал боцман. — Где ты такого «бычка в томате» выловил?

Шестая часть «Марлезонского балета» началась на следующее утро, когда все это повторилось, после утренней зарядки.

Через некоторое время Илюха понял, как на флоте любят юнгов. Их знали по именам: Витя Чаленко, Вовка Довбненко, Русик Пинчук, Валерка Лялин, Борька Кулешин, Юрка Потапов... Каждый считал своим долгом что-то дать мальчишке: сахар, шоколад, лучшую еду, какую-то безделушку... И каждый считал своим долгом высказать «маленькому обормоту», что мальчишкам не место на войне, что надо думать о мамах, которые за них переживают.

Новый юнга, с ТК-13, наделал шума... Его первый заплыв, с попыткой спасения «утопающего», его «метки» — стали притчей во языцех. Илюха устал прятать и скрывать то, что ему оставили на «вечную память» фашисты. Рассказал все: как был 22 июня 1941 года в Севастополе (в этой жизни, без упоминания той), как погиб экипаж БК-13, как был в плену, как терял друзей подпольщиков, как его выхаживал дед — знахарь, как добирался до Черного моря... О том, что у него есть мечта — вернуться в Севастополь и нырнуть с камня в «Голубой бухте», как хочется увидеть маму и папу... Дядьки слушали мальчишку, вспоминали своих детей, младших братьев, сестреноч... Некоторые не скрывали слез...

Сейчас, с командой катера, он почувствовал себя, как с родителями — от них Илья никогда и ничего не скрывал.

Однажды мама (в той жизни) его спросила, курит ли он? Илья ответил, что хотелось бы попробовать... Мама принесла пачку сигарет и зажигалку — специально сходила в магазин, ведь папа не курил. (На флоте много не покуришь, особенно на подводных лодках... хотя, были офицеры, которые дымили «как пароход».) Мама положила сигареты и ушла. У Илюхи совсем пропало желание покурить...

Однажды к катеру приехал капитан 3 ранга, переговорил с старшим лейтенантом

Черновым. Потом КапТри, стал возмущаться, но Чернов ему что-то продолжают четко утверждать. КапТри махнул рукой и уехал.

— Андрей Андреевич, что КапТри хотел?

— Хотел тебя по воинским частям возить, чтоб ты рассказывал о себе...

— Я так и подумал... Не хочу я это больше вспоминать... совсем не хочу.

— Я так и сказал, что когда спрашивают про прошлое, ты замыкаешься и молчишь...

— Спасибо, товарищ старший лейтенант.

— Эх, салажонок! — Чернов прижал к себе Илюху правой рукой, а левой взъерошил волосы. — Беги, продолжай учебу.

Взаимозаменяемость у экипажа была отличная, каждый знал по несколько специальностей и на отличном уровне, как что, Илюхе пришлось постараться — поучиться. Много было похоже на БК-13, но были и отличия, приходилось учиться — надо!

Только через месяц, в первый раз, его взяли на охрану водного района. Выход групповой. Задача простая: не дать возможность немецким транспортам доставлять боеприпасы и снаряжение. Если есть возможность — топить!

На третий выход улыбнулась удача — вражеский конвой! Их торпеда угодила в самую середину немецкого транспорта, но на катера тут же накинулись фашистские сторожевики. Но, не уходить же из боя! Есть еще одна торпеда и есть фашистские транспорты! Илюха выглянул из моторного отсека...

— Газ! — командует Чернов. Катер уходит от разрыва снарядов. Нос вверх, корма — вниз.

— Стоп!

Нос пашет воду, корма взлетает в воздух — теперь столбы фонтанов чуть впереди.

— Дым!!!

Ставится дымовая завеса.

— Флаг!!! — старлей махнул рукой на корму... флага не было.

Катер без флага!!! Илюха выскочил из люка на корму — флагшток срезало осколком снаряда. Флаг на фале волочит за катером по воде, в 3 метрах за кормой. Уцепившись за хвост второй торпеды, Илья одной рукой схватил фал, стал его выбирать... Вот и флаг. А что дальше делать? Флагштока — нет... И тут он вспомнил, что смотрел фильм, про Севастопольское Нахимовское — там один мальчик- юнга держал сбитый флаг над головой в руках.

И тут Илюха «учудил» — он залез на рубку, обнял радиомачту катера, держа флаг...

Торпеду так и не использовали, зато боцман, метким огнем из ДШК потопил немецкий сторожевой катер — попал в моторный отсек и запалил горючее.

— Илья, иди сюда, бить буду! — позвал старлей после швартовки на базе.

— Я! Товарищ старший лейтенант!

— Вот как мне с тобой быть? Пороть или на берег списать?

— Лучше пороть...

— Да тебе порка, что бус в штормягу!!! Даже не заметишь! Ты понимаешь, что в «рубашке родился»?

— Товарищ старший лейтенант, так меня не берут ни пули, ни осколки. Кого должны повесить, тот не утонет! Сами видите — ни царапины!

— Про «ни царапины» — не трещи! Все ожидал, но чтоб такое... Ты не хотел, чтоб о тебе говорили — готовься, вся группа тебя у мачты видела...

Да, об этом говорили, но... не долго. Через три дня, при высадке десанта, вместе с боцманом мотобота Ворониным, погиб один из юнгов — Витя Чаленко... Их похоронили на мысе Любви. Еще через неделю, погиб Владимир Бовбненко... Юнгов стали все чаще оставлять на берегу.

Илюха и Ванька Соколов, с МБ-93, встретились в городе. Ванька считал себя уже бывалым матросом — 12 раз ходил на высадку десантов на плацдарм под Новороссийском. Про Илюхины «подвиги» Ванька уже был наслышан, немного ревновал.

— Вот скажи, Илюх, как тебе не страшно? Я, когда под первую «карусель» попал (это когда немецкие самолеты по очереди на корабль заходят для бомбардировки), метался по палубе и кричал: «Мама»!

Мне тогда главстаршина и сказал: «Ты меня на весь тюлькин флот позоришь! Я тебе дам — «Мама»! Потом на разгрузке 2 ящика с патронами в море со схода уронил, нырял за ними — хорошо, что воды по грудь было... А потом, когда вернулись, боцман Ткаченко мне и говорит: «Запомни, сынок, на войне все боятся. Кто «без башки» и не боится, того в первом бою убивает. Можешь бояться, но дело свое делать, а можно всем свою трусость показать. Кто два раза струсит, тому на флоте места нет... Мы хоть и тюлькин, но флот!»

— Вот теперь понятно, почему ты на меня у комендатуры накинулся.

— Я думал, что ты про этот случай знаешь и специально, про тюльку...

— Нет, я тебя вообще первый раз увидел.

— Слушай, Илюха, у меня парабеллум есть, десантники — трофейный — подарили! Хочешь глянуть?

— Не, Вань, не хочу, посмотрелся я на это добро... А по поводу не страшно... Отбоялся

я свое — несколько раз уже умирал... Все будет так, как должно быть...

Герой.

В 2.44 10 сентября 1943 г. начался штурм Новороссийска. ТК-13 и другим торпедным катерам была поставлена задача: торпедами уничтожить фашистские огневые точки на молах, причалах и у уреза воды в Цемесской бухте. Но у входа в бухту катера ждали боносетевые заграждения, их должны были подорвать сторожевые катера... Чернов увидел, что один из них, без хода качается на волнах. Но ведь если боносетевое заграждение не уничтожено, то торпедные катера и отряды высадки не прорвутся в порт. Старший лейтенант принял решение: одну торпеду по молу, а другую по бонам, с подвешенными сетями. А после этого, под ураганным огнем подошел к поврежденному катеру КМ и, спасая товарищей, взял его на буксир. И вход свободен, и товарищи спасены! Другие торпедные катера, а за ними десантные отряды ворвались в порт.

Только Илюха этого не видел... Его отправили на гауптвахту за какую-то ерунду — не отдал честь офицеру, который проходил мимо. Как потом оказалось, это было сделано специально, чтоб на этом опаснейшем задании не было ни одного юнги. А Илюха, ни в какую, не соглашался уходить с катера.

Сбежал с «губы» Илюха до банального просто — изобразил приступ аппендицита... как только началась кононада. 2 часа ночи... народа никого, а мелкий вопит от боли. Положили на носилки, вынесли из здания комендатуры и... Мелкий ожил — ломанулся так, что догнать не смогли... Илюха прибежал, но катера у пирса не было...

Придя на базу, Чернов принял на борт ТК-13 25 десантников, на палубу погрузили ящики с минами и боеприпасы. Пока грузились — суетились, Илюха проник в моторный отсек, спрятался так, что не нашли — помощник моториста он или хвост собачий?

Не задерживаясь, ТК-13 отвалил от причала, опять пошел в Цемесскую бухту. Едва катер оказался у входа в порт, как на нас обрушился шквал огня. Катер бросало с борта на борт. Столбы воды, от близких разрывов, с ног до головы обливали десантников...

Илюха выглянул из моторного отсека (теперь точно не прогонят): «Ура! Катер прорвался в порт!»

Вдруг раздались резкие удары по корпусу, очередь из автоматической пушки, со стороны элеватора, зацепила катер.

Илюха увидел, что Иваныч — боцман, стрелявший из пулемета, упал... и услышал, что заглох правый двигатель... что важнее — секунда на размышление. Секунда прошла — у пулемета раненого Иваныча заменил радист, заставил заткнуться из ДШК немецкую автоматическую пушку, но и ему пулей перебило ноги.

Старшего лейтенанта Чернова ранило в живот, но он продолжал управлять катером, умело уклоняясь от прицельного огня на одном двигателе.

А из моторного отсека потянуло гарью — это загорелся бензобак, который был пробит зажигательной пулей. Спасало то, бак был полон, а то — разнесло бы катер к чертовой бабушке! Один матрос, схватив огнетушитель и кошму, прыгнул в бензоотсек. Он сбил пламя струей пены из огнетушителя и обтянул бензобак кошмой. Взрыва не произошло.

«Значит, движение — жизнь, главное, запустить второй двигатель», — принял решение Илюха и нырнул обратно в машинный отсек, откуда собирался вылезти к пулемету.

На стенку из маслопровода струйкой прыскало масло. «Пробит масляный бачок или трубопровод! Так, делаем все как учили! — сам собой руководил Илюха. — Найти в

аварийном ящике кусок дюрита — резинового шланга, быстро разрезать его вдоль и забраться за мотор.»

«Так, пробит маслопровод. Черт! Брызгает во все стороны... Какое горячее... Епрст... на лицо...» — Илюха через голову скинул верхнюю часть робы — набросил ее на маслопровод так, чтоб горячее масло не летело во все стороны.

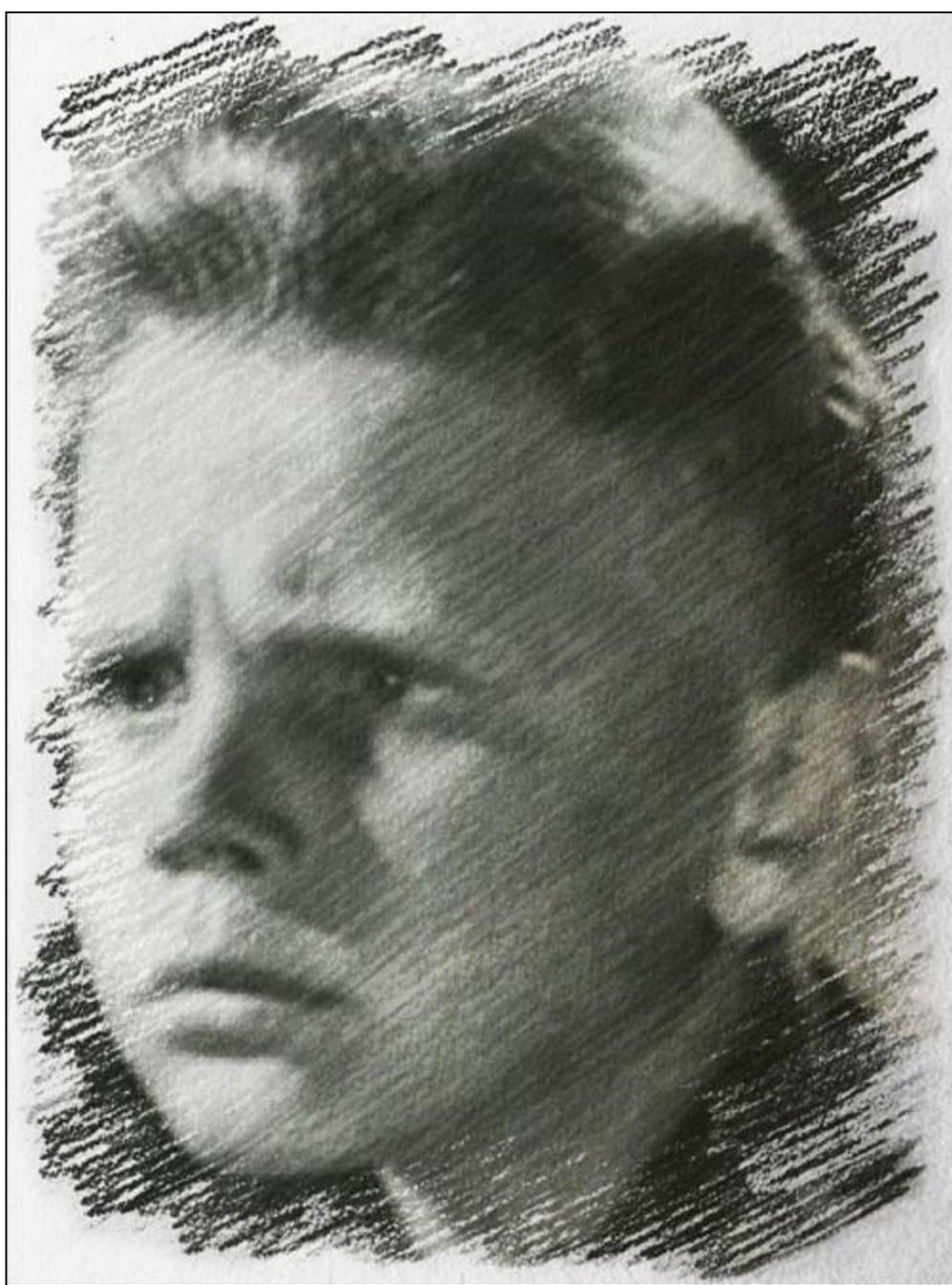
Сверху он наложил кусок дюрита (разрезанного вдоль шланга) и намертво закрепил все проволокой. В этот момент заглох левый двигатель. Катер по инерции дошел до причала... Десантники быстро стали выгружать мины и боеприпасы на берег, некоторые из них тоже были ранены, убитых не было — опять повезло. Пока шла разгрузка, моторист Кузнецов, при помощи Илюхи починил левый двигатель.

— Товарищ старший лейтенант! Оба двигателя в строю! — доложил Илья.

— Отлично! Оба полный! — катер пошел к выходу из бухты...

Два новых удара по корпусу катера: один снаряд разворотил скулу в носовой части корпуса — Вода хлынула в таранный отсек. Еще один — окончательно вывел из строя левый двигатель... Два матроса в трюме стали устранять течь.

Илья вылез из задымленного моторного отделения, прокашлялся, протер, щипавшие от дыма глаза, и ужаснулся: командир, механик, радист и боцман лежат без движения, а ТК-13 выписывает круги без управления. Илья принял решение...

Он взял какой-то ящик, поставил его под штурвал, сам встал на этот ящик — теперь было хорошо видно, куда вести катер... На помощь подошли еще 2 наших катера, они стали ставить дымовые завесы...

Илья вывел катер из-под обстрела, но он постепенно наполнялся водой. Из люка появился Кузнецов:

— Не дойдем, утонем!

Он с Петровым стал вытаскивать на палубу еще двоих раненых.

— Илюха... Илюха! — очнулся Чернов и оценил сложившуюся ситуацию. — Правь вон на тот камень, там мель...

Илья немного успокоился, когда корпус катера заскрежетал по камням. — «Все... не утонет никто!» Подошел мотобот МБ-93, самый «бедовый» юнга — Ванька Соколов и главстаршина Ткаченко были тут как тут.

— Ну вам и досталось! — первое, что сказал Ткаченко. — О! И «боцман» сбежал! А я думал, что только мой — бедовый... Это еще хлеще!

— Главстаршина, не угадал! Он теперь капитан! Это он катер на мель посадил...

— Да ладно? А как же докладывать — то? Под трибунал пойдет старлей, если командование узнает!

— Не узнает... я же на «губе» прохлаждаюсь и картошку чищу. — обозначил Илюха. — Товарищ главстаршина, вы уж, побыстрее меня до Кабардинки доставьте, чтоб я до смены наряда до «губы» добрался, а то ребятам за меня влетит...

— Не волнуйся, успеешь до развода и смены, мы вас на ТК-15 перекинем — он быстро домчит.

Илюха успел до смены наряда... Дежурный по комендатуре был очень зол на Илью, за его побег... Смену наряда Илюха встретил в работе по приведению в порядок общественного отхожего места...

Через 2 дня Илюха вернулся с «губы». Тут его и обрадовали, что в ТК-13 более 200 пробоин, из целого экипажа, на ходу — только трое (Кузнецов, Петров и он) и теперь он — боцман и ремонт катера на его ответственности. А Кузнецов — командир катера, до выздоровления Чернова...

Ходили проведать раненых из экипажа. Сказали, что двоих, скорее всего, спишут: боцмана и радиста, а остальных обещали поставить в строй.

— Илья, подойди ко мне, — попросил Андрей Андреевич. — Илюха, тут такая хрень... экипаж катера представили к орденам, но без тебя. Я подавал, меня чуть не пришибли: "нарушен приказ командующего флотом — юнгов на боевые не брать, а тут мальчишка на опаснейшей операции! Знаешь сколько голов полетит и твоя первая!" — Да мне это ровно, только выше — не пропустили — переписали. Ты уж меня прости, ничего не смог сделать...

— Андрей Андреевич, мы что, за ордена воюем? Еще заработаем. По сути ведь все правильно — не должно было меня там быть и меня там не было. Я в это время — гарнизонный гальюн на 10 мест драил... За чистку гальюна награды не дают, — улыбнулся Илюха.

Опять 25 за рыбы деньги.

Кузнецов, Петров и Илюха прилагали все усилия, чтоб восстановить ТК-13. Выбивали, выклянчивали, проявляли чудеса флотской находчивости и смекалки, чтоб ввести катер в строй. Через 2 недели катер снова был на воде.

Прошел слух, что всех из экипажа представили к «Красному знамени», а на Чернова отправлено представление на «золотую звездочку». И Кузнецов, и Петров, чувствовали себя немного не в своей тарелке, когда приходило «большое начальство», жало им руки... а Илюху даже не замечало.

Обидно, конечно, но он сам так решил, чтоб не подставлять Чернова и экипаж.

27 сентября к Илье подошел Кузнецов.

— Слушай, Илья, тут такое дело...

— Дядь Леш, не мнись, говори, что надо сделать? Только сразу предупреждаю, в мазут больше не полезу, я пока отмывался, чуть себе кожу мочалкой не стер!

— Да какой мазут! В штаб тебя вызывают... к 15.00.

— Зачем? — напрягся Илюха.

— Не знаю, может брата нашли?

А вот теперь Илюха напрягся еще больше.

— Дядь Леш, я конечно маленький, но не на столько. Говори, что за проблема? Я, вроде бы, ничего не успел натворить.

Кузнецов вздохнул:

— Всех юнгов на берег списывают и отправляют в Тбилиси, в Нахимовское училище...

Илюха даже не знал, что и ответить... «Ладно, может отмажусь» — подумал он, развернулся и пошел к казарме.

— Илюх, ну ты чего? Куда пошел-то? — не ожидал такого Кузнецов. Он был готов ко всякому: крикам, воплям, плачу, истерике... но не к такому.

— Куда-куда? Собираться в штаб. Не в грязной же робе идти?

В штабе уже сидели шестеро юнгов, в том числе и Ванька Соколов.

— Всем здорово! Здорово, Вань. — поприветствовал всех Илья. Ему не особо радостно ответили.

— Здорово, Илюх. Все, на вечный прикол нас ставят...

— Не знаю, как остальные, а я еще повоюю...

— С кем повоюешь? Из Москвы какой-то полковник приехал. Сухопутный. Требуется, чтоб всех юнгов на берег списали и учиться отправили, если нет 15 лет.

— Понятно. Ты что думаешь делать? — зевнул Илюха. Он для себя уже давно все решил, что и как будет делать, если его погонят с флота.

— Что решил... Я местный, я могу просто остаться и буду все делать как доброволец. Ткаченко уже сказал, что меня не сдаст...

Ребят стали по одному вызывать. Мальчишки заходили в кабинет гордые, с боевыми наградами, уверенные, что их — то по любому должны оставить, а выходили подавленные, и даже в слезах, которых не скрывали: «Как же так? почему их отправляют в тыл? Они же бойцы! Награды имеют! А их... в тыл.» С некоторыми были их командиры. Они, как могли успокаивали ребят.

— Юнга Фролов!

— Я!

— Зайдите в кабинет!

— Есть!

— Давай, Илюха, «не пуха» ... напутствовал Ванька, — я — следующий...

— Спасибо, — нестандартно ответил Илья.

Илья зашел в кабинет, доложил.

— Боцман ТК- 13, юнга Фролов, — представился Илюха.

На него смотрели 5 человек, контр — адмирал, полковник, 2 капитана 1 ранга и один капитан 2 ранга.

«Целый консилиум, будут звездочками давить и обламывать...» — понял Илья.

— Боцман? — удивился полковник.

— Да, товарищ полковник. Замещает на берегу раненого боцмана.

— А — а-а-... Тогда понятно. Значит так, юнга Федоров, согласно приказу Верховного Главнокомандующего, Вы выполнили свой долг до конца и направляетесь на учебу в Тбилисское нахимовское училище, окончив которое, Вы станете боевым офицером военно-морского флота Советского Союза! — полковник сделал паузу, чтоб посмотреть реакцию и решить, как действовать дальше.

... А реакции не было.

— Вы все поняли, юнга? Завтра в 8.00, Вы должны быть подготовлены к дороге, с сухпайком на 3 дня.

— Никак нет, товарищ полковник. Я завтра с 7.00 до 19.00 занимаюсь ремонтом вверенного мне судна.

— Я разрешаю Вам, юнга, не заниматься ремонтом, а готовиться к отправке в училище.

— Не могу, товарищ полковник, я получил приказ и дал слово, что отремонтирую катер к возвращению командира из госпиталя.

— Он что, издевается? — Полковник посмотрел на присутствующих офицеров и контр — адмирала.

— Я тебе русским языком сказал: все, для тебя война закончилась, ты едешь в Нахимовское училище, приказ твоего непосредственного командира я отменяю.

— Товарищ полковник, не поеду я в Тбилиси.

— Как не поедешь? Это приказ! Ты в форме, значит — солдат, должен подчиняться

приказам!

... - ...Пороть таких наглецов надо! — донеслась фраза полковника из открывающейся двери.

Из комнаты штаба босиком, в трусах и тельняшке, вышел Илюха. Ванька опешил...
— Ванька, пойдю в детдом... — ухмыльнулся Илюха.

... -Как не поедешь? Это приказ! Ты в форме, значит — солдат, должен подчиняться приказам!

Илья молча подошел к одному из стульев у стены, присел, расшнуровал ботинки, снял их...

— Чего это он делает? — не понимая, спросил полковник у морских офицеров.

Илья аккуратно снял фланку, брюки, сложил их. Остался в трусах и тельняшке... У полковника пропал дар речи. Морские офицеры и контр — адмирал, были более наслышаны о Илье Фролове с ТК-13, внутри души посмеивались над полковником... «Упрям, строптив, всегда имеет собственное мнение, не в ущерб поставленной задаче, предлагает другие пути решения задачи.» — это из характеристики на Илью. Но еще они немного знали о том, через что прошел мальчишка, прежде, чем попал на флот... В душе они понимали юнгов, если бы их, вот так отправили в тыл...

— Я без формы. Вашему приказу подчиняться не буду. В нахимовское — не поеду. Я от Школы юнгов на Соловках отказался 4 месяца назад. Отправляйте в детдом — оттуда сбегу на фронт. Разрешите идти?

Что там кричал полковник Илья просто не слушал... Что-то про присягу... Еще что-то...

— Остыньте, товарищ полковник. Не принимал он присягу — мал еще ... — решил вмешаться контр-адмирал. — Илья, это не наше решение, это решение вышестоящего командования: всех отправляют в Суворовские и Нахимовские училища. Я знаю про то, что ты тоже был... тогда... на ТК-13 и спас его и весь экипаж. Тебя тоже представили к ордену, и ты его получишь в Нахимовском училище.

— Товарищ контр — адмирал... дело не в ордене. Мне надо попасть в Севастополь. Из Тбилиси это сделать сложнее... Я не поеду в Тбилиси. Разрешите идти?

— Иди, юнга...

— И это все? — возмутился полковник. — Что за дисциплина и воспитание у ваших «морячков»? Пороть таких наглецов надо!

— Не поможет, полковник, его уже пороли... Вы заметили у него шрамы на лице? А шрамы и полосы на ногах? Он тельняшку не снял, видимо, Вас и нас пожалел... Он был в гестапо. Им это не помогло...

Илюха продефилировал в таком виде из штаба. Где-то по середине пути к катеру его догнал посыльный, вернул форму и передал, что полковник выписал ему неделю «губы»... На «губе» Илья встретился с «бедовым» Ванькой — его тоже — «не уговорили...»

... К возвращению старшего лейтенанта Чернова, катер был отремонтирован.

«Кукушонок»

Никите постелили на полу. Серый, конечно же, пытался уступить ему свою кровать, только Никита отказался. Как только улеглись, Серый пристал:

— Никитос, как говорят здесь — колись!

— Чего колотья — то?

— Ну, как что? Что было в Москве, как попал в ГРУ, как решили диверсантов брать?

— Много вопросов задал, а мне поспать хочется, а вставать и мне, и тебе в пять утра. Серый, не в обиду, я первый раз за месяц сплю чистый, сытый и в безопасности.

— А браунинг под подушку и нож рядом положил...

— Привычка... Сереж, ты — официально, умер, твое тело найдут завтра в 5.30 утра в канаве, недалеко от рынка... Так что готовься мыться и стираться.

— Как ... в канаве?

— Ты что, так и не понял, что тебя из-за формы и документов «Сыч» хотел ножом пырнуть? Вот... Я тебя позвал к себе переночевать и придушил тебя. Один комплект формы — чистый, новый я уже надел, а твой передам «Сычу». Не бойсь, «Сыч» ее даже не наденет — к нему пристанет местная шпана: отнимет сверток и немного попортит личико. Раз все так срочно, то «Сыч» расскажет, думаю, уже рассказал, что есть я — можно меня использовать — я в «Абвере» на хорошем счету! Как только разберемся что к чему, капитан Стрижов возьмет «дядю» и тех «птичек», кто может быть с ним. Все! А теперь — спать.

— Постой! Каких птичек? Меня, когда повязали, в комендатуре, тоже птичкой называли!

— Чего не понятного? Мальчишки, что прошли Абверкоманду -203, получили клички по названию птиц — «Птички».

— Никитос... а... «Кукушонок»?

— Я тоже прошел! Все — спать! Еще хоть слово скажешь, больше ничего не расскажу! — Никитос опередил Серегин вопрос.

Никита прилетел в Москву 21 апреля 1943 года. Его поместили в отдельном особнячке, под охраной. Отдохнул, привел себя в порядок. Зачем вызвали, к кому, куда — никто не отвечал. Никита плюнул на все переживания и тупо наслаждался жизнью. 28 апреля его повезли на легковой машине... вот только куда? Куда-то в центр Москвы. Заехали в просторную подворотню, Машина остановилась, ему предложили выйти и пройти за офицером. Его привели в комнату, скорее — кабинет, большой стол буквой Т, много стульев, кожаный диван, на котором уже сидело четверо ребят, чуть покрупнее Никиты. За столом сидел генерал — лейтенант, который поприветствовал Никиту и предложил присесть на место рядом справа, через стол. Сидя на этом месте, Никите было отлично видно лица ребят, а им — его.

— Вот, Никита, читаю твое представление к награде... герой. Столько подвигов, был расстрелян, но выжил, два ранения в грудь. Все подтверждают наши врачи, которые осматривали тебя по прибытию. Герой... Расскажи пожалуйста немного о себе?

— А что рассказывать, обычный мальчишка, родился, учился, поехал на каникулы к

деду, ну и ... попал. Стал помогать, деду партизанить. По заданию подпольного обкома дед стал старостой в деревне, я — понятно, его внук, мог спокойно передвигаться...

— Это понятно... Вот ты же из Москвы, а в какой школе учился, где жил, наверное, очень хочешь встретиться с мамой...

«А вот это попадос... Никитос...» — я же ничего про это не знаю.

— Что же ты перестал рассказывать? Или послушаем другого юношу? Да, чуть не забыл, а как зовут директора Школы ФЗС № 4? Той, что в Хамовниках? Как, ты не знаешь имя директора своей школы? Забыл? Ну, война... бывает, а как имя — отчество твоей мамы? Никита Петрович, подскажите, пожалуйста. — генерал посмотрел на диван.

С дивана поднялся парнишка года на два постарше Никиты.

— Мою маму зовут Нина Ивановна Каплич.

— Спасибо, Никита Петрович. Берите своих одноклассников и можете идти — вас отвезут к кинотеатру, где вы что...?

— Где мы смотрели кино. — сказал один из мальчишек.

— Пра — виль — но! — по слогам произнес генерал. Благодарю за помощь, всего хорошего!

Когда ребята вышли из комнаты, в комнату зашел худощавый, горбоносенький человек, с копной черных вьющихся волос и пронзительным взглядом, сел напротив Никиты и стал пристально его изучать. Генерал заговорил жестче:

— Значит так Никита, или как там Вас могут звать, юноша. Представьте удивление настоящего Никиты Каплича, когда его наградили третьим орденом! Молодец, здорово воюешь и фрицев бьешь. Только вот кто ты на самом деле? Советую рассказать все честно, маленькая ложь вызовет большие подозрения.

— А вы в мой бред поверите? Его же не получится проверить?

— Рассказывай, а мы на тебя посмотрим и решим — верить или нет.

И Никита рассказал... Генерал — лейтенант улыбался, но как только странный дядька кивал, улыбка слетала с лица военного. Некоторые вопросы были заданы по-немецки, Никита постарался на них ответить.

— Между прочим, Иван Иванович, юноша неплохо владеет немецким! Из него будет толк!

— Я это подметил, товарищ Волков.

Через 4 часа вопросов и ответов, худощавый задал очередной вопрос:

— Как понять, дети диверсанты, осень, 1943 год...? Да, не задавай глупые вопросы, иногда читаю мысли. Да — гипнотизер! — ответил он на возникший у Никиты в голове вопрос.

— Дети — диверсанты, это...

Оберлейтенант Шиньк, толстый, лысый, с бегающими глазками, шел на доклад к прибывшему из Берлина высокому чину Абвера — Берндту. А что докладывать? Он требовал найти 30–40 мальчишек, а их нашлось только 11.

— Шиньк, это не результат! Вы же понимаете, что не весь материал пройдет подготовку до конца! Подключите к работе завербованных русских. Пусть подберут еще кандидатов, отработают со старостами деревень, пусть проедут по детским домам... Неужели из района Орша — Смоленск нельзя найти 30 — 40 голов приличного материала? Особенно, пусть обращают внимание на обиженных прежней властью, другими детьми, их

проще расположить к себе лично и нашему делу.

Мальчишек собрать за неделю! Желательно, возраста 13–15 лет, они уже что-то соображают и их легче обработать. Можно чуть старше, но, чтоб выглядели младше. Если справитесь — в Германию с ними отправитесь вы! За вашей карьерой слежу я и сам Господь Бог!

Староста деревни Мосолова гора Шатров низко поклонился Шиньку.

— Список мальчишек готов?

— Яволь, господин Шиньк!

— Отлично, кандидатов отловить — в сарай, чтоб не сбежали, а послезавтра привезти в здание приюта, там сейчас готовятся помещения.

Бывший военнопленный, а теперь агент Абвера, бывший лейтенант Горохов, приехал в детский дом с группой немецких солдат и полицаев.

Перед ним построили мальчишек 12–14 лет.

«Да уж, — думал Горохов. — И кого здесь отбирать? Мелкие заморыши. Четверо, более-менее — крепкие. Правда, один из этих крепких был недавно (и частенько) бит — с фингалами свежими и уже позеленевшими. Интересно, за что? Правда и у остальных были отметины на лицах, но меньше. Дерутся, это — хорошо!»

Четверо остались стоять перед Гороховым, остальные были отпущены.

— Кто хочет закурить? — Горохов достал пачку сигарет. Проследил взгляды ребят, понял, кто без курева жить уже не может. — Тот, кто принесет мне эту пачку сигарет. В награду получит ее и еще буханку хлеба и банку тушенки!

После этого бросил пачку на землю в нескольких метрах от себя. Трое мальчишек бросились на пачку, вырывали устроили серьезное побоище. Только один, остался стоять с независимым видом, скрестив руки на груди, смотрел на драку, как на возню червяков в пыли, а потом произнес сквозь зубы:

— Was für eine Schweinerei... Scheiße! (Какое свинство... Дерьмо!)

«А малец-то не простой... Вон как на него немцы стали смотреть! Оберефрейтор подошел, спросил, поговорили... Так, эти еще мутуют друг друга, — отвлекся Горохов от мыслей о странном мальчишке. — Оберефрейтор похлопал пацана по плечу и дал плитку шоколада! Мальчишка сделал кивок — поклон, что-то сказал и спрятал шоколад в карман.»

В пыли, с расквашенными носами и наливающимися синевой фингалами, медленно поднимались с земли два неудачника.

Победитель протягивал помятую пачку сигарет Горохову.

— Молодец! Оставь себе! А вон тому слабаку, намнешь бока? — Горохов кивнул на не дравшегося мальчишку. — За 2 банки тушенки?

В борьбе жадности и разума — победил разум.

— Не-е-е... Мне хватит одной банки...

— Как тебя звать? — поинтересовался Горохов.

— Генка Сычев, пацаны «Сыч» кличут.

— «Сыч», так что, слабо пижона наказать? Он, смотрю, у вас тут постоянно огребает.

— Один на один не выйду на него, да и устал я, двоих бить, — придумал отмазу Сычев.

— Ладно... Подойди! — скомандовал Горохов стоящему в сторонке мальчишке.

— Кто такой, как звать и что ты там сказал?

— Никита Зозулин. Я сказал, что драться за пачку сигарет, это свинство и дерьмо!

— Как интересно получается... он — "Сыч", а ты "кукушка- кукушонок"... А за что можно драться?

— За то, чтоб тебя уважали и боялись...

— Уважали и боялись? Хорошо! Покажи себя, делай, что хочешь, но за ограду детдома не выходишь. Вышел — получаешь пулю. Эй, хлопцы! — обратился агент Абвера к полицейам. — Кто хочет заработать 10 марок? Нужно снять с сопляка штаны и прописать 10 ремней за дерзость! Оружием не бить, смертным боем не бить — он мне может пригодиться, если останется без полос на заднице! Засаекаю 3 минуты! Начали!

«И здесь дурацкие игры», — подумал Никита. Вспомнилось, как во дворе играли с мальчишками в футбол, на «зад»... — если проиграла команда, нужно было встать лицом в ворота, наклониться и ждать, когда тебе прилетит от победителей по заднице...

По команде 4 полицейая бросились ловить мальчишку. Первую минуту Никита просто отыграл в салочки — неповоротливые дядьки не могли угнаться за вертким мальчишкой. Потом дядьки поняли, что 10 марок уплывают и сменили индивидуальную тактику на командную, а еще они сняли оружие... В начале третьей один из полицейаяв цапнул Никиту за рубаху, она хоть и затрещала, но выдержала.

— Попался! — закричал радостно полицейай. Развернул мальчишку к себе лицом и ... получил коленом так, что «колокольчики стали бубенчиками».

Тут подскочил второй полицейай — мальчишка упал ему в ноги, полицейай не успел затормозить — споткнулся и перелетел через Никиту.

Никита быстро поднялся, но сморщился, схватившись за бок — встреча «бок мальчишки» — «сапог полицейая», завершилась в пользу сапога — сбил дыхание. 30 секунд — догнали повалили на спину.

— Добегался, гаденыш! — один из полицейаяв прижал руки Никите к земле над его головой и поставил колено на грудь. — Сидор, снимай с него штаны и бери ремень.

Раз, два, три, четыре, пять... Подбежал Сидор с ремнем в руке, попытался сдернуть с Никиты штаны, но этому помешал ремень. Пытаясь расстегнуть ремень мальчишки Сидор забылся, посчитал, что дело сделано, приблизился и... заработал ногой в физиономию, схватился за нее и заорал гнусаво.

— А-а-а, убью, щенок! — из-под рук обильно текла кровь, видимо, был сломан нос.

— Сидор, ты что? — обернулся полицейай на сослуживца, отпустив левую руку мальчишки, что позволило тому извернуться, схватиться уже за левую руку полицейая и вцепится в нее зубами.

Полицейай взвыл от боли, попытался стряхнуть с руки Никиту, ударил правой рукой мальчишку по ребрам, но тот не перестал кусать. Подбежал еще один полицейай... Никита получил удар кулаком под дых — зубы разомкнулись сами собой — бах!!! Искры из глаз — его приложили лицом об землю, сознание покинуло мальчишку...

— Время! — крикнул Горохов, засунул 10 марок, что держал в руках, обратно в карман. — Мальчишку не трогать — привести в чувство! Отличный экземпляр!

К назначенному сроку, в палаточный лагерь на территории МТС (не «мобильные теле системы», а «машинно — тракторная станция») собрали 40 мальчишек. Сперва их привезли в старый приют, там осмотрели, и только после этого перевели в лагерь.

Все 7 дней кормили сытно, три раза в день. Многие уже просто забыли, что это такое... Каждый день ребят вызывали и вели беседы «по душам»: Горохов — бывший военнопленный, агент Абвера, Евтухович — похоже, из эмигрантов, постоянно рассказывал

ребятам о скаутах, оберлейтенант Шиньк.

— Скажи, Никита, а откуда у тебя пулевые ранения на груди?

— Господин Шиньк, я же уже рассказывал, что моя мама из поволжских немцев. Папа служил в полиции, мама работала переводчицей в комендатуре, в Осташкове, они служили Германии и фюреру, за что их убили партизаны, а меня ранили. Я помню, что меня лечили в госпитале, потом немецкие войска вынуждены были отступить, и я оказался под Смоленском... Меня отдали к этим... в приют...

Никита присматривался к ребятам. Ему понравились ребята из Мосоловой Горы: Петька Фролов, Митька Репухов, Витька Коршунов... Из одного детдома привезли ребят которые, похоже, партизанили... Иногда ловил на себе их «особые» взгляды. Есть с кем заварить кашу!

Пришел день и их погрузили в машины и куда-то повезли. Привезли в Смоленск, там велели раздеваться и пройти дезинфекцию. Никиту это напрягло, он вспомнил, что «дезинфекция» могла быть и при помощи газа...

Когда увидел, что в моечном отделении пацаны брызгаются холодной водой, его «отпустило»...

Помытых и одетых в ношеную, но крепкую одежду, с чужого плеча (когда Никита задумался, с кого она могла быть — его передернуло), ребят погрузили в вагон, который прицепили последним к составу с немецкими ранеными.

Когда эшелон тронулся им объявили, что они едут на экскурсию в Германию...

— Там вы увидите, как живут цивилизованные люди, как живет немецкий народ, ваши ровесники. Там вас ждут ваши друзья!

Прибыли в Германию, в город Кассель. Там несколько часов проторчали на вокзале, потом всех построили и куда-то повели. Оказалось, на обед. После обеда снова куда-то повели...

Кассельский стадион. Футбольный матч двух городских команд. У ребят загорелись глаза — футбол! Между таймами прошел парад физкультурников из гитлерюгенда. Стройные колонны, крепкие, спортивные ребята, фашистские приветствия и отзывы...

После матча колонна ребят проследовала в местечко Гемфурт, где в июле 1943 г. начала работу по подготовке юных диверсантов АК-203 (Абверкоманда-203) или «Зондеркоманда «Гемфурт».

Глава 15

Салочки со смертью.

По прибытии в разведшколу, вновь была дезинфекция и переодевание в форму гитлерюгенда. Потом ребят по одному фотографировали и заводили в отдельную комнату.

Одним из первых в комнату зашел Никита, там был оберлейтенант Шиньк.

— С этого момента, ты не должен откликаться на свое имя, тебя зовут «Кукушонок», ты теперь солдат Великой Германии! Бери ручку, бумагу и пиши: «Я — Никита Зозулин...

— Писать по-немецки или по-русски?

— По-русски: «Я- Никита Зозулин, добровольно готов сотрудничать с Германской разведкой...

.... Число. Подпись. — Шиньк взял бумагу, прочитал все 9 строк, довольно хмыкнул.

— «Кукушонок», я конечно понимаю, что ты так готов мстить красным комиссарам за гибель родителей, но это стандартная процедура. Но... вдруг тебе захочется переметнуться? Это бумага и фото, в форме гитлерюгенда, станет в НКВД для тебя смертным приговором! В соседней комнате с тебя снимут отпечатки пальцев. И помни, что ты — немец! Твой

фатерланд ждет от тебя подвигов во славу Рейха!

Никите приходилось туго... Он был заявлен как фольксдойче — немецкого происхождения, к нему было особое отношение руководства диверсионной школы, ему планировалось ставить особые задачи. Остальных ребят готовили как разовых исполнителей: совершил диверсию — вернулся.

Мальчишек готовили к заброске в советский тыл. Задача ставилась простейшая — проникнуть на станцию, в котельную и подбросить в кучу угля взрывчатку, которая была замаскирована под кусок антрацита. Из кучи «уголек» попал в топку — «привет» котельной, паровозу, а то и эшелону.

Особое внимание уделялось физической подготовке, «театральному мастерству» — умению врать в глаза с честной физиономией, ориентированию на незнакомой местности, скрытному передвижению, стрельбе из различных видов оружия.

Постоянные кроссы, работа с утяжелениями, подтягивания, отжимания, а еще и другие «предметы» — к концу каждого дня мальчишки валились с ног. Но прошла неделя, вторая и ребята привыкли — втянулись.

Однажды ночью группу из 12 ребят (куда попал Никита и несколько мальчишек, определенных им как бывшие партизаны), вывели с территории школы. За 3 часа их увели примерно за 10 км в глубь леса. Была поставлена задача: вернуться в разведшколу до 8.00, но при этом, они не должны были никому попасться на глаза.

— Если вас задержат немецкие солдаты или обычные жители, то вас ждет очень неприятное наказание! — пояснил Шиньк.

— А если кто-то попытается уйти в другую сторону, то наказание будет суровым! И помните, что вас начнут разыскивать с собаками через 2 часа!

Мальчишкам раздали компасы, карты, коробок спичек, часы. Отправлялись на испытание ребята с разницей в 2 минуты.

Никита «стартовал» последним. Он подумал, что вначале пути ничего произойти не должно, а вот ближе к завершению, когда мальчишки должны устать и расслабиться — потерять концентрацию, захочется спать, вот тут их и будут ждать ловушки и сюрпризы. Никита принял решение, что сперва пойдет по проторенной другими тропе, а через 30–40 минут уйдет правее. Проблема возникла уже через 10 минут. Никита услышал движение за спиной. Аккуратно и тихо ушел за толстое дерево. Ушел вниз, переполз по траве за кустарник.

«Интересно, сколько их и кто это?»

У дерева, которое только что покинул «Элвис» (в смысле — Никита), появился мальчишка из партизан — Ванька Мазуров — «Стриж», замахнулся корягой, которую держал в руке, но... бить было некого. От удивления «Стриж» застыл и опустил корягу вниз.

Никита воспользовался замешательством потерявшего его мальчишки: перекатом подкатился под колени, сбил мальчишку на землю (тот после удара под колени и толчка вперед упал ничком, руками пытаясь погасить падение и быстро встать — отжавшись), после этого Никита плюхнулся на спину лежащего «Стрижа» сел так, чтоб его колени оказались под мышками мальчишки, руки которого так и остались в согнутом положении для отжимания. Никита, не спеша, по очереди, завел руки напавшего мальчишки ему за спину и в согнутом состоянии положил себе на бедра.

После этого Никита слегка наклонился — мальчишке стало больно от этого движения,

его плечи стали выворачиваться — и тихо сказал:

— А ручки-то, вот они, видишь, я тебя не держу. Поговорим?

— Гад... Гнида фашистская, все равно тебя грохнем... — с болью в голосе, еле выдавил из себя мальчишка.

— А вот теперь по подробнее, но быстро — нас ведь будут искать...

— Гад... ничего не скажу!

— Вот как с вами жить, а? — вздохнул Никита. — Значит так, слушай меня и скажи остальным, в ком уверен... первое — наши бьют фрицев под Курском.

«Стриж» затих...

— Откуда знаешь?

«Откуда я знаю??? Вот как ему сказать?»

— Я слышал, как у Краузе, работало наше радио. Сводка Совинформбюро... Устроит?

Второе — нас будут забрасывать в конце августа — начале сентября, парами. Не бойтесь, как приземлитесь — идите в комендатуры и сдавайтесь, про вас уже знают. Самое большое, может, по шее дадут, но это с перепугу...

Третье — бойтесь «Сыча» и «Зяблика» — они стучат и служат фрицам верой и правдой. Я — не стучу, со мной и так, мало кто разговаривает... Перед отправкой сделают проверку, не вздумайте делать шаг вперед! Наши инструктора могут подсаживаться и говорить, что они наши разведчики — не верьте! Все! Ты чего затих-то? Не умер? — закончил вводную Никита.

— А ты сам — кто?

— Ты у меня метки на груди и спине видел?

— Ну... видел. Пулевые, сквозные...

— У тебя такая же метка, на правом бедре. Партизанил?

Ванька Мазуров — «Стриж» — промолчал. Понял, что его рассекретили, и не знал, что говорить...

— Ваня, только вот это — никому: меня расстреливали, догадайся кто... Партизаны в детей стреляют?

— Нет... — почти прошептал Ванька.

— Вот, дошло наконец. Своим бойцам передай, чтоб на меня охоту прекратили, а то грохнете, перед возвращением домой... Со мной в пару пойдешь? Я устрою.

— А можно?

— Можно, если осторожно!

Никита слез с Ваньки.

— Предлагаю пойти парой, будет повод за тебя похлопотать перед господином оберлейтенантом.

Они прошли парой, обошли секреты и ловушки и пришли в разведшколу не той стороны откуда их ждали. Шиньк был в восторге от их пары.

Но при этом была и одна проблема... Первым пришел Павлик Гуров — «Голубь» — из партизан, опытный ходок по лесу, только по пути он заметил чуть двинувшуюся кочку, подкрался и пару раз заехал по ней дрыном... Когда немецкого солдата из роты охраны принесли и поместили в лазарет, об этом узнал Шиньк, приказал найти виновного. Чтоб никого не подставлять, «Голубь» признался, и был вызван к Шиньку для профилактической беседы... Вернулся Пашка, после профилактики, с разбитым в кровь лицом и сломанным носом. Трое ребят — «попались», им не дали отдохнуть — гоняли по полосе препятствий,

пока они просто не рухнули в изнеможении.

Информация о Курской битве, и не только, стала «гулять» среди малолетних диверсантов, мальчишки повеселели, только при Никите сразу замолкали и становились серьезными.

Среди курсантов был парнишка, Валька — «Чижик», 14 лет, фамилию его никто не знал. Дерзкий, порывистый, горячий, не особо стеснявшийся в словах и поступках по отношению к немцам из охраны. Он мог подойти к охраннику и выдать ему:

— Гутен морген, гутен таг, бьют по морде, бьют и так.

— Гут, гут. — отвечал охранник.

— Гут, псина недобитая, гут!

Мальчишки, конечно, поржали, только Вальку чаще всех вызывали на «беседы по душам».

— Чего вызывали? Что спрашивали? — поинтересовался у Вальки Ванька Мазуров.

— Да достали уже, все спрашиваю, кто с кем, что говорит... Ну я им и ответил. Чтс никого не продавал и не собираюсь продавать!

— Ну и дурак! Мог просто сказать, что ничего особенного или подозрительного не видел. Никого не сдал и сам — чистый! — пояснил Ванька, как нужно было себя вести.

Через 2 дня был назначен первый реальный прыжок с парашотом. Мальчишки даже не догадывались об этом. Привезли на аэродром, инструктора на ребят надели парашюты, подогнали лямки... После этого всех загрузили в «Юнкерс», взревел мотор... самолет оторвался от полосы и стал набирать высоту. Вот тут и стихли шуточки и прибауточки... Замигала лампочка — приготовиться... Горохов открыл дверцу и по очереди стал выбрасывать за борт самолета мальчишек. Первым улетел Репухов, потом Коршунов, потом Валька, потом еще несколько ребят, потом дошла очередь до Никиты.

— Никита вылетел из люка, вытяжной фал открыл парашют. Хоть Никита и прыгал уже с парашотом, но, все равно, страшновато... Когда Никита приземлялся, он увидел, что мальчишки, отстегивают ремни подвесной системы и бегут в одном направлении... Когда Никита подбежал к группе ребят. Он понял, что случилось: Валька разбился — его фал, почему — то не вытянул систему, а у запасного была перегнута шпилька... Никита смотрел на разбившегося мальчишку и ... начинал вспоминать, что подобное он видел в кино, про мальчишек-диверсантов, которых готовило НКВД... там тоже разбился мальчишка... А Никита еще писал в школе доклад о фальсификациях истории и про школу «Гемфурт»... Только, вот как было все на самом деле — фашисты отомстили Вальке за его неосторожность... А в кино все переврали и поставили с ног на голову.

В конце августа ребят посадили в самолет. Он взял курс на Минск. Часть ребят высадили там, остальные полетели в Смоленск. Потом перевезли в Оршу В Орше оказался и Никита. Он был в паре о «Стрижом». В ночь на 29 августа мальчишек переодели в старенькую одежду, дали холщовые сумки, выдали по три «уголька», немного продуктов, деньги брали не считая — сколько ухватил рукой из мешка.

В полы брюк были защиты резиновые трубочки с паролем:

«Sonderauftrag! Sofortdem 1 C fortführen!» (Специальное задание! Немедленно доведите до 1 С!)

К Никите подошел «Стриж»

— Слушай, а Горохов — то наш — разведчик, сказал, что если кто-то хочет быстрее перейти к нашим, то надо через 10 минут подойти вот к тому сараю, он даст пароль.

— И что ты ответил? — разволновался Никита.

— Ничего, сказал, что спрошу и скажу ребятам...

— Дешевый развод...

— Чего? — не понял «Стриж».

— Провокация, говорю. Пристрелят тех, кто туда придет. Делаем так, как я сказал...

1 сентября 1943 г. в Управление контрразведки «Смерш» Брянского фронта явились два подростка: Крутиков Михаил, 15 лет, уроженец г. Борисова БССР, русский, образование 3 класса, и Маренков Петр, 13 лет, уроженец Смоленской области, русский, образование 3 класса.

Мальчишки признались, что они — немецкие диверсанты, что немцы, кроме них забросили с подобным заданием ещё двадцать девять диверсантов, и дали их подробное описание.

Все 29 детей отказались выполнить это задание, однако контрразведка, на будущее, разослал всем своим органам ориентировку, в которой инструктировало относительно подростков и детей, находящихся в районах железнодорожных станций.

Ведь была еще одна пара «Сыч» и «Зяблик» и был тридцатый — «Кукушонок»...

Конец «Кукушонка».

В 4.30 утра Серегу и Никиту разбудил «родной отец» Сержант Волков. Принес старые, грязные кальсоны и нательную рубаху.

— Переодевайся, Сережа.

— Зачем?

— А правда, зачем ему? Пусть голый в канаве валяется, пока его найдут. Будем считать, что я позарился на новое нательное белье, что было на нем, — пояснил, недоумевающему Сереге Никита. — Ты что, забыл? Я тебя «убил» и бросил в канаву. Зачем хорошее добро переводить, вот тебе драное старье и принесли, понял?

— Свиную кровь не забыли? — это уже был вопрос сержанту...

Никита ходил по рынку, с полным вещмешком за левым плечом, ждал, когда появится «Сыч» и прислушивался к разговорам торговков, которые рассказывали о сегодняшнем происшествии истории, одну страшнее другой...

— Петровна, а ты что, еще не слыхала? Щас расскажу, слухай! Утром, недалече от сюда, в канаве нашли мальчонку, раздетого и без головы — чтоб не узнали, кто это; и с куском вырезанного мяса! Говорят, людоед у нас завелся!

— Да нет! Брехня! Я сама видела. Это мальчонка — солдатик, вчера по рынку ходил, глупенький, деньги большие показал... У меня сало купил. а потом к Абрамычу пошел и часы взял...

— Да ладно!? Ой. что творится, бабоньки!

«Вот так устраивай «театр», все равно — все перевернут», — подумал Никита.

Никита уже заметил «Сыча», но он почему-то не подходил. Двинулся на встречу...

— Здорово! — подошел «Сыч».

— Поздоровее видал! — ответил Никита.

— Отойдем?

— Само — собой! — пошли в подворотню.

— «Кукушонок», я знал, что ты — зверь, но ты оказывается еще и людоед! Зачем пацана кусками резал? — без тени шутки спросил «Сыч».

— А ты зачем «Зяблика» сварил и съел? — прощупал Никита вопросом интересующую тему: местонахождение второго агента из пары.

— Это не я ... Это дядя Лёва... «Заблик» «ссыкать» стал, дядя Лёва его ножом...

— Понял... По пацану — «бабкины сказки» ... просто чуть придушил спящего, а потом связал и поспрашивал, что к чему... а потом в канаву.

— Голову зачем отрезал, чтоб не узнали кто такой?

— Да не пилил я никакую голову, я ж тебе сказал — бабкины сказки, так немного ножом потыкал... На, получай, что я обещал. — Никита протянул вещмешок.

— А я думал, ты в форме, значит одеждой меняться будем...

— Нужна мне твоя одежда, может она со вшами! У солдатика 2 комплекта было, новый я себе взял, тебе старый. Все, бывай, у меня своя работа есть...

— А где тебя найти... Если понадобится? — поинтересовался «Сыч»

— Где — не важно, а на рынок к 10.00 я, как и ты, заглядываю. Нужен буду, ищи на рынке, по времени. Бывай! — Никита вышел из подворотни.

Когда Никита вернулся «домой» немного по петляв по городку, хвоста за ним не было. «Дома» сидел злой Серый, один — СМЕРШевцы пасли «Сыча».

— Серый, та чего такой серый?

— Да пошли вы все... Свинячей кровью измазали, в канаве — в грязи изваляли, ветками присыпали и, в таком виде, заставили валяться почти час, пока меня не увидели...

— Странно, следы волочения твоих пяток по пыли и кровавую дорожку должны были заметить быстрее...

— И это не все. Потом слушал женские причитания, лежа на носилках под покрывалом, жутко чесался нос... А нельзя! Потом принесли в мертвецкую... Б-р-р-р! Хорошо, хоть вскрытие делать не стали!

— Да ладно, Серый, классно получилось! По рынку ходят слухи, что тебе отпилили голову и вырезали кусок мяса! «Сыч» считает меня людоедом!

— Че? Правда?

— Правда, правдивее не бывает! Классное шоу устроили — «Дом-2»! — прикалывался Никита.

— Никита...

— Чего?

— А «Дом -2» с Бузовой? — в лоб спросил Серега.

— Ну, да... дом номер 2 с Бузовой улицы... — попытался выкрутиться Никита.

— Никитос, ты все правильно понял: «Дом-2» с Ольгой Бузовой... А ведь ты тоже не растешь... Когда попал?

— А я все голову ломал над твоей фразой «навекки тринадцатилетние», — вздохнул Никита. — 4 июня попал 20...-го года... в поход пошли с классом.

— А я 21 июня 20...-го — на рыбалку с другом.

В коридоре тихо скрипнула половица. Открылась дверь в комнату, вошел капитан.

— Значится так, бойцы... Партизанов Сергей Алексеевич, быстро собираться, вот твоя форма — он протянул Сереге чуть запылившийся вещмешок, который передал «Сычу» Никита. Тебя ждет крытая машина, ты едешь к «любимому» младшему лейтенанту.

— Зачем? — Серый был шокирован...

— Надо так. Тем более, ты здесь «умер». А туда пришло подтверждение от твоего майора Смирнова... Или ты не рад? А он уже туда мчится на всех парах.

— Смирнов за мной едет! — просиял Серега. — А как же Никита...

— О Никите не беспокойся, он работает с нами. Сидишь чего? У тебя 5 минут!

5 минут, а как много хочется спросить у Никиты... Как много хочется рассказать...

Перед машиной Никита и Серега крепко обнялись, как боевые друзья, как земляки из одного времени.

— Никитос! Найди меня! Ну... ты меня понял — после войны... Я из Покровска.. Пожалуйста, найди, я знаю, ты — сможешь! И пиши! В/Ч 01509! Тебе же... не напишешь.

— Быстрее!

— Все, бывай! — Никита бросил вещи в тентованный кузов машины и сам ловко в него запрыгнул. Машина тронулась...

«Я же 2 года был рядом с ним, а не догадался, что я не один такой...» — подумал, глядя на уезжающую машину Никита.

— Вот такие дела, брат! Ты уж нас извини, младший сержант, что вот так обошлись... Главное, за "выкормыша" — прости. — виновато произнес младший лейтенант, глядя на Серегу в форме и со всеми регалиями — капитан Стрижов ухитрился не только привести форму в порядок, но и сделать, чтоб все было «по уставу».

Рядом с ним стоял старшина, с уважением смотрел на нашивки «за ранение» и награды.

— Да ладно, я понимаю, сам виноват... Прифронтная полоса, бродяга, который не знает, что как называется, а у самого форма в вещмешке. Меня тут из-за формы чуть не грохнули...

— Да ладно! — Удивился младший лейтенант. — На «птичку» нарвался? Тут ориентировка пришла на мальчишек — диверсантов, что немцы обучили и к нам в тыл забросили. Еще трое бродят... Самый опасный у них «Кукушонок», таких дел наворотил...

— Товарищ младший лейтенант, из города приехала Петрова Марья Петровна приехала, с последними известиями...

— Пусть проходит... Локтев! — позвал младший лейтенант. — Покорми "младшого". А ты, — сказал он Серёжке. — Форму больше не снимай. Да и не годится такие награды в вещевом мешке держать!

Не успел Серый выйти, как в комнату быстро вошла Петровна с последними известиями и застыла, выпучив глаза с открытым ртом, указывая на Серегу пальцем. Посмотрела на лейтенантика, на старшину и выдала:

— Так тебя ж сегодня убили и в канаве нашли!? ...

...Серёжку чуть не раздавили в своих объятьях майор Смирнов и старшина Овчаренко, аж косточки трещали, а Серега... верещал от счастья!

Стоял тёплый майский денёк. Фронт стабилизировался. Наши отдыхали, готовились к

наступлению, чтоб очистить территорию Родины от фашистов. Серёжка даже и не догадывался, что майор Смирнов еле-еле уговорил командование дивизии оставить не отправлять его обратно в тыл, в суворовское училище. Командир разведчиков поклялся всем, начиная от бога и заканчивая жизнью, что больше не возьмёт мальчишку в разведку.

Тишина, даже выстрелов не слышно, будто и нет войны, только в 300–500 метрах немецкие окопы. Серёжку редко пускали в окопы, но сегодня он напросился принести письма.

— Эй, народ! Серенький почту принёс!

— Сергей Батькович, мне есть?

— Нету.

— Партизан! Припартизанил для меня письмецо?

— Для тебя — да! Генацвале, а где лезгинка?

— Щас я тебе уши надеру, генацвале!

— На, держи, а то и правда уши открутишь — оторвёшь, а они у меня одни...

Серёжка не успел передать письмо. Звякнул металл о металл. Потом донёсся звук одиночного выстрела. Дернув головой, Сергей стал оседать на землю, кровь залила лицо. В каске было маленькое отверстие, с копеечку. Обычно каска спасает от пули, пуля рикошетит, но эта попала точно под прямым углом.

3-ий батальон обрушил на врага шквал огня, потом солдаты молча, без криков «ура!», пошли в атаку. За ним, узнав о гибели Серёжки, в атаку поднялись другие батальоны полка. Наступление началось раньше намеченного срока...

«Дядю Леву» и «Сыча» СМЕРШевцы взяли без Никиты. Парнишка понравился капитану Стрижову и его группе, он хотел, чтоб Никита работал с ними, но... не судьба. Никита должен был вернуться за линию фронта, чтоб получить новое задание...

Никита очнулся, от приступа сильной боли, он, лежа ничком, глухо, сквозь зубы, закричал.

«Как же так? Как я мог зацепить эту «лягушку»? (Sprengmine 35)

Никитка через боль привстать, но не смог. Рядышком была молодая березка... Обхватил ее руками, немного подтянулся... не смог встать... Сел, прислонившись спиной к березке...

«Давайте здесь. Под березкой», — вспомнилось Никите.

...Под березкой ему захотелось...

И снова Севастополь.

После возвращения из госпиталя старший лейтенант вызвал к себе Илюху. Он сидел на койке, жестом показал Илюхе сесть рядом.

— Ну, что, «боцман», катер к походам готов, поработали на славу. Мне сказали, что ты не захотел ехать в Нахимовское... Зря, Илюх...

— Андрей Андреевич, может хорош об этом? Я же сказал, спишете на берег, просто сбегу из детдома, прибьюсь к морпехам и просто к пехоте... Мне надо в Севастополь.

— Ладно, не будем об этом... Я написал еще тогда, в госпитале, представление на награждение тебя орденом... Но, ты очень мягко послал полковника из Москвы, поэтому, дали только «За боевые заслуги». Потянет?

— Товарищ старший лейтенант, я не гордый... Не загадывая вдаль... И вообще, зачем мне орден? Я согласен ...на...

— Пендаль! Пендаль ты сейчас получишь! Будет мне за Теркина выпендриваться! — подтянул Илюху, одной рукой прижал к себе, а второй стал щелкать по носу. Илюхе, обе руки которого были прижаты к старшему лейтенанту, приходилось только уворачиваться... Так его щелкал по носу папа... тогда в другой жизни. Чернов, как будто это почувствовал, отпустил Илью.

— Илья, а брат нашелся?

— Нет...

— Слушай, если у тебя никого нет, хочешь, я тебя усыновлю, тогда точно в детдом не пошлют!

Илюха помолчал.

— Если усыновите, тогда пошлют в Нахимовское. Оттуда я уже не сбегу, не спортивно. Андрей Андреевич, давайте так, как закончится война, не найду я своих, тогда Вы меня усыновите, хорошо?

В начале 1944 года Чернову вручили Звезду Героя. Когда он вернулся на базу — его встречали, экипаж ТК-13, другие экипажи... У всех на глазах, Чернов подошел к Илюхе, снял с себя «Золотую Звезду» и попытался приколоть ее на фланку юнги. Илюха убежал... прибежал к морю, забился между камней и ... проплакал навзрыд несколько часов. Впервые за много лет. Да, он плакал — «пускал слезу», но навзрыд... Выплакал все: боль, которую вытерпел, незаслуженные обиды, потери друзей и товарищей, горе, которое пережил... Макнулся в море. «Смыл все сопли», — так ему папа говорил.

Вернулся на ТК. Его ждали.

— Ну ты что, Илюха... Я же от чистого сердца. Если бы не ты со своим побегом с «губы», мы бы потонули, не выжили бы!

— Товарищ старший лейтенант, если Вы хотите, чтоб я ушел с катера, просто сделайте еще раз так же...

1944 год. Стратегическая инициатива в Великой Отечественной войне целиком и полностью перешла Красной Армии. В марте — апреле была проведена Одесская наступательная операция. Из Геленджика на Кавказе в Скадовск, двумя группами перешла 2-

я бригада торпедных катеров — ТК-13 и еще 14 единиц. Главной задачей катеров было нарушить коммуникации фашистов. Не дать румынским и немецким войскам получать боеприпасы и снаряжение, не дать проводить эвакуацию врага с полуострова. Когда началась операция по освобождению Крыма и была освобождена Евпатория, катерники перебазировались туда.

И вот Севастополь наш! 9 мая 1944 года! Как рвался туда Илюха! Но, надо еще добить врага на мысе Херсонес — не дать ему уйти. Наши самолеты, подводные лодки корабли, катера: все участвовали в этом.

Катерники действовали группами и часто атаквали транспорты и корабли фашистов в тёмное время суток. Экипаж ТК-13 под командованием старшего лейтенанта Чернова, всего за два удачных боевых выхода, 9 и 10 мая, четырьмя торпедами катер потопил четыре вражеских судна!

— Ну, Илюха, теперь точно, сверли дырочку на фланке, для ордена.

Илюха ждал этого момента — возвращения в Севастополь — больше месяца ждал, были боевые задачи. Катер шел средним ходом, только обогнал на входе в бухту транспорт...

— Мины справа!!! Катер сбросил ход. Мины были прямо по курсу нашего транспорта, а на транспорте, похоже, не заметили их... Стрелять? Транспорт близко,

— Семафор на транспорт — по курсу мины!

Пока командир отдавал команды Илюха скинул фланку, отстегнул с боков штанов пуговицы — почти выпрыгнул из них, ботинки он уже успел скинуть — слезли вместе с носками, потом тельник — прыгнул в воду.

— Куда! Вернись!!! — Илья уже не слышал старшего лейтенанта.

Странные действия экипажа ТК заметили, получили семафор, попытались остановиться и дать задний ход. Но на это надо время, а судно продолжает идти по инерции...

Илюха пытался как можно дальше отвести мину от корпуса

Борт все ближе... Ближе и вот он уже между миной и бортом транспорта... Мину качнуло волной на борт, Илья ударился спиной о корпус транспорта — больно... Чисто на автомате, как от бортика на плавательной дорожке в ДОФе, оттолкнулся ногами от корпуса... получилось! 5 метров от борта, 10, 20 метров — транспорт может пройти!

Удар, все же был сильный, Илья начал терять силы, стал захлебываться, когда он стал уходить под воду, увидел, что к нему спешат на помощь, бросают спасательные концы...

Илья открыл глаза, он был на дне... Поднял голову вверх — глубина метров 5... «Что это я, как дядя Шарик, прилег на дне отдохнуть — выплывать на поверхность надо!» — пронеслось в голове у него.

«... полюбит тебя...» — Разносилось по «Голубой бухте» с прибывшего к пляжу катера.

— Да-а-а-! — заорал Илья, разглядев на пляже маму и папу, заколошматил руками по поверхности моря. — Да! Да! Да-а-а!!!

В несколько гребков достиг берега, выскочил из воды, бросился к родителям и увидел испуганные глаза мамы: она смотрела на него не понимая, что произошло — ее Илья был весь в шрамах...

Большой полотенец скрыл Илью от назойливых взглядов соседей.

Сперва говорили, что это старые шрамы и это над мальчиком так издевались родители, потом соседи по купанию. Заявили, что 5 минут назад на мальчике не было шрамов, когда он шел в воду. В воду!!! После этого вспомнили ядовитых медуз и тому подобное — все выскочили из воды. Примчался друг отца и отвез Илюху в военный госпиталь. Там на него

посмотрели и сказали, что шрамы старые: пулевые, рваные, осколочные и ожоги. Если были бы настоящие, то парень бы не выжил. Внутренних повреждений приборы не обнаружили... Только внешние. Короче — розыгрыш. Илюха вернулся домой к папиному другу и его отдали родителям. У Ильи не было секретов от родителей, он все рассказал, что и как было. Родители верили всегда и поверили сыну безоговорочно. Шрамы решили лечить при помощи современных препаратов — мазей. Через неделю шрамы почти исчезли, остались лишь небольшие полоски.

Папа Ильи залез в интернет, нашел несколько фотографий того времени: на них был запечатлен Илюха с медалью «За Боевые заслуги» на борту ТК-13 в Геленджике. А на одном сайте было написано: «Юнга Фролов Илья, за проявленное мужество, посмертно, награжден орденом «Красной звезды». Погиб 21 июня 1944 года»

— Не понял!?! — удивлённо произнёс Алёшка, открыв входную дверь своей квартиры и увидев прихожую. Лёха несколько секунд стоял в растерянности, а потом вбежал в коридор. — Мама! Мама!!! Я вернулся!

Никита сидел, прислонившись спиной к дереву, внезапно раздался голос:

— Ну ты чего, друг ситный, Никитос? Обещал «позвонить по мобильному» и догонять! Там все лагерь обустривают. А он тут прохлаждается и меня заставляет за ним ходить туда — сюда!

Никита поднял голову, перед ним, у развилки тропинок, стоял папа Витальки. У Никиты сами собой потекли слезы.

— Никитос! Что случилось? — заволновался Виталькин папа.

— Сергей Иванович! Все супер, все в порядке. Просто какие-то мошки в глаза попали, щипят зараза. Вот сижу — плачу, жду, когда проморгаюсь...

Когда Пашка задремал, глядя в окно, он не понял... Поезд резко затормозил и стал останавливаться. От неожиданности Пашка стукнулся лбом о пластиковый столик у окна, зашипел от боли и подумал о «дровах, которые везли в поезде».

Больно ударившись плечом о дверь машины, от резкого толчка, Макс проснулся. «Опелек» съехал с шоссе на просёлочную дорогу. До бабушкиной деревни осталось минут 15 езды. Справа стояли ещё не убранные хлеба. Из-за леска, куда вела дорога, слышался шум тяжело работающих моторов. Сейчас через лесок, потом прямо по дороге, поворот на право, ещё пара километров и — приехали!

Из-за леса стали, не спеша, выползать трактора...

Через несколько дней, из интернета, Макс узнал, что Витька, все же, пошел в Великие Луки, и его снова пытали, он снова ничего не сказал и его снова расстреливали... И он опять выжил, только вот на это раз пуля прошла через левый глаз.

Серёжка вскочил с земли. Удочку сломал... Стоп! Удочка!

«Я же шел на рыбалку! Вместе с Юркой!»

Болело левое плечо, чуть ниже ключицы. Рыбу ловить уже не хотелось, и он повернул домой.

С этого дня Серёгу словно подменили: он замкнулся, стал молчаливым, угрюмым.

Однажды Сергей ходил с ребятами купаться на речку и ... не вернулся домой. Серёжкина мама не знала, что и делать, где искать сына? 12-ый час ночи! Пошла узнавать о сыне у друзей, с которыми ходил купаться.

— Тётъ Юль, я думал он уже дома. Он сказал, что потерял что-то на пляжике. Мы хотели помочь, но он сказал, что сам найдёт.

Мама нашла Серёжку сидящим на камне у реки, смотрящим на костёр пустым, отсутствующим взглядом. В руках он держал старые листки бумаги, кусок красной ткани, медаль "За отвагу", рядом лежала старая фляга.

Здесь у реки с Серёжкиной мамой случилась истерика. После этого Сергея как будто отпустило что-то тревожившее, и он стал прежним — шепутным парнем, только он стал носить эту красную ткань на груди, как пионерский галстук. Мама предложила ему свой пионерский галстук, у нее он тоже хранился, но Серега отказался.

В пятницу, 7 мая, в школу № 9 пригласили для выступления ветерана Великой Отечественной войны. Учащиеся 7–9 классов собрались в актовом зале. Ребята надеялись увидеть старичка, убелённого сединами с огромным количеством орденов и медалей, но на сцену поднялся бодрый дедулька лет 60-ти, с непонятными полосками на левой стороне пиджака, и без наград. Ученики недоумённо зашумели.

— Дорогие ребята! — начала Ольга Юрьевна, директор школы. — Хочу представить вам замечательного человека, редкой судьбы. Александру Семеновичу Кошелеву во время войны было столько же лет, сколько вам сейчас. Он награждён одним орденом и тремя медалями, но не носит их, говорит, что стесняется. Поприветствуем его и попросим рассказать о самом запомнившемся эпизоде войны!

Когда смолкли аплодисменты, смущенный Александр Семенович попросил:

— Ребята, честно говоря, я не знаю о чём вам рассказать. Давайте так: вы задаёте вопрос, можно написать записку, если стесняетесь, а я буду отвечать. Ну, спрашивайте!

Возникла неловкая молчаливая пауза... Подняла руку одна девочка:

— Александр Семенович, а какой у Вас орден и за что его Вам дали?

— Орден «Красной звезды» я получил...

Обычный семиклассник Серёжка Парнов сидел на предпоследнем ряду, закрыв глаза потирал внезапно разболевшийся шрам чуть выше левого виска и слушал...

Он никак не мог поверить, что такое бывает...

— И мы пообещали друг другу встретиться. Так и сказали, что обязательно встретимся. — С грустной улыбкой сказал Александр Семёнович, показывая самодельный складной нож.

— Говорят, что ножи не дарят, что это — к беде, надо заплатить, хоть копеечку, но у меня не было и копеечки. А я в школе был знаменосцем пионерской дружины... Я Сережке, когда его увозили в тыл, отдал свой галстук...

В огромной степени мне повезло, ведь из тех, кто начал воевать в 1941 году до победы дожил только один из тысячи...

Странно, но в актовом зале была очень тихо. Было слышно, как между оконными рамами жужжат проснувшиеся мухи.

— Александр Семёнович! — нарушила тишину какая-то девочка. — Вы с этим мальчиком — Серёжей, встретились после войны?

Все разом зашумели и вновь затихли, когда ветеран продолжил.

— Я искал его очень долго... Можно сказать — всю свою жизнь. Я не просто так

приехал в ваш город. Это его родной город. Да и у вас находится Центральный военный архив... Серёжка ... Я ведь и фамилии его не знал. Он конечно говорил, там в милиции, но её забыли. Документы сгорели, старший лейтенант Кутин умер от ран и болезней вскоре после окончания войны. Все звали его Серёжка Партизанов. — Александр Семёнович перестал крутить в руках карандаш и посмотрел на лица ребят в зале. — Я нашёл его следы именно под этой фамилией. Он, раненый в ногу, заменил у пулемёта убитого стрелка и сбил немецкий самолёт! Это когда его увозили из отряда.

— Круто! Я бы тоже сумел... — заявил один мальчишка.

— Как же, смог бы... — передразнил его другой. — Ты от вида своей крови, помнишь, когда из вены брали, в обморок упал! Ты бы там настрелял!

Вновь поднялся шум.

— Тише, тише, ребята! — успокаивала всех классный руководитель.

— А потом Серёжка совершил ещё один подвиг... Он сумел пробраться в немецкий штаб и добыть секретные документы... Но документы оказались не те, и это была не вина Серёжки ... И тогда Серёжка посоветовал захватить полковника, предложив себя в роли приманки. Кто же не остановится, увидев пойманным своего обидчика? Всё прошло здорово, если бы не адъютант полковника, который, видимо, получил приказ в случае опасности убить своего командира... И Серёжка прикрыл собой от выстрела ценного "языка". Думали, что он умрет, но Серёжка выжил, попал в Калининское суворовское училище — сейчас это город Тверь, — голос Александра Семеновича зазвенел, окреп и опять стал тише. — Из суворовского училища убежал на фронт. И опять его след потерялся... И вот сегодня я узнал, что он... — ветеран сглотнул подступивший к горлу комок. — Что он погиб 21 июня 1944 года...

И в этой тишине раздалось:

— Сергей! — стыдя, произнесла классный руководитель 7-го «Б» Елена Ивановна. — Как ты можешь спать, когда рассказывают о войне, о гибели боевых товарищей! А ещё рваную красную тряпку, как галстук, на шее нацепил! Тоже мне — пионер!

Серёжка от неожиданности вскочил с места. Все обернулись в его сторону... Александр Семёнович, посмотрев на Серёжку, стал лихорадочно терев воротник рубаха, резко дернул его... посыпались пуговицы...

«Скорая» увезла ветерана в больницу с подозрением на инфаркт, сердце Александра Семёновича не выдержало такого испытания, а Серёгу стыдили, пилили, прорабатывали, и вызвали на субботу родителей. А Серега был в ступоре... он просто не понимал, что произошло...

В субботу продолжили пилить, скоблить, стыдить... вспомнили про переходный возраст, гормональные взрывы, перепады настроения... посоветовали обратиться к хорошему психологу и, на всякий случай, показать психиатру, что мама Серёжки обещала сделать. А Серега стал ждать выздоровления Александра Семеновича... Сашки...

Больше книг на сайте - Knigoed.net